Апрель 2025

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

Американский взгляд на мир

Проблемы внешней политики, дипломатии, национальной безопасности

В номере:

Сергей Рябков, заместитель министра иностранных дел России. Россия – США: нельзя жить в столь гипертоксичной среде

Александр Фоменко, историк, политолог
Неизбежность Трампа

Дмитрий Евстафьев, профессор. «Серые зоны» и «дикое поле» как геополитические феномены периода кризиса глобализации

Владимир Боделан, заместитель губернатора Херсонской области - руководитель Постоянного представительства Херсонской области при Правительстве РФ
О гарантиях безопасности

Москва. Издается с марта 1922 г.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ

Ежемесячный журнал

ДИПЛОМАТИЯ

Сергей Рябков, *заместитель министра иностранных дел России* 4

В час по чайной ложке, шаг за шагом, медленно мы начинаем движение. Надеюсь, к нормальности

Преемственность в оценке главных вызовов и угроз с точки зрения американского самовосприятия в мире и задач обеспечения безопасности США как государства - налицо. Попытки сдерживать Россию, отбрасывать ее, ослаблять будут продолжены, иначе американцы не мыслят себе укрепление собственной безопасности. То есть базовая идея о недопустимости укрепления своей безопасности за счет безопасности других ими принципиально отвергается.

АМЕРИКАНСКИЙ ВЕКТОР

Александр Фоменко 12

Неизбежность Трампа

Приходящие сегодня из Вашингтона политические новости являются отражением давно идущих внутриамериканских процессов, осуществлением заранее заготовленных и выверенных планов, соответствующих целям и задачам, формулируемым и осуществляемым сторонниками конкретного направления американской политической мысли, связываемого сегодня с именем Президента Трампа.

Филипп Трунов 20

Вынужденное принятие неизбежного в стратегии США по урегулированию: от Вьетнама и Афганистана к Украине

Конец зимы - весна 2025 года богаты на юбилеи завершения участия США в важнейших военных и вооруженных конфликтах второй половины XX - первых десятилетий XXI века. Эти юбилеи побуждают вновь и вновь задумываться над тем, когда и с какими конкретными результатами может завершиться поиск урегулирования столь сложного украинского вопроса.

БЕЗОПАСНОСТЬ

Юлия Калинина, Анна Назарова, Нина Федорова 30

Современные вызовы для международного режима наркоконтроля

Легализация рядом государств наркотиков вопреки их обязательствам по конвенциям ООН, популистская интерпретация целей конвенций в пользу либерализации подходов как к наркопотреблению, так и незаконному наркообороту, политизация антинаркотического сотрудничества подрывают международные усилия в борьбе с глобальной наркоугрозой и доверие между государствами.

Роман Калинин 40

Ядерная проблема Корейского полуострова при Д.Трампе: перспективы и вызовы 2025-2029 годов

Ядерная проблема Корейского полуострова является одной из главных тем современной международной безопасности. Ее ядерный аспект выражен в стремлении КНДР развивать силы ядерного сдерживания в ответ на угрозу со стороны ядерной державы - США и их союзников. Политический - включает взаимоотношения государств Корейского полуострова и внешних участников, чья безопасность находится под угрозой из-за наличия ядерного оружия на Корейском полуострове.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Владимир Боделан 50

О гарантиях безопасности

Украина всегда была лакомым кусочком для Запада, и это желание никуда не делось, оно даже более ярко проявилось в современной войне. Абсолютно понятно, что, используя Украину как инструмент для ослабления России, Запад не отказался от своих собственных притязаний к Украине.

КАРТИНА МИРА

Дмитрий Евстафьев 52

«Серые зоны» и «дикое поле» как геополитические феномены периода кризиса глобализации

Современный этап трансформаций глобальной политики и экономики характеризуется формированием новых контуров регионального деления. Затормозившая в своем развитии геоэкономическая регионализация вновь становится актуальной, хотя и в скорректированных форматах.

Андрей Ильницкий 60

Суверенитет против гегемонии

По сложившемуся экспертному консенсусу главным внешнеполитическим приоритетом Трампа и его команды будет подрыв лидерских амбиций и потенциала Китая, ослабление и устранение его

как экономического и технологического конкурента с последующим выходом на «Большую сделку», заключенную на американских условиях.

ЭКОНОМИКА

Владимир Байков 66

500 крупнейших африканских компаний и российский бизнес

Объем выручки 500 крупнейших компаний в Африке не достигает и 2% в сравнении с аналогичным показателем 500 крупнейших мировых компаний, включенных в индекс «Fortune Global 500». На долю ЮАР, Египта, Нигерии приходится больше половины всей выручки 500 крупнейших компаний Африки.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Вадим Козюлин 68

Состояние и перспективы международно-правового ограничения информационной войны Запада против России

Сохранение национальной информационной экосистемы России становится одной из приоритетных задач государства. Нашей стране необходимо научиться противодействовать иностранным деструктивным информационным операциям и подготовить гражданских и военных экспертов, обладающих навыками противодействия иностранному информационному влиянию.

Валерий Лукин 80

Система Договора об Антарктике - модель многополярного мира

Договор об Антарктике определил правовой режим управления Южнополярным регионом планеты, создав условия невозможности возникновения в нем межгосударственных конфликтов. Этот договор стал первым международным актом о разоружении после завершения Второй мировой войны.

Амина Нагиева 88

Актуальные тенденции развития иммунитета неприкосновенности помещений дипломатических представительств

Последние годы дипломатическая практика изобилует примерами нарушений дипломатических иммунитетов и привилегий и одним из самых уязвимых иммунитетов стала неприкосновенность помещений, используемых в целях не только дипломатических представительств, но и других органов внешних сношений.

ТЕХНОЛОГИИ

Наталия Бабекина 98

Глобальный интернет, или Чему равен угол отражения

Россия на международных площадках делает все возможное для того, чтобы вместе со всеми странами разработать, согласовать и далее закрепить в высокоуровневых документах основные правила, которыми должны руководствоваться все участники глобального информационного пространства.

Егор Леонов 104

Технологические подходы к выстраиванию электоральных процессов (опыт зарубежных стран)

Первые признаки цифровизации избирательных процессов в системном виде были отмечены в ходе президентских выборов США 2008 года. С этого момента интернет-технологии зарекомендовали себя в качестве основного канала коммуникации и взаимодействия с избирателями.

МНОГОСТОРОННЯЯ ДИПЛОМАТИЯ

Артемий Шаталов 110

Гуманитарные аспекты деятельности Совета Безопасности ООН

В соответствии с Уставом в своей деятельности ООН руководствуется ясным «разделением труда» между различными уставными органами, организациями и агентствами ее системы. Так, Совет Безопасности ООН несет «главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности».

БИБЛИОТЕКА

Татьяна Зверева 120

Де Голль и его «команда»

Книга известного российского историка М.Ц.Арзаканян «Сподвижники де Голля» о профессиональном и жизненном пути французских политических деятелей, составлявших окружение генерала де Голля на разных этапах его жизни и после ухода его из политики продолживших его дело.

Евгений Бужинский 124

Индекс международной безопасности: российский взгляд, проницательный и уверенный

Ежегодник «Security Index Yearbook 2024-2025» - новый совместный продукт ПИР-Центра и МГИМО МИД России - включает наиболее актуальные аспекты и сюжеты развития системной глобальной безопасности, затрагивает вопросы развития института многополярности в контексте понимания текущей системы международной безопасности через призму российской внешнеполитической мысли.

СОВЕТ ЖУРНАЛА:

С.В.ЛАВРОВ, министр иностранных дел России

А.А.АВДЕЕВ, *Чрезвычайный и Полномочный Посол*

А.И.ДЕНИСОВ, *первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по международным делам, кандидат экономических наук*

А.С.ДЗАСОХОВ, *доктор политических наук*

И.С.ИВАНОВ, *президент РСМД, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук*

К.И.КОСАЧЕВ, *заместитель председателя Совета Федерации Федерального Собрания России, кандидат юридических наук*

В.П.ЛУКИН, *член Совета Федерации Федерального Собрания России, доктор исторических наук, профессор*

А.Ю.МЕШКОВ, *Чрезвычайный и Полномочный Посол России во Франции и Княжестве Монако по совместительству*

А.Н.ПАНОВ, *доктор политических наук*

А.К.ПУШКОВ, *член Совета Федерации Федерального Собрания России, кандидат исторических наук*

С.А.РЯБКОВ, *заместитель министра иностранных дел России*

М.В.СЕСЛАВИНСКИЙ, *общественный и государственный деятель, заместитель генерального директора по взаимодействию с органами государственной власти ООО «ХК ЮэСэМ»*

А.В.ТОРКУНОВ, *ректор МГИМО МИД России, академик РАН, доктор политических наук*

А.Л.ФЕДОТОВ, *кандидат юридических наук*

В.А.ЧИЖОВ, *первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по обороне и безопасности*

Ю.К.ШАФРАНИК, *Президент Фонда «Мировая политика и ресурсы», доктор экономических наук*

А.В.ЯКОВЕНКО, *Чрезвычайный и Полномочный Посол России, заместитель генерального директора медиагруппы «Россия сегодня», доктор юридических наук*

Главный редактор А.Г.ОГАНЕСЯН

НАУЧНЫЙ СОВЕТ:

А.Х.Абашидзе, *доктор юридических наук, профессор*

М.Ц.Арзаканян, *доктор исторических наук, профессор*

Ю.А.Булатов, *доктор исторических наук, профессор*

В.П.Воробьев, *доктор юридических наук, профессор*

В.И.Гасумянов, *доктор экономических наук, профессор*

О.Г.Карпович, *доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор*

И.И.Кравченко, *кандидат политических наук*

А.В.Крутских, *доктор исторических наук, профессор*

В.Д.Кузнечевский, *доктор исторических наук, профессор*

О.В.Лебедева, *доктор исторических наук, профессор*

В.О.Печатнов, *доктор исторических наук, профессор*

Е.Б.Пядышева, *кандидат исторических наук, доцент*

Ю.Н.Саямов, *доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор*

А.В.Торкунов, *доктор политических наук, профессор, академик РАН*

А.В.Фролов, *доктор политических наук*

В.В.Штоль, *доктор политических наук, профессор*

В ЧАС ПО ЧАЙНОЙ ЛОЖКЕ, ШАГ ЗА ШАГОМ, МЕДЛЕННО МЫ НАЧИНАЕМ ДВИЖЕНИЕ. НАДЕЮСЬ, К НОРМАЛЬНОСТИ

Армен Оганесян, *главный редактор журнала «Международная жизнь»:* ***Уважаемый Сергей Алексеевич, что, на ваш взгляд, лежит в основе новых подходов Вашингтона в отношениях к России, Европе, своим ближайшим соседям? Можно ли это назвать «новым курсом» Америки?***

Сергей Рябков: Если коротко, то в основе происходящего лежит стремление Президента Трампа и его людей реализовать на практике их знаменитый лозунг «Make America Great Again» - MAGA. Понятно, что этот лозунг уже затерт и многократно

СЕРГЕЙ РЯБКОВ

Заместитель министра иностранных дел России

атакован противниками нынешней администрации и внутри США, и в разных частях мира. Но факт есть факт: Президент Трамп имеет глубокие убеждения и настроен реализовать доктрину американского превосходства теми средствами, которые считает правильными. А их великое множество, начиная с того, что в его первый президентский срок называлось «осушением вашингтонского болота» (я, кстати, не уверен, что это получилось), и до реализации крупного, глобального замысла по перекладыванию на союзников значительной части бремени обеспечения их собственной безопасности.

Как я понимаю подходы нынешней администрации, то для нее самоочевидно, что на протяжении десятилетий многие союзники США, прежде всего в Европе, злоупотребляли американским «военным зонтиком». А расходы, которые в этой связи несла американская сторона, сейчас требуют переформатирования и перераспределения их значительной доли на другие страны. Кроме того, у администрации Трампа - своеобразные подходы к урегулированию множества конфликтных ситуаций в мире. Если попытаться выделить стержневой элемент этой линии, то его можно назвать

методикой шока и трепета: уж если пряники, то огромные, а уж если кнуты, то такие, от которых не увернуться. Ушибленное место «клиент» будет потирать очень долго. Вот это «Make America Great Again» в разных проявлениях.

Соответственно, мы имеем дело с доктринальным подходом к внешней политике, существенно отличающимся от того, что практиковалось демократическими администрациями, да и республиканскими тоже, до Трампа.

А.Оганесян: ***Трамп все время говорит, что он хочет мира на Украине. Какого мира он хочет?***

С.Рябков: Мое сугубо личное мнение: Президент Трамп действительно хотел бы договориться на той или иной основе, чтобы освободить себя и свою Америку от бремени политического, да и материального тоже, с которым связано продолжение прежнего курса, губительного, по большому счету очень опасного, чреватого сползанием к третьей мировой войне. Этот курс уже обошелся американским налогоплательщикам в десятки, если не сотни миллиардов долларов. Эти деньги нынешняя администрация хотела бы употребить, как минимум, по-иному, а в идеале, наверное, и найти способ, как их в какой-то мере компенсировать, то есть вернуть.

И для чего все это? Не только для того, чтобы предстать в тоге миротворца, оставить после себя очень серьезное наследие, хотя такого рода мысли, наверное, неких вашингтонских стратегов тоже посещают, но и для того, чтобы обеспечить себе свободу рук, чтобы заняться некоторыми другими, более долгоиграющими, более крупными сюжетами. Их тоже немало. Кстати, нечто похожее мы видели в первый срок пребывания Трампа у власти, когда большие усилия были приложены для того, чтобы внедрить некую новую схему подхода к ближневосточным делам, и, в частности к взаимоотношениям Израиля с его арабскими соседями.

Многое из того времени было унаследовано администрацией Байдена. При всей критике, которая доносится из демократического лагеря в адрес нынешней республиканской администрации, по факту преемственность обеспечивалась. К ближневосточной теме могу добавить усилия по вытеснению, в частности, России с мирового рынка углеводородов, стимулированию поставок американского сжиженного природного газа и в Европу, и в Азию. Подсаживание союзников на американскую энергетическую иглу было фирменным знаком первой администрации Трампа. И эта политика продолжилась при Байдене. Наверное, нечто подобное нас ждет в течение нынешнего срока пребывания Трампа у власти.

А.Оганесян: ***Коль скоро мы заговорили о возможных изменениях во внешней политике Вашингтона, вот как вы думаете, какие направления двустороннего сотрудничества с США могут быть разморожены в приоритетном порядке?***

С.Рябков: Если мы говорим о наших взаимоотношениях, то на сегодня помимо диалога по украинскому кризису и тем аспектам, которые с этим связаны, таким как черноморская инициатива, мы имеем отдельный и динамично развивающийся трек по двусторонним «раздражителям». Сразу после того, как администрация Трампа возобновила с Москвой прерванный при Байдене сфокусированный диалог на политических уровнях, мы приступили к отработке этих сюжетов. Там есть определенное продвижение вперед, хотя не стал бы анонсировать какие-то прорывы, крупные достижения. В час по чайной ложке, шаг за шагом, медленно мы начинаем движение. Надеюсь, к нормальности. Конечно, все обратимо, но пока с той стороны превалирует осознание того, что, как раньше, просто не получается, это неправильно, да и нельзя жить в столь гипертоксичной среде.

Предназначение посольств и вообще дипломатических агентов состоит в том, чтобы осуществлять коммуникацию, иметь возможность общаться, собирать информацию, доносить сигналы. Конечно, до тех параметров работы, которые

существовали в прошлом, - огромный путь, но с чего-то надо начинать. Облегчение выдачи виз, усовершенствование механизмов взаимных поездок и поездок нашего персонала по территории США, решение проблем обеспечения нормальных финансовых переводов для нужд дипучреждений - на этом сейчас сфокусирована работа по двусторонним «раздражителям».

А по-крупному мы, конечно, заинтересованы в том, чтобы и в экономической сфере началось некое движение. Неслучайно соответствующие сигналы направлялись и на высшем уровне с нашей стороны, и в ходе последующих контактов с представителями американской администрации. Есть набор вопросов, которые требуют внимания. К примеру, возобновление прямого авиасообщения - крупная тема, она назрела.

Кстати, возвращаясь к двусторонним «раздражителям», вопиющая ситуация сложилась с незаконным удержанием американцами шести объектов недвижимости, находящихся в нашей госсобственности, защищенных дипиммунитетом. Она требует первоочередного внимания. Американцы должны пойти на шаги, которые означали бы возвращение Вашингтона к выполнению обязательств в рамках Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 года. Мы об этом напоминали не раз и будем продолжать бить в одну точку. Они не должны думать, что для нас этот вопрос находится где-то на заднем плане. Все наоборот.

А.Оганесян: ***Скажите, наличие в команде Трампа такой фигуры, как Маск, ориентированной на освоение космоса, означает, что у нас на направлении космического сотрудничества могут быть какие-то прорывы?***

С.Рябков: Безусловно, компании, которые контролирует этот бизнесмен, за последние годы добились многого в освоении космоса. У нас тоже есть большие технологические заделы и уникальный опыт в данной сфере. Думаю, что по линии государственно-частного партнерства при наличии должной политической воли с обеих сторон все получится, и мы достигнем результатов, которые, хочется надеяться, превзойдут резонансный опыт прошлого, такой, например, как программа «Союз - Аполлон». Можно вспомнить и множество других примеров: МКС, программа поставок российских ракетных двигателей в США. Там, кстати, постепенно отказываются от нашей продукции в этой сфере, что было ожидаемо.

Но работы на взаимовыгодной основе вполне возможны, просто надо понимать, насколько все это стыкуется с действующим и в значительной мере усилившимся в последние годы санкционным режимом. Есть сюжет о том, что будет дальше с МКС. Это тоже обсуждается. Думаю, что контакты по линии Роскосмоса и НАСА продолжатся, как и упомянутое вами направление, связанное с деятельностью мультимиллиардера Илона Маска.

А.Оганесян: ***Трамп провозгласил уменьшение расходов на военные цели. Означает ли это, что Пентагон сократит свое присутствие более чем на 700 базах по всему миру?***

С.Рябков: Знаю только о том, что воплощено в конкретных решениях. В бюджетном законодательстве пока мы видим противоположный тренд. Идет неуклонное наращивание американских военных расходов, как и расходов на силовые структуры США в целом. Общая цифра давно превысила триллион долларов. Это баснословная сумма.

Понимаю, что есть определенные позывы с американской стороны попробовать выбить побольше денег на коллективную оборону из натовских союзников. А там особо ретивые и агрессивно настроенные по отношению к России деятели иной раз готовы бежать впереди «американского паровоза» и принимать на себя повышенные капиталистические обязательства по части цифр к каким-то датам, возможно, к новой встрече с Трампом или еще к чему-то. Мы помним, как повышенные социалистические обязательства порой недовыполнялись в силу объективных причин. Понаблюдаем за тем, насколько у этой капиталистической ком-

сомолии из Брюсселя хватит порыва и энтузиазма для того, чтобы выполнить повышенные капиталистические обязательства, осваивая бюджетную целину в своих странах.

А.Оганесян: ***Насколько вероятен выход США из НАТО?***

С.Рябков: Не думаю, что это произойдет. В риторике, вокабуляре, лексике, которыми пользуется нынешняя администрация, присутствует определенная доля бравады. Наверное, здесь тоже есть элемент такого вербального кнута, которым можно стегануть «натовскую лошадь». Это, конечно, не Росинант, бедное животное, а хорошо откормленный жеребец, которого, с точки зрения американского ковбоя, нелишне пришпорить.

Чтобы они расстались, должно произойти что-то совершенно для меня невообразимое. Я в это не верю. В течение десятилетий происходила и происходит смычка европейских и американской элит на почве теснейшего взаимодействия в сфере безопасности, да и экономики, культуры, идеологии. Что, вот просто перерезать эту пуповину и сказать: теперь стоп? По-моему, это из разряда невозможного.

А.Оганесян: ***Насколько зависит будущая судьба переговоров по СНВ от событий на Украине?***

С.Рябков: Мы всегда говорили, и эта позиция остается неизменной, что без очевидного, то есть фиксируемого, реального изменения к лучшему той глубоко антироссийской политики, которую проводит Вашингтон на протяжении последних лет, мы не сможем всерьез рассматривать варианты перезапуска диалога по стратстабильности, включая перспективы контроля над стратегическими вооружениями. Эта позиция остается в силе, мы от нее не отступаем. Думаю, что в Вашингтоне уловили внятность нашего подхода в данной сфере. Но при этом, как неоднократно говорилось Президентом Путиным, мы к диалогу будем открыты, и если и когда он окажется запущен, то будем отрабатывать позиции, которые, безусловно, во всех аспектах подчинены задаче укрепления нашей национальной безопасности. Среди прочего элементами такого подхода является обязательный учет тех ядерных потенциалов, которыми располагают ближайшие европейские союзники США - Соединенное Королевство и Французская Республика. Там тоже идут свои процессы, там тоже отвечающие за ядерный арсенал политики и специалисты не сидят сложа руки. Мы это не можем игнорировать.

Видим, что сейчас происходит на фоне общего волнения и очевидного психологического дискомфорта, который испытывают в Париже и Лондоне власть предержащие. Пошли разговоры о том, что раньше просто было немыслимо, - раскрыть французский «ядерный зонтик» над есовской Европой. Если я и утрирую, то лишь слегка. Это новая постановка вопроса, и такого рода моментов немало. Видим, что творится в сфере противоракетной обороны, когда концепция «Железного купола», трансформируясь в «Золотой купол», уже в качестве своих ключевых ингредиентов содержит ровно то, против чего мы предупреждали, когда еще только вся американская программа ПРО зарождалась. А именно, в конечном счете это будет глубоко дестабилизирующий проект, содержащий теперь и потенциал превентивного удара, с возможностями достартового перехвата, в том числе из космоса, тех наступательных вооружений, которыми располагаем мы и которыми располагает Китай. Речь, среди прочего, идет о существенном усилении космического компонента американской ПРО.

Я открыто говорю о возникающей угрозе не для того, чтобы нагнетать страхи. Хотя угрозу нельзя игнорировать. Это иллюстрация к тезису, что без комплексного, полного, глубокого учета всех новых факторов в стратегической сфере мы не сможем выйти ни на какой здравый, осмысленный диалог, даже если вдруг в политике США на российском направлении обнаружатся реальные неоспоримые сдвиги к лучшему.

А.Оганесян: ***Вы, конечно, ознакомлены с недавно опубликованным ежегодным докладом разведывательного сообщества США. Не создалось ли у вас впечатления, что при всех риторических высказываниях, исходящих от Президента Трампа и его ближайшего окружения, такой доклад с формулировками относительно России мог бы появиться и при Байдене, и при Обаме?***

С.Рябков: Не очень соглашусь с вами, Армен Гарникович, потому что все-таки нюансировка и подача отличаются от того, что было в прошлом. Видно, что изменившаяся ситуация и особенности подхода нынешней команды в Вашингтоне к международным делам нашли отражение в этом документе, по крайней мере, насколько мы имели возможность по СМИ ознакомиться с фрагментами его содержания.

Но вы правы в том, что преемственность в оценке главных вызовов и угроз с точки зрения американского самовосприятия в мире и задач обеспечения безопасности США как государства - налицо. Мы не склонны драматизировать, но и недооценивать влияние этого материала на ту политику, которая будет проводиться при Трампе, тоже нельзя. Безусловно, мы имеем материальное свидетельство того, что попытки сдерживать Россию, отбрасывать ее, ослаблять будут продолжены, иначе американцы не мыслят себе укрепление собственной безопасности. То есть базовая идея о недопустимости укрепления своей безопасности за счет безопасности других ими принципиально отвергается. Это один из выводов, который мы делаем после ознакомления с данным материалом.

А.Оганесян: ***Пойдет ли Зеленский и его окружение на то, чтобы исполнить требования Трампа о прекращении войны? Непохоже, чтобы американцам удалось пересилить влияние Лондона на киевские власти. А это значит, что намерения США в украинском кризисе результата не принесут?***

С.Рябков: Мы не слышали от Трампа сигнала Киеву о прекращении войны, это натяжка. Все, что есть на сегодня, это попытка найти некую схему, которая позволила бы вначале добиться прекращения огня, как оно мыслится американцами, а затем перейти к неким другим моделям и схемам, в которые, насколько можно судить, на сегодня не очень укладывается наше главное требование, а именно - императивность решения проблем, связанных с первопричинами конфликта. Вот это начисто отсутствует, и данную ситуацию нам надо будет менять.

Предлагаемые американцами модели и решения воспринимаем весьма серьезно, но не можем все это принимать безоговорочно. У нас есть глубоко и тщательно продуманный комплекс собственных приоритетов и подходов к данной теме, который отрабатывался нашей командой в том числе на недавних переговорах с американцами в Эр-Рияде. Работа будет продолжена.

Влияние конъюнктуры, влияние деструктивных веяний из европейских столиц, включая Лондон, безусловно, присутствует, это нельзя отрицать. И мы видим, что на сегодня в Вашингтоне, как в хоккейном матче в финале НХЛ, смена составов играющих троек на американской площадке происходит моментально. И круговерть этих европейских троек, которые должны обеспечивать постоянную энергетику воздействия на трамповские ворота, будет сохраняться и дальше. Вот чем сейчас занимается Евросоюз. За редкими исключениями он работает на подрыв шансов достичь мирного урегулирования, занимается проповедью войны, занимается идеологической обработкой старшего брата.

Не знаю, скоро ли старшему брату надоест слушать эти понукания и нравоучения от разных, извините, самозванных лиц. Некоторые из них непоколебимо уверовали в собственное высоколобие, а на деле демонстрируют полнейшее скудоумие. Кто-то просто так воспитан во всяких элитных колледжах и себя по-другому не мыслит. Соответственно, пытается разговаривать менторски, пробует диктовать международную повестку дня сегодняшнему Вашингтону.

Это опасный путь. Надеюсь, что прозрение у тех, кто встречается с этими европейскими, да и киевскими «группами влияния», наступит достаточно быстро. Иначе шансы договориться будут таять.

А.Оганесян: ***Как можно реагировать на недавнее заявление Трампа о том, что он готов наложить вторичные санкции, или, как он называет, вторичные пошлины на российскую нефть?***

С.Рябков: Собственно говоря, мы не удивились. Это бывало и раньше. Стилистика первой администрации Трампа говорила о многом. Мы отфиксировали и запомнили, что при отсутствии скорых искомых результатов возможна полная смена риторики Вашингтона, и вслед за риторикой практические шаги могут оказаться противоположными тем, о чем говорилось поначалу. Единственный способ, как нам действовать в этой ситуации, это проявлять последовательность, терпение и разъяснять суть подхода аргументированно, доступно, внятно. Конечно, сообразуясь с происходящим, что называется, «на земле».

Кстати, мы уже и в течение второго срока пребывания у власти Президента Трампа наблюдали моментальную смену подхода, например, к вопросу оказания военной помощи Киеву. Это проявление особой способности переключать органные регистры, исполняя сложную геополитическую партию. Но мелодия, которую играют, не меняется. Это та же самая MAGA - «Make America Great Again».

А.Оганесян: ***В расшифрованных файлах, связанных с убийством Кеннеди в 1963 году, появились документы, которые подтверждают, что у Израиля есть своя атомная бомба и ее помогли создать США. Получается, что сами американцы нарушили режим нераспространения?***

С.Рябков: Напомню, что тот период, о котором вы ведете сейчас речь, предшествовал заключению Договора о нераспространении ядерного оружия, так что формально никакого нарушения с американской стороны обязательств в рамках этого договора, если подобного рода содействие оказывалось, не было.

Были ли у Вашингтона возможности и ресурсы для того, чтобы повлиять на политику Израиля в данной сфере? Уверен, что были. Но политическая воля и суперособый характер отношений между этими странами исключали такое сдерживающее влияние.

В других аспектах США демонстрировали пренебрежительное отношение к выполнению некоторых своих ключевых обязательств в данной сфере, я имею в виду прежде всего практику совместных ядерных миссий, которая внедрена и продолжает развиваться в рамках НАТО. А теперь она еще и экстраполируется, мультиплицируется на Северо-Восточную Азию и на союзников там. Думаю, что будет правильно сказать, что те страны НАТО, которые по смыслу Договора о нераспространении ядерного оружия являются безъядерными, но вместе с тем участвуют в упомянутых совместных ядерных миссиях (nuclear sharing), соучаствуют в нарушении его ключевых статей. И мы об этом будем говорить прямо.

Мы, конечно, были бы за то, чтобы Израиль присоединился к ДНЯО в качестве безъядерного государства. Израильские коллеги хорошо знают эту нашу позицию. Они знают и о том, что Россия на протяжении уже продолжительного времени ведет активную работу в пользу создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия. Понимаем, насколько это сложно. Глубоко погружены в комплекс проблем, связанных с данной постановкой вопроса, но иначе, если этого не делать, мы будем размывать базовое понимание о бессрочном продлении Договора о нераспространении ядерного оружия, которое с участием России как одного из депозитариев ДНЯО было достигнуто в 1995 году.

А.Оганесян: ***Некоторые обозреватели в странах Глобального Юга высказывают опасение, что с развитием двусторонних отношений России и США значение БРИКС как организации уменьшится. Вы разделяете такие опасения?***

С.Рябков: Не вижу взаимосвязи между развитием наших отношений с США и деятельностью в рамках БРИКС.

Развитие наших отношений с США - это еще задача на будущее. Пока мы ведем речь хотя бы об относительной нормализации этих отношений. Мы должны прийти хотя бы к какому-то более или менее приемлемому использованию слегка приоткрывшегося ныне окна возможностей в отношениях с США, прежде чем говорить об их развитии. Это все требует огромного внимания и усилий, причем с обеих сторон, и результат не гарантирован.

Что касается БРИКС, то объединение набрало хороший ход как с точки зрения обеспечения все более осязаемых практических результатов в самых разных областях, так и с точки зрения собственного расширения, наращивания возможностей взаимодействия со странами-партнерами. На сегодня БРИКС обладает современным обликом и узнаваем не только среди населения тех стран, которые туда входят, но и в целом в международном сообществе.

Если вести речь о неких угрозах со стороны администрации США в адрес БРИКС и стран - членов БРИКС, то наше отношение к этому серьезное, но спокойное. Терпеливо разъясняем, что не разрабатываем в рамках БРИКС никаких альтернатив доллару. Просто ведем речь о модернизации расчетно-финансовой архитектуры таким образом, чтобы наше взаимодействие в рамках объединения не страдало от посягательств некоторых акторов, которые фактически злоупотребляют своим монопольным положением в данной сфере для того, чтобы нанести кому-то ущерб. Это не то же самое, что пытаться заменить нечто или подменить его чем-то. Это попытка построить некую параллель. Здесь есть заделы, и в период российского председательства мы неплохо продвинулись. Ожидаем, что в текущем году, в период бразильского председательства, мы сделаем новые шаги. По крайней мере, к этому будем вести. Рады, что внутри БРИКС сложилось достаточно солидное, устоявшееся понимание того, что в финансово-экономической сфере это тот путь, по которому нужно двигаться.

А.Оганесян: ***Сергей Алексеевич, Трамп запросил у Конгресса разрешения на военные удары по Ирану, поставил своего рода ультиматум Тегерану. Как России поступать в условиях, когда мы в январе этого года подписали с Ираном Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве?***

С.Рябков: Угрозы действительно слышны. Слышны и ультиматумы. Мы подобные приемы считаем неуместными, мы их осуждаем. Это способ навязывать иранской стороне собственную волю, осложнить обстановку и вызвать эффекты, которые по большому счету потребуют в дальнейшем многократно больших усилий с точки зрения нивелирования опасности возникновения еще одного, не дай Бог, открытого конфликта. Степень напряженности на Ближнем Востоке уже и так очень высока.

Предлагаем альтернативный путь. Вы упомянули о двустороннем договоре о стратегическом партнерстве. Действительно, это качественный шаг в сближении наших государств. Мы развиваем партнерство по широкому кругу вопросов и будем это делать с иранцами дальше, независимо ни от каких угроз.

Что касается других форматов, то, например, трехстороннее взаимодействие Москва - Пекин - Тегеран осуществляется ради повышения шансов на дипломатическое решение тех проблем, которые вызывают озабоченность с другой стороны. Это один из наших ответов. Призываю присмотреться к тому документу, который был принят в Пекине на трехсторонней встрече 14 марта 2025 года. Хотим, чтобы оппонентам на другой стороне было понятно, что, действуя в интересах укрепления региональной и национальной безопасности, используя для этого ресурсы сотрудничества в самых разных областях, мы ничего не нарушаем, мы строго следуем своим международным обязательствам и своему национальному законодательству. Наша политика транспарентна. Предлагаем реальную, разумную альтернативу. Тем более что имеется опыт

нахождения коллективных решений тех проблем, которые возникают в этой сфере.

Сожалеем, что первая администрация Трампа приняла в 2018 году решение в одностороннем порядке выйти из Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД). Прошло ли время СВПД? Вопрос дискуссионный. Некоторые говорят, что пора подвести черту и искать другие решения. Мы считаем, что все зависит от того, насколько в соответствующих столицах присутствует политическая воля. Достаточна ли она для такого поиска? Мы к нему открыты. Мы не догматично к этому подходим. Выступаем против силовых решений, против агрессии, против ударов. Последствия этого, особенно если удары будут по ядерной инфраструктуре, могут оказаться катастрофическими для всего региона. Уже не говорю о том, какого рода последствия это может иметь с точки зрения действий Тегерана, о чем иранские коллеги тоже говорят открыто и внятно.

Поэтому пока еще время есть и поезд не ушел, нужно удвоить усилия, чтобы на разумной основе попытаться договориться. Россия готова предложить свои добрые услуги и Вашингтону, и Тегерану, и всем, кто в этом заинтересован.

А.Оганесян: ***Через два года в Конгрессе большинство могут взять демократы, потом демократы могут выиграть и президентские выборы, но ведь тогда рухнет вся конструкция внешней политики Трампа. Учитывается ли такая перспектива при выстраивании нашей политики с Вашингтоном?***

С.Рябков: А если не выиграют? Если республиканцы выиграют и те и другие выборы? Если мы будем иметь усиление нынешнего тренда, проявившегося в том числе в огромном преимуществе Президента Трампа над оппонентом в общенациональном масштабе и в так называемых колеблющихся штатах?

Надо просчитывать все варианты. Как бы то ни было, двигаться мы будем, сообразуясь с единственным компасом - национальными интересами России. Другого быть не может.

Задача дипломатов, задача внешнеполитической службы сделать так, чтобы эти интересы были поняты, а в идеале приняты как база для договоренностей, и это независимо от того, какая партия задает тон в палатах Конгресса США и представитель какой партии в данный момент времени находится в Овальном кабинете Белого дома.

Ключевые слова: *Россия, США, Европа, внешняя политика, украинский кризис, Президент Д.Трамп, санкции, космическое сотрудничество.*

Александр Фоменко

Историк, политолог

alexanderfomenko@inbox.ru

Ключевые слова: *США, Д.Трамп, внутриамериканские процессы, внешняя политика.*

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ТРАМПА

Первые шаги нынешней администрации США часто воспринимаются внешними наблюдателями в качестве некой странности, непонятного отступления от того понимания целей и задач американской политики, которое стало за последние десятилетия, особенно за 1990-2000-е годы, привычным и общепринятым едва ли не для всех в мире.

Между тем приходящие сегодня из Вашингтона политические новости являются отражением давно идущих внутриамериканских процессов, осуществлением заранее заготовленных и выверенных планов. Планов, соответствующих целям и задачам, формулируемым и осуществляемым сторонниками конкретного - почти незнакомого нашему политическому классу - направления американской политической (и экономической) мысли, связываемого сегодня с именем Президента Трампа.

В 1990-х годах, во времена Клинтона, они называли себя «America Firsters» (от англ. America First - «Америка прежде всего»). Противопоставляли они себя не внешнему миру, а именно американским (и в целом англосаксонским) интернационалистам, так называемым глобалистам и неоконам, чьи интересы выражали в первую очередь демократические администрации

Статья с таким названием могла бы быть опубликована уже в начале 2017 г., когда весь мир столкнулся с попыткой возвращения к власти той части американского политического класса, которую можно назвать «национально-патриотической» (если использовать привычный для нас постсоветский термин) на американский лад, разумеется.

последних десятилетий. (Хотя не только демократические: после военно-политического и экономического триумфа, пережитого Америкой после успешного для нее завершения Второй мировой войны, любые нейтралисты и изоляционисты были на годы вперед вытеснены за пределы Вашингтона, округ Колумбия.)

Первой попыткой традиционной, весьма консервативной Америки восстановиться после двух президентских сроков Клинтона можно считать ее голосование за Джорджа Буша-мл., вследствие чего тот обошел весьма либеральных Альберта Гора и Джона Керри[1]. И то, каким образом левый американский медийный истеблишмент относился к ненавистному им Бушу-мл. в начале его президентства, ничем не отличалось от последующего отношения этого истеблишмента к Дональду Трампу. Лишь 11 сентября 2001 года и последовавшее за ним начало новой эры американского гуманитарного интервенционизма в глобальном масштабе примирили с ним глобалистов - как демократов, так и республиканцев: так называемые неоконсерваторы заняли ключевые позиции в аппарате национальной безопасности и Государственном департаменте, практически перехватив президентство Буша. После чего антиреспубликанский медийный мейнстрим в США резко забыл о своих претензиях к Бушу-мл., столь громко высказывавшихся в первые месяцы его президентства.

Но при этом не только возможность, но даже неизбежность возвращения к власти сторонников «другой Америки», людей стиля Эйзенхауэра, Кеннеди, Никсона и Рейгана, была очевидна уже тогда: во время пленения неоконами Буша-мл. - не столько для внешних наблюдателей и акторов, сколько для внутриамериканских игроков.

Этим, пожалуй, и объяснялся тот невероятный напор, с которым проводили в XXI веке - как при Обаме, так и при Байдене - свою повестку американские лево-правые либеральные мечтатели. Глобалисты и «вокисты» (wokists) пытались застолбить как можно больше до того, как придется отступить (они надеются, что временно) перед приходом реалистов - правых во всех смыслах консерваторов.

Восемь лет назад, после выборов 2016 года, эти консерваторы и национал-патриоты получили было шанс на ревизию американской государственной системы: именно их представлял как сам Президент Дональд Трамп, так и его ближний круг - Стив Бэннон и другие публичные фигуры его первой администрации, объявившей своей целью вновь сделать Америку великой.

Но тогда противостоявшие консерваторам и патриотам либеральные «клинтониты», неоконы и прочие интернационалисты, посчитавшие поражение Хиллари Клинтон на президентских выборах досадным недоразумением, сумели эффективно купировать возникшую было угрозу. Невиданная в американской истории кампания давления по самым разным направлениям на вновь избранного Президента США, постоянные попытки его отстранения от должности и сознательный саботаж бюрократии (сформированной неоконами под свои цели) заставили первую администрацию Трампа уйти в глухую оборону и фактически лишили ее какой-либо возможности вести наступательные действия.

Сейчас все другое: вторая администрация Трампа пока ведет исключительно наступательные действия, более того, она заранее предупредила противника об основных направлениях своих ударов по той глубоко эшелонированной системе принятия важнейших политических решений поверх официальных бюрократических барьеров и разграничений, которая получила наименование «глубинного государства»[2]. Речь идет не только об очистке собственно вашингтонского «болота» от давно и безнадежно коррумпированных бюрократов в самых разных ведомствах, включая Министерство финансов, спецслужбы и в целом правоохранительную систему, но и о полномасштабном восстановлении норм американской Конституции - свободы слова, свободы владения личным оружием и т. д.

В целом смело можно говорить о настоящей революции сверху, проводимой силами верховной власти в правовом поле. Эта вторая для страны революция (сиречь переворот) является столь же сугубо американским явлением, как и первая: она опирается на тот самый здравый смысл, которым были преисполнены отцы-основатели Американской республики и апелляция к которому в былые времена являла собою существенную часть политической традиции страны[3].

Для понимания этой традиции следует иметь в виду, «что в 1776 году американские мятежники считали себя настоящими защитниками британской Конституции и что в 1861 году южане в обоснование отделения Юга приводили не свое право на революцию, но аргументы конституционного свойства»[4]. Очевидно, что эта черта американских революционеров сильно отличала их и от участников известных европейских революций, направленных на исполнение неких утопических преобразований, и от русского бунта (названного Пушкиным «бессмысленным и беспощадным»). В отличие от Кромвеля, якобинцев, русских февралистов и большевиков, отрицавших самые основы предыдущего правопорядка, вожди Американской революции вовсе не считали ее бескомпромиссным восстанием против властей предержащих[5].

И сегодня то же: весь пафос Трампа и трампистов направлен на восстановление конституционного порядка, на восстановление былого величия Америки, а вовсе не на осуществление очередной политической утопии. Учитывая тот факт, что именно американские колонисты, поднявшие восстание против Лондона, впервые в истории определили себя в качестве патриотов, нет ничего удивительного в том, насколько подозрительно «глубинный народ» и опирающиеся на него традиционные американские элиты относились и относятся к идеологемам, импортированным в Америку извне.

Во многом собственно этой подозрительностью и недоверием к Старому Свету (вкупе с приверженностью американцев к здравому смыслу) объяснялось многолетнее и стойкое неприятие Америкой марксизма, созданного в далеком Лондоне двумя прусскими эмигрантами-апатридами, и всех его производных. И даже сегодня, когда в нынешней Европе во власти пребывают элиты, в той или иной степени пропитанные социалистическими (а то и прямо марксистскими) идеями, для американских консервативных патриотов само слово «социализм» имеет заведомо отрицательное звучание[6].

Столь же подозрительным всегда было отношение Америки к старому европейскому «империализму». Оба соперничающие друг с другом течения американской внешнеполитической мысли - изоляционизм и интервенционизм - являлись, по сути, культурно-психологической реакцией на этот мощный европейский раздражитель.

Из этих двух разнонаправленных стереотипов внешнеполитического поведения - и желания не походить на империалистическую Европу, и желания походить на нее во всем, - имевших один и тот же источник, в течение первого столетия американской истории явно преобладал первый.

Собственно американская внешнеполитическая традиция, сильно отличающаяся от известных нам глобалистских практик последних нескольких десятилетий, прямо восходит к заветам американских отцов-основателей. Например, 4 июля 1821 года (т. е. за два года до провозглашения доктрины Монро) в то время государственный секретарь (и будущий президент) Джон Куинси Адамс выразился более чем ясно относительно характера своей страны и соблазнов, поджидающих ее во внешней политике: «Она хорошо знает, что, однажды занявшись не своим делом, даже если это дело чьей-то независимости, она ввяжется во все войны интересов и интриг, личной алчности, зависти и честолюбия, которые присвоят цвета знамени свободы и узурпируют его. Постепенно основополагающим принципом ее полити-

ки вместо свободы станет насилие. Она может превратиться в мирового диктатора вопреки собственной натуре»[7].

Совершенно очевидно, что для американских глобалистов-неоконов (часто выходцев из троцкистов) эти слова Дж.К.Адамса являлись и являются либо пустым звуком, либо лишним раздражителем: к наследию отцов-основателей США эти персонажи относятся безо всякого пиетета. Но не менее очевидно и то, что для обычных американских патриотов, America Firsters, подобные антиимпериалистические заявления отцов-основателей являлись и до сих пор являются руководством к действию.

Именно из-за незнания европейским истеблишментом американской истории и традиций своеобычного американского антиимпериализма возникло столько взаимного непонимания между Брюсселем, различными европейскими столицами и Вашингтоном с началом еще первого президентства Дональда Трампа.

Нынешнее состояние ступора, в котором оказались привычно сервильные по отношению к США правящие элиты практически всей Европы с началом второго президентства Трампа, имеет ту же причину - полное неведение об особенностях формирования американской цивилизации, ключевых ее чертах и этапах развития.

Этим же неведением объясняется и то очевидное удивление, с каким восприняли действия Трампа и его людей внешние наблюдатели, которые привыкли находиться в явной и неявной, внешней или внутренней оппозиции по отношению к Вашингтону. Ведь за прошедшие с момента создания НАТО три четверти века сформировалась настоящая политическая субкультура, субкультура противостояния Северной Атлантики - вначале Востоку Европы (Евразии), а затем и всему остальному миру[8].

Это привело к тому, что древний и принятый устав противостояния никто не ставил под сомнение в течение долгих десятилетий, прошедших с момента глубокой мутации собственно американской внешнеполитической традиции вследствие Второй мировой войны.

Многовековой британский страх чьего бы то ни было «преобладания» на европейском континенте в середине XX века настиг, вслед за островным Лондоном, и вполне континентальный Вашингтон, которому отошла существенная часть его, Лондона, колониальной империи (ставшей теперь, разумеется, империей неоколониальной).

С основными установками внешней политики Лондона и Вашингтона случилась тогда перемена мест. А в отличие от математики в политике перемена мест слагаемых меняет их сумму. Былой противник европейского империализма и колониализма, долго и упорно добивавшийся деколонизации европейских колоний во всех частях света, достигнув положения единственной мировой сверхдержавы, не смог избежать старых соблазнов.

Америка ничтоже сумняшеся начала все чаще повторять британский опыт обременительного глобального всеприсутствия, и не вполне ясно было даже здравомыслящим американцам, зачем она это делала?

Не сбылись надежды Дж.К.Адамса на то, что его страна «не пойдет за океан, чтобы отыскивать и уничтожать монстров»: уже в президентство Клинтона Федерация американских ученых насчитала за прошедшее после Второй мировой войны время около 200 случаев применения американских вооруженных сил для нападения[9].

Хотя стародавний «гуманитарный интервенционизм» в стиле Вильсона сменился - уже на нашей памяти - новой формой так сказать гуманитарного империализма в стиле Дика Чейни и Джорджа Буша-мл., а мантры неоконов стали общим местом западного информационного мейнстрима.

В конце концов главным содержанием новой, противоречащей всем заветам отцов-основателей Соединенных Штатов политики «экспорта демократии» (своего рода второго

издания «экспорта революции») стала, по выражению великого американского историка Чарльза Бэрда, «вечная война ради вечного мира»[10].

Но подобное изменение американской политической традиции вовсе не было неизбежным. И эта глобалистская и интернационалистская мутация американской внешней политики вызывала и до сих пор вызывает раздражение у самих американцев - тех, кому все еще искренне дороги политические идеалы отцов-основателей республики. Эта республика до сегодняшнего дня сохранила свое историческое название, но политически и культурно мутировала до такой степени, что впору было бы это ее название сменить.

Можно сказать, что со времени президентства Клинтона Соединенные Штаты Америки имели такое же отношение к исторической Американской республике, какое коммунистический СССР 1930-х годов имел к исторической Российской империи, - явно не прямое. Но советская мутация исторической России имела свое собственное имя, свое (конфедеративное) государственное устройство, свой собственный флаг и свой собственный герб - вполне глобалистский и интернационалистский, кстати. А вот заметно мутировавшие США вводили всех в заблуждение двухвековой неизменностью своих внешних атрибутов.

У иностранцев, не знающих и не понимающих всей этой проблематики, часто вызывает непонимание страстное желание американских консерваторов и патриотов вновь сделать Америку великой. Им, внешним наблюдателям, иногда кажется, что MAGA - это какой-то странный каприз группы экзальтированных миллиардеров, а не широкое народное движение. Поэтому столь многие из этих наблюдателей с нескрываемым удивлением воспринимают сегодня публичные действия Президента Трампа и его администрации, практически не веря глазам своим. И с явным трудом осознавая, насколько глубоки противоречия между America Firsters, для которых родная страна и ее величие являются безусловной ценностью per se, и всей этой сложной коалицией разного рода глобалистов - неоконов, вокистов/трансгуманистов - с их чисто инструментальным (потребительским) отношением к американской мощи.

Трудно не заметить, что консервативные американские патриоты, составляющие - наряду с электоральной - бюрократическую и силовую опору Трампа, громко говорят вслух не только о восстановлении экономической мощи страны и уровня жизни ее населения. Они столь же громко заявляют о восстановлении традиционной публичной морали и защите американским государством того, что в наших местах зовется традиционными ценностями.

Именно поэтому сегодня появилась возможность перевести дух у всех тех европейских суверенистов-евроскептиков, христиан и иных традиционалистов, кого в течение последних десятилетий упорно и безжалостно маргинализировали (в качестве «клуба друзей Путина») угрюмые «либеральные» прогрессисты и вокисты, контролировавшие бюрократию ЕС и большинство европейских властных элит.

Действительно, до начала 2022 года единственной надеждой, светом в окошке для европейской антибюрократической оппозиции и консервативных европейских христиан, озабоченных наступлением вокизма, был В.В.Путин - лидер великой державы, открыто называвший себя христианином и патриотом[11].

Сегодня брюссельским атеистам и вокистам стало совсем тяжело: 26 февраля первое заседание американского кабинета министров началось с благодарственной молитвы присутствовавших ко Господу, после чего Президент Д.Трамп процитировал 32-й псалом: «Блажен народ, у которого Господь есть Бог», возблагодарив Господа за «эту возможность восстановить веру в нашей стране» и завершив поминовением имени Иисусова.

Очевидно, что сознательной и глубокой ревизии новая администрация Трампа подвергает все отступления последних десятилетий от традиционных американских ценностей - религиозных, моральных, политических, экономических и даже эстетических.

Например, среди первых 100 президентских указов, подписанных Трампом в первый день этого президентства, есть даже поручение сотрудникам его администрации обеспечить «продвижение красивой федеральной гражданской архитектуры». Федеральные здания должны будут строиться исключительно в классических стилях, прежде всего в стиле неоклассицизма, в котором, строго говоря, и строились все важные здания страны до середины 1950-х годов, до повсеместного наступления разного рода модернизма.

Президент Трамп потребовал, чтобы отныне «федеральные общественные здания были визуально узнаваемы как гражданские здания и соответствовали региональному, традиционному и классическому архитектурному наследию, чтобы они облагораживали общественные пространства»[12]. (Можно себе представить возмущение этим ретроградным указом американской или русской архитектурной и иной культурной «тусовки», давно привыкшей к исключительному положению модернистов разного рода.)

Но важно подчеркнуть, что ревизии с целью восстановления былого величия подвергаются не только собственно внутриамериканские практики - политические, культурные и экономические, - но и сами цели и задачи американской внешней и оборонной политики, а также методы и технологии достижения этих целей (и решения этих задач).

По сути, благодаря всем последним публичным заявлениям и действиям Трампа и членов его администрации, на наших глазах возникает новая геополитическая реальность[13], важнейшей составляющей которой, вполне возможно, станет полная эмансипация США - как от объятий надоевшего партнера, Великобритании, так и от (тоже притязавших на объятия) надоевших европейских клиентов времен холодной войны.

Именно в этой реальности нам придется существовать в ближайшие годы и принимать политические и экономические решения национального и глобального характера. Поэтому чрезвычайно важно отнестись со всей серьезностью к тем идеологемам, которыми руководствуются (пользуются) сегодня так называемые трамписты как в американском правительстве, так и в гораздо более широком по составу движении MAGA. Исходя из них, этих идеологем, вполне можно понять нынешние (и даже предположить дальнейшие) действия этой администрации.

Из публичных притязаний Д.Трампа на овладение (полный контроль над) Канадой и Гренландией, на возвращение эффективного контроля Соединенных Штатов над некогда построенным ими Панамским каналом можно сделать несколько выводов.

Во-первых, имеет шанс стать совершенной архаикой «англосаксонский миф» о единстве политических культур и интересов США и Великобритании, запущенный в конце XIX столетия и подхваченный многими как в США, так и в остальном мире[14]. Не зря ведь Трамп, не дождавшись собственной инаугурации, фактически потребовал от британской короны упразднить должность королевского генерал-губернатора Канады (сегодня имеющего возможность в любое время сместить премьер-министра страны)[15].

Во-вторых, можно предположить скорый перенос фокуса внимания США с Евро-Атлантики на Арктику и, следовательно, отказ от всех тех нарративов и обязательств, связанных с Организацией Североатлантического договора и так называемым «трансатлантическим партнерством», чья архаичность была ясна уже во времена администрации Буша-ст.

В-третьих, выглядит неизбежным возврат США к внешнеполитическим принципам отцов-основателей и творцов доктрины Монро - к блокированию (прямого и опосредованного) вмешательства третьих сил в дела Америк. Затем должен последовать и (явный или неявный) отказ от доктрины Трумэна, предполагавшей возможность прямого вмешательства США в дела третьих стран, даже при отсутствии прямой себе угрозы.

И очевидно, что за отсутствием на Глобальном Юге каких-либо значимых глобальных тяжеловесов, сравнимых с США, Китаем, ЕС или даже Индией, новые геополитические и гео-

экономические реалии будут выстраиваться прежде всего в Северном полушарии - вокруг России и/или с участием России.

Нам, русским, следует поэтому заниматься не только и не столько доигрыванием старых «шахматных партий» на мировой доске (как бы они ни казались нам важны и оправданны с точки зрения недавнего прошлого), сколько думать о направлениях грядущих изменений и возникающих геоэкономических и геополитических перспективах для нас вследствие происходящих сейчас событий.

Безусловно, что в случае решения Трампом канадского и гренландского вопросов - перехода Канады и Гренландии под юрисдикцию США - резко упростится применение секторального принципа владения Арктическим шельфом: норвежский сектор окажется лишь узким пограничьем (возможно, кондоминиумом) между двумя настоящими хозяевами Арктики.

В этой связи нас должны волновать возможные последствия продолжающегося глобального потепления внутри нашего (и американского) Заполярья: важно, в каком направлении осуществятся в ближайшие десятилетия разнообразные прогнозы и как это скажется на состоянии Северного морского пути.

Не менее важна для нас готовность к выведению на новый уровень ставших давно привычными сотрудничества и партнерства России и США в сфере не только исследования, но и эксплуатации космоса. На повестке дня - применение новых (для нас) практик использования в этой сфере прежде всего частных кампаний в качестве разработчиков и эксплуатантов новых космических технологий, имеющих глобальное экономическое значение.

Кроме того, все говорит о том, что не за горами использование нынешней американской администрацией весьма жестких методов «войны с наркотиками» для завершения (переформатирования и сужения) глобального наркотрафика - не только собственно американского (колумбийского и мексиканского), но и афганского, а также азиатского (британского/китайского по своему историческому генезису).

Предполагаемое завершение истории Организации Североатлантического договора (за последние десятилетия создавшей свою политическую субкультуру и, видимо, не поддающейся реформированию) и переход к созданию новых систем общей (неделимой) безопасности как для Евразии и Арктики, так и для всего Северного полушария являются очевидным вызовом для нашей способности быстро адаптироваться к возникающим новым глобальным реалиям.

Другим (психологическим) вызовом должно явиться возможное завершение существования нынешней ООН: ничто ведь не препятствует ни резкому сокращению доли США в ее бюджете, ни даже выходу из нее. Ибо средний американец никогда не испытывал по отношению к ООН того пиетета, который до сих пор присущ среднему русскому: в этом проявляется глубокое различие наших внешнеполитических культур.

(Когда в 1995 году американский сержант Майкл Нью отказался носить кокарду ООН и подчиняться иностранным офицерам в ходе зарубежной миссии[16], его судебная тяжба с правительством длилась более десяти лет, и по ходу дела ставилась под сомнение сама возможность для американских военных находиться в подчинении у неамериканских командиров и участвовать в операциях ООН без специального разрешения Конгресса[17].)

В сегодняшнем мире всем нужно быть готовым ко всему: к любым нестандартным решениям. И в целях проактивного (сиречь упреждающего) формулирования целей и задач нового этапа нашего и мирового развития, а не только адекватного реагирования на инициативы и вызовы наших глобальных партнеров, нужно четко осознавать наличие глубинных причин тех тектонических изменений, которые произошли и происходят сегодня в США, а следовательно, и на всем коллективном Западе и во всем мире.

Не менее важно понимать неизбежность судьбоносных последствий этих изменений и готовиться к ним.

---

[1]В 2004 г. знаменитый политтехнолог республиканцев Карл Роув обеспечил Бушу-мл. победу, позиционировав его как защитника традиционной семьи, тогда как штаб Дж.Керри понадеялся на голоса другого электората.

[2]https://www.donaldjtrump.com/agenda47/agenda47-preventing-world-war-iii

[3]Памфлет Томаса Пейна «Здравый смысл» накануне провозглашения Декларации независимости вышел в свет стотысячным тиражом в 1776 г., глубоко перепахав сознание американской публики.

[4]*Commager H.S.* The American Mind. An Interpretation of American Thought and Character Since the 1880's. New Haven, 1950. P. 20.

[5]Известное «Бостонское чаепитие» 1773 г. было направлено не против британской короны, а против конкретной несправедливости, допущенной от имени короны. И потому созванный будущими революционерами в 1774 г. Первый Континентальный конгресс для начала обратился к своему монарху с петицией, в которой просил его отменить несправедливые налоговые законы.

[6]Даже внутри нынешней Демократической партии явные и неявные марксисты являются, скорее, маргинальным течением.

[7]*LaFeber W. (Ed.).* John Quincy Adams and American Continental Empire: Letters, Papers and Speeches. Chicago, 1965. P. 45.

[8]С начала 2000-х - со времени афганской, а потом и иракской экспедиций, осуществленных странами НАТО, - блок явно перестал быть организацией собственно североатлантической.

[9]*Vidal G.* Perpetual War for Perpetual Peace: How We Got To Be So Hated. N.Y., 2002. P. 21-41.

[10]Так Бэрд определил внешнюю политику Ф.Рузвельта: *Beard Ch.A.* President Roosevelt and the Coming of the War, 1941: a study in appearances and realities. New Haven, 1948. Уже через несколько лет, по его же предложению, его формулу использовал Х.Э.Барнс в названии составленного им сборника статей американских историков, посвященных той же теме, «Perpetual War for Perpetual Peace. A Critical Examination of the Foreign Policy of Franklin Delano Roosevelt and its Aftermath». Еще через 50 лет, уже во времена Буша-мл., знаменитый американский писатель Гор Видал теми же словами назвал свой памфлет о «войне с террором»: *Vidal G.* Perpetual War for Perpetual Peace: How We Got To Be So Hated.

[11]Роскошь, которую в последние годы позволяли себе внутри ЕС лишь премьер Венгрии В.Орбан и поляк Я.Качиньский, председатель партии «Право и справедливость».

[12]https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/promoting-beautiful-federal-civic-architecture/

[13]В ней стремится к нулю значение фултонской речи Черчилля, безуспешно предлагавшего США англосаксонское братство и единство, а США и СССР - поуправлять миром (от имени ООН) на троих, с сохранением британского арбитража внутри «Большой тройки».

[14]Уже в годы Второй мировой войны, когда Ф.Рузвельт - в обмен на поставки (с отложенным платежом) американских военных материалов - забирал у Британии военные базы и добивался роспуска ее империи, все было ясно с «англосаксонским братством», но очень похоже, что именно сейчас наконец завершается американская Война за независимость.

[15]Еще весной 1853 г. граф Н.Н.Муравьев-Амурский подал императору Николаю записку о необходимости тесных отношений Петербурга с Вашингтоном. Он считал естественным как «владычество Северо-Американских Штатов во всей Северной Америке» (очевидно, включая и фактическую жемчужину британской короны, Канаду), так и сосредоточение России на «азиатском прибрежье Восточного океана», то есть на нашем Дальнем Востоке.

[16]The Washington Times. February 17, 2006.

[17]Подобная коллизия была бы невозможна ни в СССР, ни в РФ: никто бы здесь не отказался по идейным причинам (!) носить ооновскую кокарду вместо кокарды советской или постсоветской.

Филипп Трунов

Ведущий научный сотрудник отдела Европы и Америки ИНИОН РАН, кандидат политических наук

1trunov@mail.ru.

Ключевые слова: *США, регулирование, урегулирование, Вьетнам, Афганистан, Украина, стратегия, тактики, переговорный процесс, Д.Трамп, национальные интересы, Россия.*

ВЫНУЖДЕННОЕ ПРИНЯТИЕ НЕИЗБЕЖНОГО В СТРАТЕГИИ США ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ: ОТ ВЬЕТНАМА И АФГАНИСТАНА К УКРАИНЕ

Конец зимы - весна 2025 года богаты на юбилеи завершения участия США в важнейших военных и вооруженных конфликтах второй половины XX - первых десятилетий XXI веков. 50 лет назад, 30 апреля 1975 года, войска Демократической Республики Вьетнам заняли Сайгон. Это ознаменовало окончание индокитайских войн, полное обрушение военно-стратегических позиций США, которые выстраивались в 1965-1972 годах с опорой на масштабное использование их вооруженных сил (ВС) [1].

Пять лет назад, 29 февраля 2020 года, Белый дом заключил «сделку» с движением «Талибан» по Афганистану. Важнейшим условием соглашения стал вывод войск самих Соединенных Штатов, а также их партнеров из этой страны (к июлю 2021 г.). Почти два десятилетия (с конца 2001 г.) афганское направление оставалось наиболее масштабным вне зоны ответственности НАТО по объему используемых там ВС США, других государств - членов альянса [4; 5].

Эти юбилеи побуждают вновь и вновь задумываться над тем, когда и с какими конкретными результатами может завершиться поиск урегулирования столь сложного украинского вопроса. Он, как и исторически до него вьетнамский и афганский, остается нерешенным

уже продолжительное время. Исполнилось десять лет с момента соглашения «Минск-2» (12 февраля 2015 г.) с участием России и Украины, гарантами которого выступили Германия и Франция[1]. «Минск-2» не стал, вопреки первоначальным ожиданиям, «Дорожной картой» для урегулирования вооруженного конфликта на тогдашнем Востоке Украине.

Под урегулированием автор понимает ситуацию, когда в результате переговорного процесса удалось путем переговоров (исключительно или в итоге) устранить первопричины вспышек организованного насилия, добиться бессрочного прекращения огня и примирения сторон боевых действий. Регулирование - стремление поддерживать боевые столкновения на относительно небольшом, но отнюдь не нулевом, уровне, что в итоге практически неизбежно ведет к деградации обстановки, росту и расширению географии вспышек организованного насилия.

Существует силовое разрешение вооруженного конфликта, когда наличествуют попытки устранить первопричины исключительно насильственными методами, что в итоге загоняет ситуацию в тупик. Следует особо выделить принципиальную разницу между силовым разрешением конфликта, которое ведет лишь к деградации ситуации, и вынужденным применением силы, иногда масштабным, без чего в принципе невозможно обеспечить дальнейший прогресс в урегулировании.

На практике различия между тремя рассмотренными терминами отчетливы на примере украинского вопроса. Осуществив силовой захват власти 22 февраля 2014 года, новое руководство в Киеве стремилось добиться силового разрешения конфликта в Донбассе весной 2014 года. Невозможность достичь полного успеха обусловила учреждение «Нормандского формата» (с 6 июня 2014 г.). Германия и Франция, одни из ведущих «западных демократий», рассматривали его как площадку для демонстративно вынужденного взаимодействия с РФ, стремились обеспечить регулирование конфликта [12]. Это позволяло усиливать ориентированность Украины на Евро-Атлантическое сообщество, увеличивать ее военный потенциал, что делало возможным для нее вновь вернуться к варианту силового разрешения. То, что со стороны Германии и Франции речь шла именно о регулировании, подтвердило интервью А.Меркель в декабре 2022 года, через год после ее отставки[2]. Не менее показательно отсутствие на переговорах с В.В.Путиным в Москве 15 февраля 2022 года (то есть примерно за неделю до начала СВО) заметной обеспокоенности у О.Шольца, сменщика А.Меркель, по поводу фактического прекращения работы «Нормандского формата» и отсутствия сдвигов в выполнении «Минска-2»[3].

Напротив, РФ последовательно стремится урегулировать вооруженный конфликт и в более широком плане - украинский вопрос. Подтверждениями тому стало участие России в выработке «Минска-1» (сентябрь 2014 г.), «Минска-2», договоренностей в Стамбуле 29 марта 2022 года, которые украинские власти почти сразу дезавуировали в одностороннем порядке[4]. СВО России стала вынужденной и безальтернативной в условиях принципиальной неготовности руководства Украины, ведущих «западных демократий» к урегулированию [6].

Провозгласив задачи по денацификации и демилитаризации Украины, РФ использовала тактику контрпала при тушении надвигающегося пожара большой войны. Россия стремится резко повысить порог (набор условий для) применения силы на международной арене, без чего априори невозможно выстроить более справедливый миропорядок. Для этого РФ должна, во-первых, разгромить адептов ультрарадикальной идеологии - неонацизма. Во-вторых, доказать неэффективность и главное - нерезультативность силового давления на себя.

В данном случае оно происходит под эгидой ВСУ, с военно-людским наполнением от Украины, а вооружениями и военной техникой - во многом от самих «западных демократий». США, их партнеры стремились обеспечить свое доминирование на Украине, весовые стратегические позиции в западной и южной частях постсоветского пространства, тем самым искусственно максимально ослабить и исключить РФ из процессов в «домашнем» для нее регионе, в итоге безусловно

преобладать в пределах Глобального Севера. При полном успехе это понятие стало бы синонимично термину «коллективный Запад».

Непосредственно сама Украина должна была превратиться из зоны нестабильности в вестернизированный в различных отношениях бастион стабильности, плацдарм для дальнейшего расширения влияния и присутствия. Исторически ранее аналогичные цели США и их партнеры преследовали в отношении Южного Вьетнама (по сути, после Второй мировой войны; полноценно с 1964 г. по первую половину 1970-х гг.) и Афганистана (в 2001-2021 гг.). Потому уместно подробнее остановиться на общих закономерностях вовлечения США в реальное урегулирование вьетнамского вопроса и афганской проблемы, чтобы постараться понять настоящее и будущее подхода США по Украине.

Формы использования США военной силы

Безусловно, между тремя рассматриваемыми сюжетами есть очевидные различия. Северный Вьетнам являл собой среднее государство, создавшее достаточно крупные обычные ВС (в основном наземные войска), но заметно уступавшие США технико-технологически [1]. «Талибан» в рассматриваемый период представляло движение без международного признания (более того, запрещенное во многих государствах). Формирования талибов нельзя назвать регулярными; они являлись в лучшем случае постоянными, относительно небольшими (несколько десятков тыс. бойцов), использовали в основном повстанческие (партизанские) тактики [4; 5].

Милиции ДНР и ЛНР, изначально создаваемые стихийно добровольцами, постепенно приобрели все черты регулярности. В условиях СВО данные объединения стали высокобоеспособными составляющими ВС РФ - прежде всего это 51-я гвардейская и 3-я гвардейская общевойсковые армии[5] (развернуты к 2024 г. на базе 1-го армейского корпуса ДНР и 2-го армейского корпуса ЛНР соответственно). Российская Федерация располагает мощными конвенциональными силами (количественные и качественные характеристики которых, особенно сухопутных войск, морской пехоты и воздушно-десантных войск, заметно возросли в ходе СВО) и значительным современным потенциалом единиц ОМУ, их носителей.

Данные различия во многом предопределяли особенности форм использования военной силы со стороны США, их партнеров против незападного оппонента. Во всех трех случаях происходило обучение местных (официальных Сайгона, Кабула, Киева) сил безопасности, притом для ВСУ подготовка с 2022 года в основном осуществлялась на территории самих «западных демократий» (миссии Interflex и EUMAM Ukraine). Эти государства поставляли вооружения и военную технику, однако их ассортимент и объемы существенно различались. Южный Вьетнам получал в основном наземные ВиВТ, но широкой номенклатуры (вплоть до средних танков включительно) [1], официальный Кабул - в основном лишь легкие вооружения [4], Киев - обширную линейку, включая тяжелые танки, боевые самолеты и ракетные вооружения западного производства. Крупнейшими поставщиками к 2025 году были США[6] и ФРГ[7].

В Южном Вьетнаме задействовали (в 1965-1972 гг.) крупные массы войск США для проведения боевых операций; в Афганистане в 2001-2014 годах использовались также достаточно значительные силы (де-юре небоевая миссия ISAF и силовая операция «Несокрушимая свобода» (Enduring Freedom), в 2015-2021 годах - миссия «Решительная поддержка» (Resolute Support, RSM), включавшая лишь инструкторов и спецназ, но уже без войсковых контингентов[8]. Де-факто в расположение ВСУ были направлены от «западных демократий» инструкторы, советники, отдельные высококвалифицированные специалисты (особенно из ССО), однако де-юре этот факт отрицался. С февраля - марта 2024 года тайно, а затем и публично, особенно год спустя, стал рассматриваться вопрос отправки на Украину контингентов войск европейских государств - членов НАТО и ЕС.

Это иллюстрирует тенденции уменьшения объемов вовлечения ВС самих США и, напротив, увеличения - у их европейских партнеров по НАТО и ЕС. Так, Южному Вьетнаму после 1954 года практически всю поддержку по линии ВС оказывали США, а также ряд их региональных партнеров (особенно Южная Корея, Австралия) [1, с. 350-402], в то время как участие европейских «западных демократий» было почти нулевым. В Афганистане их вклад в рамках ISAF составлял 35-40%, несколько увеличившись для миссии RSM[9]. Притом континентальные европейские государства - члены НАТО, в отличие от США и в целом англосаксонских стран, обычно стремились избегать участия своих контингентов в боевых действиях, преимущественно «разгружая» Соединенные Штаты. В 2022-2024 годах европейские государства-партнеры приняли суммарно нагрузку, соизмеримую с США, по поставкам ВиВТ для ВСУ в целом, бóльшую, чем у Белого дома - по ряду категорий техники (прежде всего, танкам) и объемам подготовки украинских военных. Тем самым США небезуспешно увеличивают практическую нагрузку на союзников, оптимизируя использование собственных ресурсов, особенно войск, что характерно для англосаксонской стратегической культуры в целом [9].

Общие закономерности стратегии США по трем конфликтам

Однако по сравнению с различиями, заметны более многочисленные общие или схожие черты в развитии вьетнамского, афганского и украинского вопросов. Во всех трех случаях изначально преследовалась цель свести к нулю возможности присутствия незападного оппонента. Эта цель противоестественна, так как представляла искусственное выталкивание, ослабление, унижение акторов, которые были автохтонными для соответствующих пространств. Прежде всего данное положение относится к России. Для Отечества складывавшейся веками нормальностью были два состояния внешней политики: постепенное «собирание земель» и пребывание в положении, когда этот процесс успешно завершен (в последнем случае, по сути, всего два отрезка: 1815-1914 и 1945-1991 гг.).

В свою очередь, США и их партнеры делали ставку на ориентированные на себя силы (в Сайгоне, Кабуле, Киеве), ставя перед ними задачи обеспечить необратимое ориентирование страны на коллективный Запад, вестернизировать не только ее внешнюю политику, но и стратегическую культуру. Решающую роль де-факто должен был сыграть фактор военной поддержки от «западных демократий». Однако ни в одном из случаев не была стратегически достигнута победа или минимум точка невозврата в борьбе с незападным оппонентом. Как результат итоговая неудача характеризировала попытки США, их партнеров де-юре национализировать регулирование вооруженного (военного) конфликта. Это означало, что ответственность за ситуацию на местах перекладывалась в основе на внутренние власти и силы безопасности, лояльные Западу. Попытки формально национализировать процесс предпринимались параллельно с оказанием масштабной военной поддержки, но прежде всего до нее (во Вьетнаме и на Украине) и после. Однако внутренние вестернизированные акторы были не готовы, а главное, не способны успешно противодействовать автохтонным таковым. Результатом тяжелой борьбы становился выход на незападное в основе урегулирование, то есть действительная национализация процесса.

Вынужденное принятие этого со стороны США и их партнеров проходило последовательно пять основных этапов, как и в случае психологии конкретного человека.

1. Отрицание, то есть фактический полный отказ признавать интересы и возможность обеспечить присутствие у незападной стороны в зоне конфликта. Во Вьетнаме это отрезок между двумя индокитайскими войнами (1954-1964 гг.), в Афганистане - период деятельности ISAF до резкого увеличения ее мощи (2001-2010 гг.), на Украине - от силовой смены власти (февраль 2014 г.) до начала СВО, то есть в каждом случае восемь-десять лет.

2. Гнев - фаза, когда военная поддержка США, их партнеров достигала максимальных значений, четко декларировалась цель в ходе боевых действий нанести стратегическое поражение оппоненту, то есть выбор силового разрешения. Во Вьетнаме это в 1965-1969 годах, в Афганистане - в 2011-2014 годах, при ISAF; аналогичное явление при смене формата миссии (силы Resolute Support) - в 2015-2017 годах; в случае Украины - с февраля 2022 года до января 2025 года. В каждом случае отрезок гнева составлял три-четыре года, требуя серьезного напряжения военного потенциала США (без их готовности полноценно перейти к мобилизационной модели развития), сочетаясь с постепенным пониманием невозможности разгромить оппонента.

3. Далее наступал этап торга. США инициировали старт переговоров, когда поддерживаемая ими сторона вооруженного конфликта де-факто уже вступила в состояние критического ослабления, будучи безусловно неспособна победить. Иными словами, возникал системный кризис избранной модели формальной национализации урегулирования (вьетнамизации, афганизации, украинизации). Однако де-юре данные явления еще не были заметны или, как минимум, выражены достаточно отчетливо. Во всех перечисленных случаях США инициировали и вели переговорный процесс с незападным оппонентом в национальном качестве, без участия партнеров, особенно европейских, лишь информируя их о промежуточных результатах и общем итоге. Эта тактика была нацелена на укрепление позиций Соединенных Штатов в отношении других «западных демократий», притом Белый дом демонстрировал переход от лидерства к гегемонии.

Во всех трех случаях полноценный переговорный процесс инициировала именно администрация президента-республиканца, притом сам он (Р.Никсон, Д.Трамп как 45-й президент и вновь он как 47-й) демонстрировал повышенную решительность и реализм. Переговоры США с Северным Вьетнамом стартовали в Париже 15 марта 1968 года, однако полноценный переговорный процесс начался, правильнее сказать, 21 февраля 1970 года, уже при администрации Р.Никсона, в которой государственным секретарем и одновременно советником президента по национальной безопасности был Г.Киссинджер [11].

Готовность США перейти к урегулированию (на деле - с сохранением надежды на регулирование) выступала органичной частью планов ужесточить систему сдерживания одного или нескольких системных оппонентов. Так, переговоры с Северным Вьетнамом администрация Р.Никсона сочетала с попытками установить контакты с КНР, подготавливая заметное повышение эффективности конфронтации с Советским Союзом [3, с. 224-300]. Прекращение ассигнований на Афганистан, вывод оттуда военных инструкторов и спецназа (весьма ценный функционально компонент ВС) позволял создать из них резерв с последующим использованием для поддержки Украины[10], а также властей на Тайване (уже при администрации Дж.Байдена, во втором случае - в небоевых формах) [8], то есть ужесточить конфронтации с РФ и КНР. Инициируя переговоры по «украинскому вопросу», администрация Д.Трампа рассчитывает ослабить стратегические связи РФ с КНР (и КНДР), обеспечить свободу маневра ресурсами собственными и части партнеров для усиления сдерживания Китая как важнейшей для США задачи [2; 7].

Важно понимать, что фаза торга занимает по времени лишь часть переговорного процесса - по протяженности большую (до 80%), до глубокого промежуточного разочарования в нем у США. Так, в случае вьетнамского вопроса этот период составлял более 33 месяцев или почти три года (с конца февраля 1970 г. до начала декабря 1972 г.), афганской проблемы - девять месяцев или менее года (с декабря 2018 г. до августа 2019 г.). По Украине отправными точками стали официальные телефонные консультации президентов РФ В.В.Путина и США Д.Трампа 12 февраля 2025 года[11]. Вопреки обычной практике, лишь после этого значимого контакта на высшем уровне последовали таковые на высоком: телефонные разговоры министра иностранных дел России С.В.Лаврова и государственного секретаря М.Рубио 15 февраля, двусторонняя встреча в Эр-Рияде 18 февраля 2025 года[12].

В период торга США были согласны идти навстречу незападному оппоненту прежде всего по частным вопросам. Принципиальное значение имела готовность свернуть военную поддержку, но это в основном отвечало объективным национальным интересам самих Соединенных Штатов, позволяя им оптимизировать использование собственной ресурсной базы. Главное состояло в том, что Белый дом считал возможным и необходимым обеспечить полноценную жизнеспособность и конкурентоспособность лояльной Западу стороне конфликта, закрепить ее в весьма сильном положении, оформив это де-юре.

Закономерно, что такой подход не встречал поддержки у незападной стороны: как принципиально, так и вследствие того, что ориентированный на Запад актор продолжал ослабевать в военном отношении и в целом. В свою очередь, США стремились не допустить этого или хотя бы ретушировать, часто идя на нехарактерные для предшествующих этапов ведения боевых действий решения. Так, на индокитайском ТВД ими стали вторжения достаточно крупных сил США в Камбоджу (1970 г.) и Лаос (1971 г.) [1, с. 605-645]. Однако качественная смена тактик, не сопровождаемая кардинальными изменениями в стратегии, не приносила США необходимого результата.

4. Тогда наступала фаза депрессии. Белый дом демонстрировал разочарование переговорным процессом, когда поставленный перед неприемлемыми для себя условиями незападный актор не принимал их. После отъезда северовьетнамской делегации из Парижа 13 декабря 1972 года Соединенные Штаты провели мощные так называемые рождественские бомбардировки ДРВ 18-29 декабря 1972 года [1, с. 650-708]. В сентябре 2019 года Д.Трамп заявил, что переговоры с «Талибаном» мертвы, а США усилили давление с использованием спецназа [4].

На практике, однако, переговорный процесс не заходил в тупик: возникала лишь иллюзия этого. Она исчезала в условиях решительности незападной стороны настойчиво отстаивать свои интересы и дальнейшего изменения обстановки в зоне боевых действий в свою пользу. Уже вполне отчетливой для всех становилась несостоятельность - собственно военная и в целом в широком плане - актора, ориентированного на США, их партнеров. Оказывая жесткое давление на оппонента, Белый дом вынужденно готовил коренные изменения в своей стратегии. Фаза депрессии, будучи сама по себе непроста для незападной стороны, итогом имела резкое увеличение возможностей для нее. Являясь острым, этап был непродолжительным: в случае вьетнамского вопроса - месяц, афганской проблемы - два-три месяца.

5. Этап вынужденного принятия со стороны США общего успеха незападной стороны конфликта. Соответственно, сам он приближался к действительному урегулированию. Данная фаза включала возобновление переговоров и их завершение. Важнейший результат - соглашение, включавшее положения о прекращении огня, стратегическом уходе «западных демократий» во главе с США. Даты данных договоренностей: по Вьетнаму - 27 января 1973 года, Афганистану - 29 февраля 2020 года. Направляемый США актор де-юре оставался. Однако он окончательно становился «хрупким» изнутри; условия соглашения задавали рамочные условия для обрушения этой стороны конфликта. Сначала, особенно до фактического свертывания основ стратегического присутствия США, их партнеров, данный процесс проходил медленно, но темпы постепенно и неуклонно нарастали.

Во Вьетнаме это отрезок с февраля 1973 года по февраль 1975 года (два года), в Афганистане - с марта 2020 по июнь 2021 года (менее полутора лет), включая принятое после паузы окончательное решение новой администрации Дж.Байдена имплементировать «сделку» с «Талибаном». Далее наступал период стремительного обрушения стороны конфликта, лояльной США, когда незападный актор проводил стратегические операции или наступления, имевшие их признаки. Разгромные удары Северного Вьетнама и Вьетконга завершились за два месяца (с 1 марта по 30 апреля 1975 г.) [1, с. 738-761], «Талибана» - за несколько большее время (Кабул занят 15 августа 2021 г.) [4; 5].

Подход администрации Д.Трампа к весне 2025 года: не идти далее стадии торга

По состоянию на февраль 2025 года эволюция позиции США по украинскому вопросу достигла лишь стадии торга. Белый дом весьма заинтересован в том, чтобы ограничиться только ею, не допуская для себя фаз депрессии и тем более принятия. Иллюстративно стремление администрации 47-го президента США не только скорее начать переговоры с РФ, но и, главное - придать им форсированный характер, убыстренно выйти на соглашение. Официально подтвержденный телефонный разговор президентов РФ и США состоялся всего через три недели после инаугурации Д.Трампа, притом, при его предшественнике диалог был в «ледяном» состоянии. 47-й президент США очертил желательные сроки выхода как минимум на предварительные договоренности - условные 100 дней. Учитывая негативный для них опыт во Вьетнаме и Афганистане (тем более, что во втором случае «сделку» выработала первая администрация Д.Трампа), Белый дом стремится предупредить критическое, до состояния «хрупкости» и обвала боевых порядков, ослабление Украины как вестернизированной стороны конфликта, в том числе через смену ее руководства.

Это особенно важно для упрочения значимости США перед их европейскими партнерами, то есть укреплении позиций Соединенных Штатов в западной части Глобального Севера. О значимости именно последней задачи для администрации Д.Трампа свидетельствует открытая постановка им вопросов о приобретении о. Гренландии и вхождении Канады в состав США[13] (здесь задачей минимум видится гармонизация усилий канадской стороны с Белым домом по Арктике в соответствии с интересами последнего). При определении стратегического веса на Глобальном Севере все более значимым критерием становится масштаб и география присутствия на Крайнем Севере [10].

Очевидно, что по украинской проблематике РФ и США предстоит полноценный переговорный марафон. Скоростной характер его преодоления может привести к тому, что де-факто не будут всесторонне отработаны все ключевые проблемные сюжеты с принятием четких обязательств со стороны США и «западных демократий». Примером может служить форсированное решение германского вопроса 9 февраля - 12 сентября 1990 года, когда были очень заметно попраны объективные национальные интересы Советского Союза, во многом из-за ошибок тогдашнего руководства во главе с М.С.Горбачевым [13].

В определенной мере другим примером стали переговоры, приведшие к соглашению «Минск-2» 12 февраля 2015 года. Речь при таком раскладе будет идти не об урегулировании, а регулировании, что не снимет в основе угроз для обороны и безопасности РФ, практически неизбежно приведет к их обострению, масштабированию в будущем. Иными словами, Россия сможет достичь только частичного и, главное, обратимого (могущего быть утраченным) успеха, но отнюдь не убедительной победы.

Какие принципиальные возможности военного характера могут оказаться востребованными США, что сделает этап торга завершающим?

В отличие от Вьетнама и Афганистана, на территории Украины отсутствовали войска США. Информационно может быть обыграна гипотетическая возможность ввести их (что сделал ряд СМИ с интервью Дж.Д.Вэнса изданию «The Wall Street Journal» от 14 февраля 2025 г.). Однако крайне сложно ожидать, что эта потенциальная опция станет реальностью. Такое решение противоречит непосредственно логике Д.Трампа рационализировать использование, сберегать ресурсы США и желанию избежать риска мировой войны.

США могут вернуться к вопросу о возобновлении поставок вооружения и военной техники Украине, особенно если заключат с ней «сделку» по редкоземельным металлам и (или) с целью

повлиять на позицию РФ. Вместе с тем, если США вновь продолжат передавать ВСУ ВиВТ, едва ли это будут объемы, соизмеримые с таковыми в 2022-2024 годах, - напротив, они будут заметно менее интенсивными и масштабными. Кроме того, вряд ли США пойдут на увеличение дальности и ударной мощи поставляемых образцов. Причины указанных положений те же, что и обуславливающие нецелесообразность отправки войск Соединенных Штатов на Украину.

Больше вероятность того, что туда будут введены контингенты войск ряда европейских «западных демократий». Эту инициативу обсуждали в закрытом режиме (Великобритания) и открыто (Франция) еще с февраля - марта 2024 года, резко активизировав проработку год спустя. В Афганистане контингенты европейских стран - участниц НАТО (самые крупные у Германии, Италии, Великобритании) не были в принципе согласны остаться при условии вывода войск Соединенных Штатов. Сейчас на декларативном уровне данная готовность выше, однако на практике координация с США практически неизбежна (пусть и неафишируемая).

В случае реализации решение ряда стран - участниц НАТО направить контингенты на Украину могло бы информационно представлено как воплощение на практике «стратегической автономии» европейских государств-членов, де-факто в координации с США. Однако утраты и риски, которые последуют за появлением группировки в несколько десятков тысяч военнослужащих на Украине, весьма велики. РФ недвусмысленно обозначает готовность вынужденно бороться вооруженным путем с этими войсками, вне зависимости от того, под какой эгидой они будут введены: НАТО, ЕС или «коалицией желающих» (что наиболее вероятно). Факты самого наличия данной группировки, ее потерь, постановки вопроса о ротации и тем более подкреплении создадут для США больше сложностей в переговорах с РФ, чем возможностей повлиять на позицию России. В конечном итоге такой сценарий лишь приблизит позицию Белого дома к фазе депрессии (и принятия), а не отодвинет от нее.

Инструментами давления на РФ могут стать введение новых санкций (что наносит обоюдоострый урон) и временное прерывание переговоров, включая эмоциональные публичные комментарии со стороны руководства США. Такие их действия и заявления скорее всего будут свидетельствовать о переходе к этапу депрессии.

Объективным национальным интересам РФ безусловно соответствует старт переговорного процесса с США - по возобновлению полноценных политико-дипломатических контактов (как неотъемлемой составляющей конфронтационного взаимодействия), как и по украинскому вопросу. Однако потребностям Соединенных Штатов это отвечает в неменьшей мере, чем России, о чем следует постоянно помнить.

❑

РФ должна довести процесс урегулирования до этапа принятия неизбежного со стороны США, притом де-юре могут поддерживаться отдельные признаки того, что это более ранняя фаза торга. Таковыми будут сохранение части прежней Украины (прежде всего ее западных областей) как вестернизированного актора, с сохранением его ориентированности на евроатлантическое сообщество и возможностью вступить в ЕС (но не НАТО).

Учитывая опыт урегулирования вьетнамского и афганского вопросов, в целом для отстаивания своей позиции РФ более выгоден относительно динамичный, но отнюдь не гоночный характер переговорного процесса. Это обусловлено сложностью и многоаспектностью важнейших для России вопросов - «собрать земли» (с закреплением этого де-юре), разгромить и дискредитировать неонацизм, вложенную в него военную поддержку от «западных демократий».

Притом наблюдается тенденция сокращения продолжительности переговорного процесса. Если по Вьетнаму он в основе продолжался 35 месяцев или почти три года (считая с февраля 1970 г.), по Афганистану - 15 месяцев или менее полутора лет.

Высокий профессионализм современной российской дипломатии обеспечивает ей возможность полноценно отстаивать объективные национальные интересы и в условиях форсированного переговорного процесса. В данной связи особенно значимо максимально результативно обыгрывать фактор готовности и способности Вооруженных сил РФ провести стратегическую операцию или, более вероятно, двух-трех в недалекой по времени ситуации, когда ВСУ критически ослабнут. Как показывает опыт наступлений Северного Вьетнама и Вьетконга в марте - апреле 1975 года, «Талибана» весной - летом 2021 года, такие операции ведут к быстрому разгрому уже надломленного (качественно и количественно) противника, очень серьезным территориальным изменениям.

Подобное стратегическое наступление было бы крайне болезненным для США и партнеров самим своим фактом, аналогией с ситуацией 1975 и 2021 годов. Особенно важно, что, в отличие от них, стратегическая операция ВС РФ будет проходить непосредственно вблизи евроатлантического сообщества, а не на значительном удалении от него. Потенциально обыгрывание всех данных положений может привести к требуемому результату в урегулировании без самого проведения крупномасштабного наступления ВС РФ, но лишь одним созданием такой возможности. Тем более, что во Вьетнаме и в Афганистане данные операции проходили уже после принятия США (в виде соглашения) незападной основы урегулирования.

Операция по вьетнамскому вопросу оказала заметное влияние на конфигурацию возникшего позднее Глобального Востока, а по афганской проблеме - Глобального Юга. Урегулирование в соответствии с объективными интересами РФ украинского вопроса позволит дооформить и укрепить незападную часть Глобального Севера. Последняя во многом определяется его готовностью и способностью успешно бороться с мощными ультрарадикальными течениями, которые возникали на историческом Западе (прежде всего, германский нацизм) или были связаны с «коллективным» Западом (неонацизм на Украине с 2014 г.) [10]. Общий успех СВО - полноценное урегулирование украинского вопроса - станет важнейшим вкладом РФ в формирование более справедливого миропорядка.

Дерадикализация Украины вкупе с отказом Запада от противоестественной стратегии по исключению РФ из процессов на постсоветском пространстве приведут к заметному повышению порога (условий для) применения силы, более сбалансированного представительства интересов государств Мирового большинства. Отстаивать ради этого позиции в ходе переговорного марафона с США намного легче и одновременно ответственнее в год самого важного юбилея - 80-летия Победы в Великой Отечественной войне.

---

[1]Полный текст Минских соглашений // РИА-Новости. 12.02.2015 // URL: https://ria.ru/20150212/1047311428.html (дата обращения: 20.02.2025).

[2]*Merkel Angela.* Hatten Sie gedacht, ich komme mit Pferdeschwanz? // Die Zeit. 07.12.2022 // URL: https://www.zeit.de/2022/51/angela-merkel-russland-fluechtlingskrise-bundeskanzler (accessed 20.02.2025).

[3]Пресс-конференция по итогам российско-германских переговоров // URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/67774 (дата обращения: 07.02.2025).

[4]Выступление Президента РФ В.В.Путина на встрече с руководством МИД России, Москва, 14 июня 2024 г. // URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1957107/ (дата обращения: 20.02.2025).

[5]См., например: Командованию и личному составу 51-й гвардейской общевойсковой Донецкой армии // URL: http://www.kremlin.ru/events/president/letters/75144 (дата обращения: 20.02.2025).

[6]U.S. Security Cooperation with Ukraine // URL: https://www.state.gov/bureau-of-political-military-affairs/releases/2025/01/u-s-security-cooperation-with-ukraine (accessed 20.02.2025).

[7]Diese Waffen und militärische Ausrüstung liefert Deutschland an die Ukraine // URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/lieferungen-ukraine-2054514 (accessed 20.02.2025).

[8]NATO and Afghanistan // URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/107995.htm (accessed 20.02.2025).

[9]Рассчитано на основе: NATO and Afghanistan // URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/107995.htm (дата обращения: 20.02.2025).

[10]Secretary Antony J. Blinken at a Press Availability // U.S. Embassy & Consulate in Spain and Andorra. 23.12.2022 // URL: https://es.usembassy.gov/secretary-antony-j-blinken-at-a-press-availability-3/ (accessed 20.02.2025).

[11]Телефонный разговор с Президентом США Д.Трампом // URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/76259 (дата обращения: 20.02.2025).

[12]Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел РФ С.В.Лаврова по итогам переговоров с представителями администрации США, Эр-Рияд, 18 февраля 2025 г. // URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1998294/ (дата обращения: 20.02.2025).

[13]Press gaggle by President Trump Aboard Air Force One En Route to Miami, Florida // URL: https://www.whitehouse.gov/remarks/2025/01/press-gaggle-by-president-trump-aboard-air-force-one-en-route-to-miami-florida/ (accessed 20.02.2025).

Источники и литература

1. *Дэвидсон Ф.Б.* Война во Вьетнаме. М.: Изографус, Эксмо, 2002. 818 с.

2. *Васильев В.С.* «Холодная война» между США и КНР: роль и интересы Великобритании // Актуальные проблемы Европы. 2024. №4. С. 125-143.

3. *Киссинджер Г.* О Китае. М.: Астрель, 2013. 635 с.

4. *Мачитидзе Г.Г.* США - Афганистан: крах асимметричного альянса // Международные процессы. 2022. №4. С. 23-36.

5. *Новикова О.Н.* Четвертая афганская война Великобритании // Актуальные проблемы Европы. 2022. №4. С. 213-233.

6. *Сидоров А.Ю.* Россия и Запад после начала СВО: к вопросу о новом качестве противостояния // Международная жизнь. 2023. №12. С. 22-33.

7. *Сидоров А.Ю.* Отношения США и Китая при администрации Дж.Байдена: новый этап противостояния // Актуальные проблемы Европы. 2024. №4. С. 27-48.

8. *Трунов Ф.О.* Динамика противостояния США с КНР и позиция европейских государств // Актуальные проблемы Европы. 2024. №4. С. 7-26.

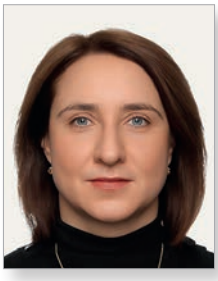
9. *Трунов Ф.О.* Особенности подхода к «игре резервов» в англосаксонской стратегической культуре // Экономические стратегии. 2024. №6. С. 118-123.

10. *Трунов Ф.О.* Россия как объединительное начало для Глобального Востока и Глобального Севера: препятствия и возможности // Международная жизнь. 2024. №8. С. 8-19.

11. *Kissinger H.* Diplomacy. N.Y.: New York Press, 1994. 912 p.

12. *Menon R., Rumer E.* Conflict in Ukraine. The Unwinding of the Post-Cold War Order. Boston, London: Boston Review Book, MIT Press, 2015. 220 p.

13. *Plato A.* The End of the Cold War? Bush, Kohl, Gorbachev and the Reunification of Germany. London: Palgrave Macmillan, 2015. 454 p.

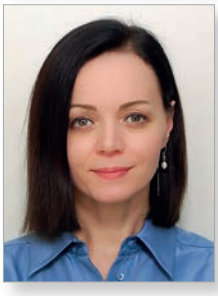


Юлия Калинина

Советник Департамента по вопросам новых вызовов и угроз МИД России

Анна Назарова

Советник Постоянного представительства Российской Федерации при международных организациях в Вене



Нина Федорова

Первый секретарь Постоянного представительства Российской Федерации при международных организациях в Вене
missionvienna@mid.ru

Ключевые слова: *международный режим наркоконтроля, глобальная наркоугроза, антинаркотическое сотрудничество.*

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕЖИМА НАРКОКОНТРОЛЯ

Международный режим наркоконтроля переживает не самые простые времена. Легализация рядом государств наркотиков вопреки их обязательствам по конвенциям ООН, популистская интерпретация целей конвенций в пользу либерализации подходов как к наркопотреблению, так и незаконному наркообороту, политизация антинаркотического сотрудничества подрывают международные усилия в борьбе с глобальной наркоугрозой и доверие между государствами.

Основы действующего глобального режима наркоконтроля

Международная система наркоконтроля основана на трех имеющих практически универсальный характер конвенциях ООН: Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года

с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 года (154 участника[1]), Конвенция о психотропных веществах 1971 года (184[2]), Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года. (192[3]).

Согласно конвенциям государства обязаны принимать меры по предупреждению злоупотребления наркотическими средствами и психотропными веществами и ограничению их использования исключительно медицинскими и научными целями, по предотвращению утечек таких веществ в незаконный оборот, а также осуществлять международное сотрудничество и контроль для реализации этих принципов и целей.

В соответствии с Единой конвенцией 1961 года для мониторинга выполнения государствами их антинаркотических обязательств создан независимый, квазисудебный орган - Международный комитет по контролю над наркотиками (МККН), в состав которого избираются 13 представителей в личном качестве от различных государств[4].

В 1946 году резолюцией E/RES/1946/9(I)[5] ЭКОСОС учредил Комиссию по наркотическим средствам (КНС), в первоначальный состав которой сразу вошел СССР. Наша страна неизменно избиралась в этот центральный директивный орган системы ООН по вопросам наркоконтроля.

Единая конвенция 1961 года наделила комиссию функциями обсуждения выполнения договорных обязательств, а также постановки под международный контроль или изменения мер контроля над наркотическими средствами, психотропными веществами и их прекурсорами. Предложения по постановке под контроль могут вносить государства - члены КНС, Всемирная организация здравоохранения или МККН (для прекурсоров)[6].

Стартом современному процессу сотрудничества в борьбе с мировой проблемой наркотиков послужила Специальная сессия Генассамблеи ООН 1998 года, по итогам который была принята Декларация о руководящих принципах сокращения спроса на наркотики[7]. В 2009 году в рамках КНС были одобрены два новых руководящих документа: Политическая декларация и План действий по налаживанию международного сотрудничества в целях выработки комплексной и сбалансированной стратегии борьбы с мировой проблемой наркотиков[8]. Их главным вкладом стало четкое определение понятия «мировая проблема наркотиков», включающего «незаконное культивирование, производство, изготовление, сбыт, спрос, оборот и распределение наркотических средств и психотропных веществ, включая стимуляторы амфетаминового ряда и прекурсоры, а также связанную с этим преступную деятельность». Кроме того, закреплялись три базовых направления работы: сокращение спроса на наркотики, сокращение предложения наркотиков и международное сотрудничество, включая борьбу с отмыванием наркодоходов и взаимную правовую помощь.

В 2016 году по инициативе Гватемалы, Колумбии и Мексики Генассамблея ООН вне утвержденного КНС графика мероприятий провела Спецсессию по наркотикам, однако добиться ревизии ранее принятых обязательств этим странам не удалось. Заключительный документ спецсессии[9] содержит перечень оперативных рекомендаций по пяти направлениям работы (к трем основным добавились вопросы доступности наркотиков в медицине и социально-экономические аспекты наркопроблемы). Среди общих вопросов отдельным блоком прописаны права человека. Принятые в КНС по итогам обзоров высокого уровня декларации 2019[10] и 2024 годов[11] подтвердили все действующие политические обязательства и определили проблемные вопросы, по которым требуются дополнительные усилия государств. Очередной полноформатный обзор планируется в 2029 году.

Российские подходы к решению мировой проблемы наркотиков

Основным документом, на который опирается наша страна в борьбе с глобальной наркоугрозой, является утвержденная президентом в 2020 году Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года[12].

В качестве внешних угроз в Стратегии-2030 обозначены легализация наркотиков в других странах и попытки дестабилизировать международно-правовую систему наркоконтроля.

Россия отводит важную роль профилактической работе с молодежью в дружественных странах, содействию формированию в обществе осознанного негативного отношения к незаконным наркотикам. Эта задача осуществляется через совместную с Управлением ООН по наркотикам и преступности (УНП) Молодежную антинаркотическую инициативу, в рамках которой с 2012 года в Вене при российском донорском содействии проводится Молодежный форум. Кроме того, запущенная УНП и Россией в 2021 году в Ташкенте региональная сеть молодежи поддерживает усилия по вовлечению подрастающего поколения в процесс принятия решений и построению свободной от наркотиков Центральной Азии. Такой подход совместно с центральноазиатскими партнерами удалось закрепить в единогласно принятой на 78-й сессии Генассамблеи ООН в июне 2024 года резолюции 78/284[13].

Используем ежегодный добровольный взнос в УНП (2 млн долл. США), а также помощь по двусторонним каналам для оказания техсодействия соседним с Афганистаном странам (Центральная Азия, Иран, Пакистан), партнерам в Латинской Америке (обучение в образовательном центре МВД России в Никарагуа) с целью пресечения контрабанды наркотиков в Россию. Успешно сотрудничаем с АСЕАНАПОЛ в сфере подготовки правоохранительных кадров для государств Юго-Восточной Азии.

Обеспечение наркосодержащими медикаментами

Россия занимает активную позицию по вопросу обеспечения доступности наркосодержащих обезболивающих препаратов в медицинских целях. С 2014 года эта тематика находится на особом контроле Правительства Российской Федерации. В 2020 году была утверждена новая «Дорожная карта» по повышению качества и доступности паллиативной медицинской помощи до 2024 года[14], в рамках выполнения которой устранены или минимизированы правовые и системные барьеры в бесплатном предоставлении нуждающимся пациентам сильнодействующих лекарств путем обучения медицинских работников, расширения номенклатуры обезболивающих препаратов, упрощения правил рецептурного отпуска, в том числе в сельских районах.

Активно делимся национальным опытом в этой области по линии совместного с Международным комитетом по контролю над наркотиками проекта «МККН-обучение». За счет российского финансирования организованы образовательные курсы по разъяснению порядка выполнения соответствующих положений профильных конвенций, включая тематику доступности наркотиков в медицине, для компетентных органов Армении, Азербайджана, Белоруссии и стран Центральной Азии в 2019 году в Москве[15], для государств Латинской Америки и Карибского бассейна (Аргентина, Боливия, Венесуэла, Куба, Никарагуа, Уругвай и Чили) в Каракасе в 2023 году[16], для африканских партнеров (Бурунди, Джибути, Кения, Сомали, Судан, Танзания, Уганда, Эритрея, Эфиопия, Южный Судан) в Найроби в январе 2025 года[17].

В рамках КНС актуальность этой тематики существенно возросла благодаря активности ряда стран, включая Россию и африканские государства, которые добиваются предоставле-

ния доступных по цене и качеству препаратов, производимых западными фармацевтическими компаниями.

Государства-производители вопросы разумной ценовой политики при поставках наркосодержащих медикаментов в развивающиеся страны нарочито обходят стороной. Это свидетельствует о наличии серьезных коммерческих выгод и незаинтересованности в реальном изменении ситуации в странах Глобального Юга в плане обеспечения доступа пациентов к таким препаратам.

МККН в своих докладах на протяжении многих лет отмечает крайне неравномерное распределение наркосодержащих медикаментов в мировом масштабе: по состоянию на 2016 год 92% морфина потреблялось в государствах с 17% мирового населения - США, Канаде, странах Западной Европы, Австралии и Новой Зеландии[18]. Комитетом фиксируется еще одна тревожная тенденция, связанная с чрезмерным назначением таких сильнодействующих медикаментов и их злоупотреблением в западных странах, что и послужило причиной разразившегося в Северной Америке опиоидного кризиса.

Легализация как угроза целостности глобального режима наркоконтроля

Наглядным проявлением нарколиберальной парадигмы стал произошедший в ряде стран фундаментальный сдвиг в интерпретации целей и задач конвенций: под прикрытием тезиса о заботе о здоровье и благополучии населения (данный общий принцип заложен в преамбулах к конвенциям) наметилась тенденция к легализации применения наркотиков в так называемых рекреационных целях, то есть отнюдь не для использования в медицине и науке, а фактически для повсеместного индивидуального использования.

С точки зрения последствий легализации наркотиков показателен случай Канады. До прихода к власти лейбористов в 2015 году эта страна придерживалась консервативных взглядов к наркопроблеме, отстаивая необходимость решительных мер по борьбе с ней.

В октябре 2018 года кабинет Дж.Трюдо законодательно разрешил производство и потребление марихуаны в рекреационных целях. Этот радикальный и прямо противоречащий обязательствам Оттавы по трем профильным конвенциям ООН шаг, по словам канадских властей, был призван обеспечить здоровье и благополучие населения, а также общественную безопасность. По замыслу канадцев, доступность «менее вредного наркотика» могла предотвратить эксперименты со смертельно опасными синтетическими веществами.

Спустя семь лет весь мир наблюдает печальные последствия непродуманной наркополитики, основанной на игнорировании норм международного права, интересов канадского населения и здравого смысла. В Канаде с периода пандемии коронавируса бушует кризис злоупотребления синтетическими опиоидами, от которых, по данным Минздрава этой страны, с 2016 года погибло почти 50 тыс. граждан[19]. Рекордный рост числа смертей от передозировок опиоидами не остановил Оттаву от запуска 31 января 2022 года трехлетнего пилотного проекта по декриминализации тяжелых наркотиков в провинции Британская Колумбия.

Канадские власти неоднократно заверяли мировое сообщество, что во главу угла ставится здоровье населения, а не прибыль крупных компаний, а также в том, что производство рекреационной марихуаны будет рассчитано исключительно на удовлетворение внутреннего спроса. На деле же в сфере здравоохранения сложилась патовая ситуация. Согласно данным Всемирного доклада о наркотиках 2023 года, США и Канада вышли на первое место в мире по процентному соотношению потребителей каннабиса к общей численности населения, а также по количеству инъекционных наркозависимых.

Только за пять лет с момента легализации оборот легального рынка каннабиса вырос в четыре раза - с 1,2 млрд канадских долларов до 4,7 млрд канадских долларов[20].

Не удалось сократить и теневой наркорынок. Канадские наркодилеры по-прежнему находят возможность для производства и сбыта незаконной марихуаны, причем не только внутри страны, но и на внешних рынках (согласно Всемирному докладу о наркотиках, страны Юго-Восточной Азии сообщили о том, что основная доля контрабанды каннабиса поступает к ним из США и Канады).

Несмотря на печальные последствия нарколиберальной политики Оттавы, вслед за ней по пути легализации каннабиса пошли и другие западные страны (Люксембург, Мальта, Нидерланды, ФРГ, Швейцария), частично или полностью легализовавшие применение этого наркотика.

Спорная концепция «снижения вреда» от наркотиков

Наряду с вопросами легализации непростая дискуссия на профильных международных площадках ведется вокруг неоднозначной концепции так называемого «сокращения вреда» от наркомании. Истоки этого подхода связаны с начавшейся в развитых странах в 1980-х годах эпидемией ВИЧ/СПИД, одной из причин стремительного распространения которой стало злоупотребление героином инъекционным путем, когда неизлечимая инфекция передавалась через многократное использование зараженных шприцев. Пионерами в продвижении таких подходов, как обмен игл и шприцев, раздача героиновым наркозависимым синтетических опиоидов (метадона и бупренорфина) и создание кабинетов для «безопасного» употребления наркотиков под наблюдением врача, стали власти Швейцарии, столкнувшиеся с беспрецедентным уровнем уличной инъекционной наркомании и принявшие решение пойти на эти далеко не однозначные меры для того, чтобы наркопотребители не представляли угрозу для общества.

Затем подходы «сокращения вреда» стали включаться в национальные стратегии стран ЕС и продвигаться западными неправительственными фондами в Азии и Африке. В 2009 году ВОЗ совместно с УНП и ЮНЭЙДС издает Техническое руководство по профилактике ВИЧ/СПИД среди инъекционных наркозависимых (пересмотрено и дополнено в 2012 г.)[21], где рекомендует странам с высокой долей ВИЧ-инфицированных применять девять методик, включая ключевые элементы «сокращения вреда».

Несмотря на активную пропагандистскую деятельность ЮНЭЙДС и других организаций, данные методики применяются лишь в половине стран мира, а в ряде государств они законодательно запрещены[22]. К последним относится и Россия. Статья 31 Федерального закона о наркотических средствах и психотропных веществах №ФЗ-3 от 8 января 1998 года[23] исключает возможность применения опиоидной заместительной терапии (ОЗТ) на основе метадона и бупренорфина, поскольку не допускает использования наркотиков для лечения наркозависимости.

Остальные методики «сокращения вреда» подпадают в нашей стране под действие статьи 230 Уголовного кодекса о наказуемых способах склонения к потреблению наркотиков. Исключение составляет лишь создание пунктов свободной (вне медицинских учреждений) раздачи стерильных игл и шприцев наркозависимым, если эти деяния осуществлялись по согласованию с органами исполнительной власти в сфере здравоохранения и органами внутренних дел. Для нас проблема усугубляется еще и тем, что применяемый в заместительной терапии метадон распространен на незаконном наркорынке (в том числе из-за утечек из программ ОЗТ в соседних западных странах) и является причиной половины смертельных случаев от передозировок[24].

Хотя эффективность мер «сокращения вреда» для сдерживания роста наркопотребления не доказана, сторонники этой концепции активно навязывают ее всем странам в качестве чуть ли не панацеи от наркомании. В ход идут псевдоправозащитные аргументы: под предлогом борьбы со стигматизацией и дискриминацией наркозависимых со стороны государства и общества фактически продвигается идея о праве взрослого населения на потребление наркотиков. У представителей консервативного лагеря возникло справедливое опасение, что данную изначально узкомедицинскую концепцию стремятся недобросовестно использовать для оправдания легализации наркотиков и ослабления национальной наркополитики.

В этом подходе западным странам потворствуют женевские правозащитные структуры (Управление Верховного комиссара по правам человека, спецдокладчики о праве на здоровье, против пыток и др.). За последние несколько лет они выпустили целый ряд одиозных докладов с противоречащими антинаркотическим конвенциям призывами декриминализовать, а в некоторых случаях и легализовать отдельные виды наркотиков. В 2019 году ситуация дошла до обращения нескольких граждан против нашей страны в Европейский суд по правам человека за отказ от предоставления наркозависимым ОЗТ. Согласно постановлению суда по делу «Абдюшева против России и две другие жалобы»[25], неприменение ОЗТ в России не приводит к нарушению прав человека и дискриминации граждан, страдающих зависимостью. Это решение стало серьезным аргументом в пользу оправданности российских подходов к лечению наркомании, поскольку суд не выявил каких-либо сравнительных преимуществ ОЗТ перед ними.

Политизация мировой проблемы наркотиков и поляризация подходов к ее решению

В целом крайне острая для многих стран наркопроблема становится предметом ожесточенной внутриполитической борьбы за поддержку электората.

В частности, в США с целью привлечения на свою сторону молодежи и избирателей из числа афро- и латиноамериканцев Демократическая партия традиционно делает ставку на послабления в антинаркотическом законодательстве, прежде всего касающиеся декриминализации использования и хранения незначительного количества наркотиков для личного потребления, а также замены уголовного наказания для незначительных правонарушений, связанных с наркотиками.

Из 25 штатов, официально легализовавших рекреационное употребление марихуаны, подавляющее большинство (18) на недавних выборах поддержали кандидата от демократов К.Харрис[26]. При администрации Дж.Байдена в 2021 году в нижней и в 2022 году в верхней палатах парламента инициировалось рассмотрение законопроектов в отношении легализации марихуаны на федеральном уровне[27], предполагающих три важных изменения: исключение каннабиса из списка I Федерального закона о контролируемых веществах 1970 года, введение акцизного налога на марихуану с целью поддержки сообществ, пострадавших от борьбы с наркотиками, прежде всего «цветного» населения, и отмена федеральных обвинительных приговоров, связанных с незаконным оборотом марихуаны.

Ввиду неоднозначности хода рассмотрения законопроектов в октябре 2022 года Дж.Байден распорядился освободить граждан, отбывающих наказание за хранение марихуаны. Продвижение демократами легальной торговли марихуаной отвечает интересам крупных табачных и алкогольных компаний и инвестиционных банков, которые уже подключились к многомиллиардной каннабисной индустрии.

В период администрации Дж.Байдена была создана Глобальная коалиция государств по борьбе с угрозой синтетических наркотиков, которая объединила 163 страны[28]. Россия в нее приглашена не была, а Китай не присоединился к ней ввиду несправедливых нападок США в связи с бушующим в Северной Америке фентаниловым кризисом, который якобы невозможно преодолеть из-за незаконных поставок китайских прекурсоров.

Приход к власти в Белом доме республиканца Д.Трампа, опирающегося на консервативный электорат, вполне может изменить или, по крайней мере, сдержать охватившие США нарколиберальные тенденции. Назначенный Д.Трампом на пост министра здравоохранения Р.Ф.Кеннеди-мл. еще до официальной инаугурации нового американского президента обозначил в посте в социальной сети «X», что для преодоления опиоидного кризиса необходимы здравомыслящие решения, а не «сокращение вреда»[29].

Новые тенденции в антинаркотической сфере наметились и в Латинской Америке после победы в ряде стран региона левопрогрессистов. Колумбия, Мексика и Боливия стремятся взять на себя лидерство в объединении континента вокруг тезиса о необходимости пересмотра «карательной и репрессивной» глобальной системы наркоконтроля. Глубинные причины кризисной наркоситуации в своих странах они связывают с неоколониальным поведением северного соседа, который не может справиться с масштабным спросом своего населения на незаконно производимые в Латинской Америке кокаин и синтетические опиоиды, попустительствует растущему насилию между наркогруппировками путем нелегальных поставок им американского оружия, а также поощряет непродуманную социально-экономическую политику в регионе, ведущую к обнищанию населения и созданию питательной среды для криминальной деятельности.

Наибольшую активность проявляет Президент Колумбии Г.Петро, правительство которого утверждает, что традиционная (основанная на трех конвенциях) парадигма борьбы с наркоугрозой не работает, а запреты лишь приводят к укреплению наркомафии, переправляющей полученную прибыль на север и оставляющей Глобальному Югу только насилие и разруху. Аргументы Колумбии следующие: война с наркотиками проиграна, антинаркотические конвенции ООН устарели, действующий глобальный режим наркоконтроля требует полной ревизии, чтобы лучше охватить смежные по отношению к борьбе с наркотиками сферы обеспечения прав человека, социально-экономического развития и экологии. Поэтому колумбийцы, хотя и «со скрипом», смогли убедить другие развивающиеся государства создать под эгидой КНС, но с широким участием Генсекретаря и международных структур группу независимых экспертов-«мудрецов» для выработки рекомендаций о том, как дальше решать мировую проблему наркотиков. Соответствующий мандат закреплен в принятой 14 марта этого года на 68-й сессии комиссии резолюции 68/6.

Одновременно Боливия развернула активную деятельность в ВОЗ и КНС с целью исключения листа кока из запретительного списка Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года. Спустя десять лет после вступления в силу в 2013 году оговорки к Единой конвенции, которая разрешила Ла-Пасу культивацию листа кока для традиционных целей жевания коренными народами, Боливия в 2023 году обратилась в ВОЗ с просьбой провести критический обзор этого растения на предмет целесообразности нынешнего жесткого международного контроля над ним с учетом его полезных свойств в условиях высокогорья и использования в натуральном виде в законных фармацевтических и иных целях, отличных от производства наркотических средств. В 2024 году заявку Боливии поддержала Колумбия. Свое заключение по данному вопросу ВОЗ планирует вынести во второй половине 2025 года, но уже сейчас ЕС и США не скрывают беспокойства по этому сюжету, опасаясь кратного увеличения контрабанды кокаина в Северную Америку и Европу.

К этому же лагерю примыкают Гватемала, Мексика, Уругвай и некоторые другие симпатизирующие Колумбии латиноамериканцы. Данные страны фактически расписались в своем бессилии перед лицом наркоугрозы, а построение общества, свободного от злоупотребления наркотиков, признали утопией и сфокусировались на минимизации рисков от наркопроблемы вместо решительного противодействия ей.

Несмотря на отсутствие каких-либо реальных подвижек в борьбе с наркотиками в большинстве из этих государств и даже деградацию наркоситуации в них, они напористо навязывают свои либеральные подходы всему миру, в частности требуют смягчения наказаний вплоть до отмены смертной казни за наркопреступления (согласно трем профильным конвенциям ООН определение соответствующих мер является национальной прерогативой). На стороне этой группы стран выступают расположенные в Женеве правозащитные структуры, а также влиятельные нарколиберальные НПО (Глобальная комиссия по наркополитике, Международный консорциум по наркополитике), лоббирующие интересы крупных фармкомпаний, заинтересованных в снятии запрета с наркотиков.

Другую «школу мысли» представляют приверженцы действующего глобального режима наркоконтроля (наряду с Россией его «костяк» составляют Египет, Иран, Китай, Пакистан, Сингапур при поддержке большинства государств Африки, Ближнего Востока, Центральной, Западной и Юго-Восточной Азии, а также некоторых латиноамериканских стран). «Наркоконсерваторы» выступают за неукоснительное соблюдение государствами трех профильных конвенций и политических обязательств в антинаркотической сфере, продвигают комплексный подход к решению наркопроблемы с должным вниманием к правоохранительному сотрудничеству и вопросам сокращения спроса на наркотики, придерживаются принципов «нулевой терпимости» к наркотикам и недопустимости их легализации в немедицинских целях как грубого нарушения конвенций. В отличие от нарколиберального «лагеря», эти страны убеждены, что при наличии политической воли и последовательных усилий всех государств удастся добиться реального прогресса в решении наркопроблемы. Для этого важно сфокусироваться на борьбе с ее первопричинами, а не на преодолении последствий, предотвращении вреда вместо его сокращения.

❑

Наркотические угрозы, с которыми сталкивается Россия, требуют не только тесного правоохранительного взаимодействия с соседними странами для пресечения маршрутов контрабанды наркотиков, но и комплексного укрепления международного сотрудничества на основе общего понимания целей и задач и добросовестного выполнения международно-правовых обязательств. Это особенно актуально в условиях растущего незаконного производства опасных синтетических веществ, не требующего больших затрат, не привязанного к культивации наркотического сырья и поэтому находящегося в непосредственной близости от мест сбыта и потребления в крупных городах.

Ввиду глобального характера этого нового вызова нам важно продолжить уделять приоритетное внимание координации с единомышленниками из стран Глобального Юга, искать пути взаимовыгодной совместной работы с либерально настроенными государствами Латинской Америки, противодействовать попыткам ослабления действующего международного режима наркоконтроля и оказывать необходимое техническое содействие по повышению антинаркотического потенциала через профильные международные организации. В конечном итоге внешнеполитические меры призваны подкреплять усилия компетентных ведомств по защите территории и населения нашей страны от незаконных наркотиков и построению здорового общества.

[1]https://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=VI-15&chapter=6 (сайт договоров ООН).

[2]https://treaties.un.org/pages/viewdetails.aspx?src=treaty&mtdsg_no=vi-16&chapter=6 (сайт договоров ООН).

[3]https://treaties.un.org/pages/viewdetails.aspx?src=treaty&mtdsg_no=vi-19&chapter=6&clang=_en (сайт договоров ООН).

[4]https://www.incb.org (официальный сайт МККН).

[5]https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/041/51/img/nr004151.pdf (сайт Управления ООН по наркотикам и преступности).

[6]https://www.unodc.org/documents/commissions/CND/Scheduling_Resource_Material/19-11955_Drug_Conventions_eBook.pdf (сайт Управления ООН по наркотикам и преступности).

[7]https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/drugred.shtml (сайт ООН).

[8]https://www.unodc.org/documents/commissions/CND/CND_Sessions/CND_52/Political-Declaration2009_V0984965_R.pdf (сайт Управления ООН по наркотикам и преступности).

[9]https://www.unodc.org/documents/postungass2016/outcome/V1603303-R.pdf (сайт Управления ООН по наркотикам и преступности).

[10]https://www.unodc.org/documents/hlr/19-06701_R_ebook.pdf (сайт Управления ООН по наркотикам и преступности).

[11]https://www.unodc.org/documents/commissions/CND/2024_high-level_declaration/2414246E-Declaration-2024-eBook.pdf (сайт Управления ООН по наркотикам и преступности).

[12]http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/ZAgYxcqq1IKueTyaLIjTATA23PraYrDr.pdf (сайт Президента России).

[13]https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n24/162/94/pdf/n2416294.pdf (сайт документации ООН).

[14]http://static.government.ru/media/files/E6NYAsjmdVYjU7ZKQnAbleEVE8jdEjMr.pdf (сайт Правительства России).

[15]https://unis.unvienna.org/unis/en/pressrels/2019/unisnar1394.html

[16]https://www.incb.org/incb/en/news/news_2023/incb-learning-holds-training-for-drug-regulatory-authorities-in-latin-america.html

[17]https://www.incb.org/incb/en/news/news_2025/INCB_Learning_concludes_regional_technical_seminar_and_workshop_aimed_at_improving_the_availability_of_controlled_substances_for_medical_and_scientific_purposes.html

[18]https://www.incb.org/documents/Publications/AnnualReports/AR2015/Russian/Supplement-AR15_availability_Russian.pdf (сайт Международного комитета по контролю над наркотиками).

[19]https://health-infobase.canada.ca/substance-related-harms/opioids-stimulants/

[20]https://www150.statcan.gc.ca/n1/pub/11-627-m/11-627-m2024012-eng.htm

[21]WHO-UNODC-UNAIDS Technical Guide for countries to set targets for universal access to HIV prevention, treatment and care for injecting drug users // https://www.who.int/publications/i/item/978924150437

[22]Ежегодно финансируемая Фондом Сороса неправительственная организация «Harm Reduction International» выпускает доклад «Состояние сокращения вреда в мире» (Global State of Harm Reduction), в котором приводит статистику по применению различных элементов этой концепции. Последний доклад можно посмотреть по ссылке https://hri.global/flagship-research/the-global-state-of-harm-reduction/the-global-state-of-harm-reduction-2024/

[23]www.kremlin.ru/acts/bank/11860 (сайт Президента России).

[24]https://research-journal.org/en/archive/12-138-2023-december/10.23670/IRJ.2023.138.7

[25]Пресс-релиз Постановления Европейского суда по правам человека по делу «Абдюшева против России и две другие жалобы» можно посмотреть по ссылке https://hudoc.echr.coe.int/eng-press#{%22itemid%22:[%22003-6572835-8702708%22]}

[26]Из списка штатов, на настоящий момент легализовавших марихуану, четыре поддерживают республиканцев (Аляска, Монтана, Миссури и Огайо), три - т. н. «колеблющиеся» штаты (Аризона, Мичиган и Невада).

[27]«Marijuana Opportunity Reinvestment and Expungement Act of 2021 - MORE Act of 2021» и «Cannabis Administration and Opportunity Act».

[28]https://www.globalcoalition.us/participating-countries (сайт Глобальной коалиции государств по борьбе с угрозой синтетических наркотиков).

[29]https://x.com/RobertKennedyJr/status/1846688781899882521?lang=en (пост от 17 октября 2024 г.).

Источники и литература

1. http://kremlin.ru (сайт Президента России).
2. http://government.ru (сайт Правительства России).
3. https://treaties.un.org (сайт договоров и документации ООН).
4. https://documents.un.org (сайт документации ООН).
5. https://www.unodc.org (сайт Управления ООН по наркотикам и преступности).
6. https://www.incb.org (сайт Международного комитета по контролю над наркотиками).
7. https://unis.unvienna.org (сайт Информационной службы ООН).
8. https://www.who.int (сайт Всемирной организации здравоохранения).
9. https://echr.coe.int (сайт Европейского суда по правам человека).
10. https://www.globalcoalition.us (сайт Глобальной коалиции государств по борьбе с угрозой синтетических наркотиков).
11. https://www.canada.ca (сайт Правительства Канады).
12. https://statcan.gc.ca (сайт Статистического ведомства Канады).
13. https://health-infobase.canada.ca (сайт Минздрава Канады).
14. https://research-journal.org (сайт «Международного научно-исследовательского журнала»).
15. https://hri.global (сайт НПО «Международная организация снижения вреда»).

Роман Калинин

Выпускник аспирантуры факультета мировой политики МГУ им. М.В.Ломоносова, консультант ПИР-Центра

kalininrr@gmail.com

Ключевые слова: *Южная Корея, США, ЯПКП, денуклеаризация, ДНЯО, идея объединения Кореи, гиперзвуковые ракеты, Д.Трамп.*

ЯДЕРНАЯ ПРОБЛЕМА КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА ПРИ Д.ТРАМПЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЫЗОВЫ 2025-2029 ГОДОВ

Ядерная проблема Корейского полуострова (ЯПКП) является одной из главных угроз современной международной безопасности. Она включает два аспекта. Во-первых, ядерный, выраженный в стремлении КНДР развивать силы ядерного сдерживания в ответ на угрозу со стороны ядерной державы - США и их союзников[1]. Во-вторых, политический, который включает взаимоотношения государств Корейского полуострова и внешних участников, чья безопасность находится под угрозой из-за наличия ядерного оружия на Корейском полуострове[2].

Ядерная проблема Корейского полуострова на современном этапе

Происходящие сегодня структурные изменения мирового порядка проявляются в виде усиливающегося кризиса в регионе Северо-Восточной Азии и отражаются на динамике ЯПКП. Азию называют центром военной гравитации, где бурными темпами идет строительство ядерных сил[3]. Нынешнее политическое состояние международной системы нередко характеризуют как новую холодную войну, которую можно понимать как биполярное противостояние США и КНР[4] либо шире - как борьбу американоцентричного и многополярного миров[5].

Ядерная проблема Корейского полуострова в этой парадигме является частью геополитического соперничества блоков стран западного и незападного миров[6].

Корейский полуостров на современном этапе представляет собой не только эпицентр тлеющего конфликта холодной войны США и СССР, но и источник угроз, которые приводят к эрозии международного права и усилению политического кризиса вокруг ЯПКП. В союзе с Японией и Южной Кореей США выстраивают блоковую систему сдерживания КНР и разрабатывают планы по ликвидации северокорейского режима, что прописано в Кэмп-Дэвидской декларации 2023 года[7]. США и союзники в Азиатско-Тихоокеанском регионе, не обладающие ядерным оружием, тестируют новые форматы ядерного сотрудничества, что подрывает основы Договора о нераспространении ядерного оружия[8]. Эти события стали закономерным развитием глобальной стратегии США по обеспечению национальной безопасности и будут развиваться при администрации Д.Трампа в 2025-2029 годах.

Однако отметим, что в отличие от периода администрации Д.Трампа в 2017-2021 годах инициатива по возобновлению переговорного процесса по ЯПКП принадлежит руководству КНДР. Многие западные эксперты считают, что КНДР как де-факто - ядерное государство, но оно обладает низким ядерным порогом по сравнению с другими ядерными державами по ряду причин. Во-первых, в условиях изоляции страны Верховный главнокомандующий Ким Чен Ын может неправильно интерпретировать внешние сигналы угроз и отдать приказ об использования ядерного оружия. Во-вторых, есть вероятность использования ядерного оружия для достижения политических целей. В-третьих, ограниченный ядерный удар может быть использован в целях устрашения конкурентов или как попытка объединения Корейского полуострова[9].

На момент прихода к власти администрации Д.Трампа (на период 2025-2029 гг.) КНДР добилась еще большего прогресса в развитии ядерной программы, что позволяет исследователям рассуждать о возможном более агрессивном курсе КНДР по отношению к Южной Корее и США, вплоть до превентивного использования ядерного оружия. Д.Трамп в качестве президента уже проходил этап балансирования на грани войны с КНДР летом - осенью 2017 года, сопоставимый по градусу напряженности с Карибским кризисом 1962 года, но не смог принудить КНДР к капитуляции и обеспечить себе «большую сделку» по денуклеаризации[10].

Напротив, КНДР удалось продемонстрировать межконтинентальные баллистические ракеты (МБР), способные доставить ядерное оружие на территорию США. Ким Чен Ын на переговорах с Д.Трампом в 2017-2018 годах показал себя неуступчивым лидером, четко отстаивавшим raison d'etat. Согласно доктринальным документам, КНДР проводит политику ответственной ядерной державы, готовой использовать ядерное оружие как «последнее средство в ответ на внешнюю агрессию»[11]. Наибольшую тревогу для администрации Д.Трампа в 2025-2029 годах представляют не провокации северокорейского режима, а поведение КНДР, как де-факто ядерной державы, обладающей, по разным оценкам, от 50 до 100 боезарядов[12], на международной арене в меняющихся геополитических условиях.

Подходы США к ядерной проблеме полуострова в XXI веке

После распада биполярной системы можно выделить несколько подходов США к ядерной проблеме Корейского полуострова.

В 1990-х годах США не имели четкой внешнеполитической линии в отношении КНДР и, как отмечал дипломат Л.Армитейдж, действовали реактивно[13]. США, довольствуясь статусом единственной сверхдержавы, не стремились учитывать требования КНДР в отношении

национальной безопасности, в результате чего КНДР заявила о выходе из ДНЯО и приступила к наработке оружейного плутония[14].

При администрациях Дж.Буша-мл. (2001-2009 гг.) в США утвердилась концепция CVID (Complete verifiable and irreversible dismantlement) - полного, верифицируемого и необратимого ядерного разоружения КНДР ex-ante любых гарантий безопасности со стороны США[15]. Этот подход до сих пор является краеугольным в отношении КНДР.

В 2003-2009 годах США присоединились к формату шестисторонних переговоров по ядерной проблеме Корейского полуострова. За шесть лет КНР, КНДР, Республика Корея, Российская Федерация, США и Япония не смогли прийти к единому пониманию денуклеаризации. Тем не менее к 2005 году США, руководствуясь в первую очередь желанием Дж.Буша-мл. переизбраться на второй срок, пошли на уступки КНДР[16]. 19 сентября 2005 года было принято Совместное заявление по итогам четвертого раунда шестисторонних переговоров. КНДР взяла обязательства вернуться в ДНЯО и допустить инспекции МАГАТЭ. Также страна пообещала прекратить все существующие ядерные программы в обмен на возможность развития мирной атомной энергетики под гарантии безопасности других участников переговоров. Развить успех заявления не удалось, поскольку США не были готовы идти на реальные уступки. Однако соглашение 2005 года можно считать прорывом дипломатии на Корейском полуострове. После отказа США выполнять обязательства по соглашению КНДР провела первое ядерное испытание в 2006 году.

Политику администрации Б.Обамы (в 2009-2017 гг.) на корейском направлении называют «Стратегическое терпение». С одной стороны, США проявляли внешнюю готовность к переговорам. С другой стороны, оставались привержены политике санкционного и политического давления на КНДР[17]. Два президентских срока Б.Обамы ознаменованы рывком КНДР в строительстве ядерных сил сдерживания и отсутствием дипломатических прорывов по решению ядерной проблемы.

При администрации Д.Трампа в 2017-2021 годах отношения США и стран Корейского полуострова двигались по спирали эскалации.

Республиканская администрация избрала в отношении КНДР тактику кнута и пряника. В одном из первых указов Д.Трамп поручил обеспечить готовность американских вооруженных сил к политике «мира через силу»[18]. Стратегия национальной безопасности 18 декабря 2017 года в качестве основного подхода выдвинула принципиальный реализм, согласно которому сила играет доминирующую роль в международной политике[19]. КНДР в доктринальных документах наряду с Ираном представляла угрозу желаемому для США региональному порядку. В отношении Северной Кореи США избрали стратегию CVID[20]. Политические установки, принятые администрацией Д.Трампа, привели отношения между США и КНДР к балансированию на грани ядерной войны.

Испытанная КНДР 4 июля 2017 года МБР «Хвасон-14» показала способность Северной Кореи достичь любой точки на территории США, что привело к беспрецедентному кризису на Корейском полуострове. Д.Трамп объявил кампанию «огня и ярости» («fire and fury»), которая подразумевала возможный силовой ответ на демонстрацию силы со стороны КНДР, которая, в свою очередь, заявила, что тщательно изучает варианты ударов по базам США на о. Гуам, где на ротационной основе присутствуют американские стратегические бомбардировщики[21]. Игра мускулами, начатая США, трактовалась экспертами как курс на ликвидацию режима[22] либо как сознательный шаг, направленный на то, чтобы склонить КНДР к переговорам[23].

«Кнут» сработал, и кризис 2017 года стал отправной точкой к формату отношений, в котором США и КНДР пребывают сегодня. Во-первых, по итогам кризиса Республика Корея пошла на сближение с КНДР. В результате саммита лидеров КНДР и Южной Кореи в Пханмунджоме 27 апреля 2018 года была принята Пханмунджомская декларация о мире,

процветании и объединении Корейского полуострова, где стороны отметили денуклеаризацию в качестве основы мира на Корейском полуострове[24]. В совокупности с Пхеньянской декларацией 19 сентября 2018 года[25] и соглашениями о выполнении исторической Пханмунджомской декларации в военной сфере[26] эти документы обеспечивали меры для деэскалации в районе демилитаризованной зоны (ДМЗ). Во-вторых, Южная Корея выступила в роли посредника между США и КНДР, что привело к проведению трех саммитов между лидерами КНДР и США - в Сингапуре 12 июня 2018 года, в Ханое 27-28 февраля 2019 года и в районе ДМЗ 30 июня 2019 года.

Последним на сегодняшний день выработанным документом между США и КНДР стала Сингапурская декларация, согласно которой США обязались предоставить КНДР гарантии безопасности в обмен на полную денуклеаризацию Корейского полуострова[27]. Декларация может стать отправной точкой для возобновления переговоров на современном этапе, а межкорейские соглашения - подспорьем для обеспечения мер доверия на случай инцидентов.

В период администрации Д.Трампа в 2017-2021 годах США и КНДР так и не выработали общее понимание денуклеариазации. Кроме того, Д.Трамп, несмотря на личные намерения заключить сделку с КНДР, встретил серьезное сопротивление «ястребов» из американского истеблишмента. По результатам работы Д.Трампа можно констатировать, что установки на противостояние великих держав и силовой подход, зафиксированные в доктринальных документах США, взяли вверх над личными намерениями Д.Трампа заключить соглашение с КНДР ценой ослабления санкций, прямо не затрагивающих ядерную отрасль КНДР.

Политика Дж.Байдена (2021-2025 гг.) в отношении КНДР характеризуется осторожным, безынициативным подходом. В доктринальных документах США международная обстановка в ряде случаев характеризуется для США как критическая в плане безопасности. Период до 2030 года назван решающим десятилетием, когда будут установлены условия геополитической конкуренции между державами[28]. КНДР по-прежнему фигурировала как угроза национальной безопасности США[29]. Однако политика «кнута» и «пряника» приобрела иную форму. США более не стремились к заключению сделки с КНДР, а сделали ставку на укрепление сдерживания с союзниками. Прослеживается намерение США усилить трехсторонний альянс между Республикой Корея, США, Японией, а также привязать Южную Корею к форматам Соглашения Австралии - Великобритании - США (AUKUS) и Четырехстороннего сотрудничества в сфере безопасности (QUAD). 18 августа 2023 года в рамках встречи с лидерами США и Японии была принята Кэмп-Дэвидская декларация, где треугольник США, Южной Кореи, Японии станет столпом всей союзнической архитектуры в регионе и будет тесно связан с такими форматами, как AUKUS.

Вызовы для администрации Д.Трампа на Корейском полуострове 2025-2029 годов

Д.Трамп приступил к обязанностям президента США в 2025 году уже в совершенно новых геополитических условиях, чем это было во время его первого срока. Хотя стоит отметить, что многие вызовы начали проявляться как следствие действий Д.Трампа на посту президента 2017-2021 годов.

Во-первых, возросла глобальная геополитическая напряженность. При первой администрации Д.Трампа США впервые на доктринальном уровне заявили о возвращении конкуренции великих держав[30]. Стратегия национальной безопасности Д.Трампа 2017 года в качестве угроз прямо перечислила Китай, Россию и «региональные диктатуры» - Иран, КНДР[31].

На сегодняшний день США либо опосредованно участвуют в открытом конфликте с соперниками, либо находятся в активной фазе военной подготовки к нему.

В Европе с февраля 2022 года США оказывают содействие киевскому режиму в военном конфликте на Украине, что, по российским оценкам, является признаком гибридной войны[32]. В отношении Китая США в ближайшие годы продолжат политику поддержки Тайваня, повышая вероятность силового сценария в разрешении вопроса. Рост региональных конфликтов наблюдается в Северной Африке, на Ближнем Востоке, где сосредоточены ключевые интересы США. Соперничество между крупнейшими державами влияет на перспективы урегулирования ядерной проблемы Корейского полуострова, где и Россия, и Китай имеют сферы влияния.

По результатам курса на стратегическое противостояние с Китаем, администрация Д.Трампа 2025-2029 годах теряет возможность обеспечить поддержку Китая для обуздания КНДР. России, как отмечает эксперт К.Асмолов, ситуация новой холодной войны на Корейском полуострове до перехода в горячую фазу может быть выгодна для более тесного партнерства с КНДР[33]. Вариант силового сценария разоружения КНДР станет для администрации дилеммой стратегического выбора, поскольку администрации придется перебрасывать ресурсы с других направлений.

Во-вторых, характер угроз для США изменился. Более отчетливые рамки приобретает противостояние американоцентричного и многополярного порядка. Во многом с подачи Д.Трампа США начали оформлять формальные и неформальные блоки, направленные против потенциальных противников. Примерами блокового подхода являются QUAD и AUKUS. В Северо-Восточной Азии США активно способствуют развитию формата трехстороннего сотрудничества между США, Южной Кореей и Японией. В рамках стратегии сдерживания Китая США активно вовлекают союзников в сферу ядерного планирования, о чем свидетельствует, например, передача Австралии атомной подводной лодки (АПЛ) «Вирджиния», способной нести ядерные ракеты на борту, и создание ядерной консультативной группы США и Южной Кореи[34].

В ответ на это потенциальные соперники США создают собственные форматы сотрудничества по оси Россия - Китай - КНДР. Россия активно развивает отношения с КНДР. Ратификация Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой, который по ст. 3 предусматривает механизм консультаций в случае акта вооруженной агрессии, служит дополнительным механизмом сдерживания конфликта на Корейском полуострове[35]. Как отметил министр обороны России, договор заложил основу новой евразийской системы безопасности[36]. КНДР, таким образом, становится не просто государством-изгоем, а частью оси противостояния американоцентричному порядку, обладая при этом ядерным арсеналом.

В-третьих, в последние годы обострились межкорейские отношения, что отдаляет перспективы объединения Кореи и возможности для Южной Кореи выступить в качестве медиатора на переговорах с США. В 2024 году КНДР провозгласила Южную Корею «полностью враждебным государством» и заблокировала приграничное сообщение[37]. При Президенте Южной Кореи Юн Сок Ёле между КНДР и Республикой Корея произошло несколько кризисов. Во многом они обусловлены внешнеполитической повесткой южнокорейской администрации, преследующей цели «глобального альянса» между Южной Кореей и США.

В результате идея объединения Кореи, как подчеркивает российский эксперт К.Асмолов, в Южной Корее трансформировалась в цель «демократизации» КНДР с использованием всех возможных средств. В КНДР же от идеи полностью отказались[38]. В 2024 году Президент Республики Корея Юн Сок Ёль привел страну к внутриполитическому кризису, после чего Пар-

ламент Республики Корея принял Закон об импичменте. На фоне роста северокорейской угрозы в Южной Корее растут тенденции к созданию собственного ядерного оружия[39].

Южная Корея является пороговым государством[40] и уже предпринимала в 1970-х годах попытку создания собственного ядерного оружия. Общественное мнение в стране в большинстве своем выступает за создание независимого ядерного потенциала, что внушает тревогу в условиях кризиса глобального режима по контролю над вооружениями. Таким образом, Д.Трампу придется решать сразу две проблемы: проблему сдерживания КНДР и контрраспространения в отношении Республики Корея.

В-четвертых, КНДР сделала существенный шаг в укреплении сил ядерного сдерживания и не намерена сворачивать рост производства ядерного оружия. В 2024 году Федерация ученых-атомщиков дала оценку от 50 до 90 боеголовок с прогнозным потенциалом до 130 к концу 2020-х годов[41]. К 2024 году КНДР испытала различные средства доставки ядерного оружия, способные обойти ПРО противника. 14 января 2024 года КНДР испытала твердотопливную баллистическую ракету средней дальности с управляемой боеголовкой, способной маневрировать для обхода ПРО противника[42].

3 апреля ЦТАК информировал об испытании гиперзвуковой ракеты большой дальности «Хвасонпхо-16Б»[43]. 31 октября 2024 года был проведен запуск новой МБР «Хвасонпхо-19». Как отмечает американский аналитик В.Ван Дипен, разработка более мощной МБР по сравнению с МБР «Хвасонпхо-18» вызвана стремлением увеличить полезную нагрузку ракеты для оснащения ее разделяющейся головной частью с блоками индивидуального наведения (РГЧ ИН)[44]. КНДР уже продемонстрировала на одной из выставок два варианта МБР «Хвасонпхо-19» - с одной боеголовкой и РГЧ ИН[45]. Помимо разработки сил стратегического ядерного сдерживания, КНДР ведет активную работу над модернизацией обычных вооружений, укреплением кибербезопасности и развития космических вооружений в рамках долгосрочной стратегии, озвученной руководством на VIII съезде Трудовой партии Кореи в январе 2021 года[46].

Перспективы администрации Д.Трампа на корейском направлении внешней политики

В сложившихся условиях администрация Д.Трампа имеет незначительное пространство для маневра по оси эскалация / мирное урегулирование. Угрозы Д.Трампа в адрес Ким Чен Ына, которые он позволял даже с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН, и крупномасштабные учения США и союзников вблизи границ КНДР могут привести к неконтролируемой эскалации и непреднамеренному конфликту. Эксперты уже предостерегают Д.Трампа о том, что «теория сумасшедшего» не сработает[47]. С учетом наличия в КНДР ядерного оружия и союзнических связей маленькая победоносная война также не принесет США дивидендов и рискует вылиться в глобальную катастрофу.

В отношении мирного процесса пространства для маневра больше, но оценки как российских, так и зарубежных экспертов не оптимистичны. После победы Д.Трампа Ким Чен Ын заявил о том, что политика США остается неизменно враждебной[48]. В США есть предположения о том, что переговоры Ким Чен Ыну не нужны, поскольку в союзе с Россией КНДР может получить необходимую поддержку в обход санкций ООН и Западных стран[49]. Известные специалисты по КНДР Р.Карлин и З.Хекер считают, что Ким Чен Ын может действовать хитростью и использовать переговоры для подготовки к войне с Югом[50].

В составе новой команды Д.Трампа - как откровенные ястребы, так и люди, способные переломить цугцванг на корейском направлении. Пост заместителя советника по националь-

ной безопасности Д.Трампа займет старший научный сотрудник Гудзоновского института А.Вонг[51]. Он известен тем, что помогал Д.Трампу с организацией саммитов с лидером КНДР Ким Чен Ыном. Шансы на возвращение дипломатии с КНДР в этой связи оцениваются как довольно высокие. Эксперты также полагают, что в период администрации Д.Трампа возможна «мегасделка» с Россией[52]. Например, США могут потребовать от России пересмотра характера отношений с КНДР в рамках переговоров по Украинскому вопросу.

Кроме того, в случае прихода к власти в Южной Корее Демократической партии «Тобуро», новые власти могут предпринять попытку сближения с Китаем и КНДР. Позитивным исходом политики Д.Трампа на корейском направлении можно будет считать начало субстантивного диалога для разработки «Дорожной карты» к денуклеаризации Корейского полуострова. В качестве предварительного условия для такого диалога необходимо принятие мер по предотвращению ядерной войны и действий на случай инцидентов. В конечном итоге образовавшимся осям противостояния на Корейском полуострове следует начать диалог о новой архитектуре безопасности в Северо-Восточной Азии. Такая цель ставилась в рамках шестисторонних переговоров по ядерной проблеме Корейского полуострова и не теряет актуальности в условиях новой холодной войны.

---

[1] *Дьячков И.В.* Эволюция северокорейской ядерной программы в контексте ядерного нераспространения в Северо-Восточной Азии (2-я половина XX - начало XXI в.) : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2014.

[2] *Hayes P., Kihl Y.W.* Peace and Security in Northeast Asia: Nuclear Issue and the Korean Peninsula: Nuclear Issue and the Korean Peninsula. Routledge, 2016.

[3] *Дынкин А.А.* Трансформация мирового порядка: экономика, идеология, технологии. Полис. Политические исследования. 2024. №5. С. 8-23.

[4] *Lind J.* Back to Bipolarity: How China's Rise Transformed the Balance of Power // International Security. 2024. №2 (49). С. 7-55.

[5] См., например: *Стрельцов Д.В.* Новая «холодная война»: глобальное и восточноазиатское измерения // Международные процессы. 2024. Т. 22. №2. С. 7-24; *Калинин Р.Р.* Корейский полуостров как очаг напряженности «холодной войны 2.0» // Вестник Московского университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 14. №4. С. 48-76.

[6] См., например: *Асмолов К.В., Бабаев К.В.* Трехполярный мир и блоковые треугольники в Восточной Азии // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. №3. С. 165-181; *Cha V., Katz K.F.* Crisis and COVID in North Korea //Survival. 2024. Vol. 66. №6. P. 103-118.

[7] «Camp David Principles» Agreed by Leaders of S. Korea, U.S., Japan // Yonhap News Agency. 19.08.2023 // URL: https://en.yna.co.kr/view/AEN20230819000400315?section=news (accessed 01.04.2024).

[8] *Устинов Р.А.* Новые форматы ядерного сотрудничества США и их влияние на Договор о нераспространении ядерного оружия // Сравнительная политика. 2024. Т. 15. №3. С. 113-126.

[9] *Park H., Jo W.* Nuclear chess on the Korean Peninsula: analysing North Korea's «second mission» and strategic implications // Defense & Security Analysis. 2024. С. 1-20.

[10] *Жебин А.З.* О ситуации на Корейском полуострове: 2017 / А.З.Жебин // Доклады ИДВ РАН. 2017: Составитель Е.А.Лапшина. Москва: ИДВ РАН. 2018. С. 7-18.

[11] Опубликование Закона о политике КНДР в отношении ядерных вооруженных сил // ЦТАК. 09.09.2022 // URL: http://kcna.kp/ru/article/q/5f0e629e6d35b7e3154b4226597df4b8.kcmsf (дата обращения: 10.01.2023).

[12] SIPRI Yearbook 2023: Armaments, Disarmament and International Security. SIPRI, 2024.

[13] *Armitage R.L.* A Comprehensive Approach to North Korea. National Defense University, Institute for National Strategic Studies, 1999. №159.

[14] *Hecker S.S.* Hinge Points: An Inside Look at North Korea's Nuclear Program. Stanford University Press, 2023.

[15] *Albright D., Hinderstein C.* Dismantling the DPRK's Nuclear Weapons Program: A Practicable,

Verifiable Plan of Action // The United States Institute of Peace // URL: https://www.usip.org/publications/2006/01/dismantling-dprks-nuclear-weapons-program-practicable-verifiable-plan-action (accessed 08.04.2018).

[16]Bush and Public Opinion // Pew Research Center - U.S. Politics & Policy // URL: https://www.pewresearch.org/politics/2008/12/18/bush-and-public-opinion/ (accessed 11.04.2024).

[17]*Pyon C.* Strategic Patience or Back to Engagement? Obama's Dilemma on North Korea //North Korean Review. 2011. C. 73-81.

[18]Presidential Memorandum on Rebuilding the U.S. Armed Forces // White House // URL: https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/presidential-memorandum-rebuilding-u-s-armed-forces/ (accessed 18.03.2023).

[19]A New National Security Strategy for a New Era // The White House // URL: https://www.whitehouse.gov/articles/new-national-security-strategy-new-era/ (accessed 20.12.2019).

[20]Remarks to the Troops by the Vice President with Q&A, Demilitarized Zone, South Korea // White House // URL: https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-troops-vice-president-qa-demilitarized-zone-south-korea/ (accessed 18.03.2023).

[21]North Korea 'most urgent' threat to security: Mattis // Reuters // URL: https://www.reuters.com/article/us-usa-northkorea/north-korea-most-urgent-threat-to-security-mattis-idUSKBN19407I (accessed 25.03.2023).

[22]*Жебин А.З.* Северная Корея: бомбы, ракеты, санкции // Aziya i Afrika Segodnya. 2017. №1.

[23]*Ланьков А.* Северная Корея и Трамп: далеко ли до войны // URL: http:// carnegie.ru/commentary/?fa=68682 (дата обращения: 30.10.2017).

[24]Panmunjom Declaration for Peace, Prosperity and Unification of the Korean Peninsula // Ministry of Foreign Affairs Republic of Korea // URL: http://www.mofa.go.kr/eng/brd/m_5478/view.do?seq=319130&srchFr=&srchTo=&srchWord=&srchTp=&multi_itm_seq=0&itm_seq_1=0&itm_seq_2=0&company_cd=&company_nm=&page=1&titleNm= (accessed 04.03.2020).

[25]Pyongyang Joint Declaration // Columbia Law School // URL: https://kls.law.columbia.edu/content/pyongyang-joint-declaration (accessed 05.02.2023).

[26]Agreement on the Implementation of the Historic Panmunjom Declaration in the Military Domain // The National Committee on North Korea // URL: https://www.ncnk.org/resources/publications/agreement-implementation-historic-panmunjom-declaration-military-domain.pdf (accessed 05.02.2023).

[27]Joint Statement of President Donald J. Trump of the United States of America and Chairman Kim Jong Un of the Democratic People's Republic of Korea at the Singapore Summit // The White House // URL: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/joint-statement-president-donald-j-trump-united-states-america-chairman-kim-jong-un-democratic-peoples-republic-korea-singapore-summit/ (accessed 04.03.2020).

[28]National Security Strategy of the United States of America, December 2017 // https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf (accessed 06.04.2024).

[29]2022 National Defense Strategy of the United States of America. Including the 2022 Nuclear Posture Review and the 2022 Missile Defense Review. U.S. Department of Defense // https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.PDF (accessed 10.08.2023).

[30]Nuclear Posture Review // Department of Defense // URL: https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF (accessed 25.12.2019).

[31]President Donald J. Trump Announces a National Security Strategy to Advance America's Interests // The White House // URL: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trump-announces-national-security-strategy-advance-americas-interests/ (accessed 20.12.2019).

[32]Лавров в интервью Карлсону указал на гибридную войну США против РФ // IZ.RU // https://iz.ru/1802399/2024-12-06/lavrov-v-interviu-karlsonu-ukazal-na-gibridnuiu-voinu-ssha-protiv-rf (дата обращения: 12.01.2025).

[33]*Асмолов К.В.* Изменения политики КНДР и РК в области межкорейских отношений и перспективы развития ситуации на полуострове // Проблемы Дальнего Востока №4. С. 32-45.

[34]Washington Declaration // The White House // URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/

statements-releases/2023/04/26/washington-declaration-2/ (accessed 14.08.2023).

[35]Ратифицирован Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между РФ и КНДР // Государственная Дума // URL: http://duma.gov.ru/news/60239/ (дата обращения: 07.12.2024).

[36]*Асмолов К.* Визит министра обороны РФ в КНДР // Новое восточное обозрение // URL: https://journal-neo.su/ru/2024/12/12/k-vizitu-ministra-oborony-rf-v-kndr/ (дата обращения: 15.12.2024).

[37]ЦТАК сообщило о полном разрывании автомобильных и железных дорог, соединенных с РК, в восточном и западном районах южной границы КНДР // URL: http://www.kcna.kp/ru/article/q/aeef8496140b878f475fb2f456a06838.kcmsf (дата обращения: 15.12.2024).

[38]*Асмолов К.В.* О новой межкорейской стратегии Южной Кореи // Аналитические записки ИКСА РАН. Выпуск 7. М.: ИКСА РАН, 2024. С. 40-46.

[39]*Kelly R.E., Kim M.* Why South Korea Should Go Nuclear // Foreign Affairs // URL: https://www.foreignaffairs.com/north-korea/why-south-korea-should-go-nuclear-kelly-kim?utm_medium=newsletters&utm_source=fatoday&utm_campaign=Why%20South%20Korea%20Should%20Go%20Nuclear&utm_content=20251230&utm_term=EDZZZ003ZX (accessed 12.01.2025).

[40]Новая ядерная девятка? Оценка угроз распространения ядерного оружия в мире. Доклад / Ред. В.А.Орлов, С.Д.Семенов. М.: ПИР-Пресс, 2022. С. 63. (ПИР-Библиотека - книжная серия).

[41]*Kristensen H.M.* et al. North Korean nuclear weapons, 2024 // Bulletin of the Atomic Scientists. 2024. Vol. 80. №4. P. 251-271.

[42]КНДР испытала твердотопливную ракету с гиперзвуковой боеголовкой // ТАСС // URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19727941 (дата обращения: 02.03.2024).

[43]Пхеньян 3 апреля /ЦТАК/. Главное управление ракетостроения КНДР успешно провело испытательный запуск новой гиперзвуковой ракеты средней и большой дальности // Telegraph // URL: https://telegra.ph/Glavnoe-upravlenie-raketostroeniya-KNDR-uspeshno-provelo-ispytatelnyj-zapusk-novoj-giperzvukovoj-rakety-srednej-i-bolshoj-dalnos-04-02 (дата обращения: 08.04.2024).

[44]*Diepen V.H.V.* North Korea Tests New Solid ICBM Probably Intended for MIRVs - 38 North: Informed Analysis of North Korea // 38 North // URL: https://www.38north.org/2024/11/north-korea-tests-new-solid-icbm-probably-intended-for-mirvs/ (accessed 15.12.2024).

[45]Атомное Чучхе // Telegram // URL: https://t.me/nucdprk/6874 (дата обращения: 15.12.2024).

[46]Великая боевая программа по достижению новых побед в строительстве социализма нашего образца // Корея. 2021. №778. С. 10–18 // URL: https://www.fessl.ru/korea/korea1.pdf (дата обращения: 10.01.2023).

[47]*Drezner D.W.* Will Trump's Madman Theory Work? // Foreign Policy. 2025.

[48]Kim Jong Un's Message to Trump: We're Not Interested // The Wall Street Journal // URL: https://www.wsj.com/world/asia/kim-jong-uns-message-to-trump-were-not-interested-243210c1?mod=article_inline (accessed 15.01.2024).

[49]*Johnson K.* Could Trump Rekindle Diplomacy With North Korea? // Foreign Policy. 2024.

[50]Jong Un Welcomes Donald J.Trump to Second Term - 38 North: Informed Analysis of North Korea // 38 North // URL: https://www.38north.org/2025/01/kim-jong-un-welcomes-donald-j-trump-to-second-term/ (accessed 11.01.2025).

[51]McGrath R. Trump hands out top jobs - here's who is in and who is out // Sky. 2024.

[52]*Бабаев К.В.* О некоторых итогах «Монтерейского триалога» Россия - КНР - США // Аналитические записки ИКСА РАН. Выпуск 7. М.: ИКСА РАН, 2024. С. 12-17.

Источники и литература

1. *Асмолов К.В.* Изменения политики КНДР и РК в области межкорейских отношений и перспективы развития ситуации на полуострове // Проблемы Дальнего Востока №4. С. 32-45.

2. *Асмолов К.В.* О новой межкорейской стратегии Южной Кореи // Аналитические записки ИКСА РАН. Выпуск 7. М.: ИКСА РАН, 2024. С. 40-46.

3. *Бабаев К.В.* О некоторых итогах «Монтерейского триалога» Россия - КНР - США // Аналитические записки ИКСА РАН. Выпуск 7. М.: ИКСА РАН, 2024. С. 12-17.

4. *Дынкин А.А.* Трансформация мирового порядка: экономика, идеология, технологии // Полис. Политические исследования. 2024. №5. С. 8-23.

5. *Дьячков И.В.* Эволюция северокорейской ядерной программы в контексте ядерного нераспространения в Северо-Восточной Азии (2-я половина XX - начало XXI в.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. М., 2014.

6. *Жебин А.З.* Северная Корея: бомбы, ракеты, санкции //Aziya i Afrika Segodnya. 2017. №1.

7. *Жебин А.З.* О ситуации на Корейском полуострове: 2017 / А.З.Жебин // Доклады ИДВ РАН, 2017: Составитель Е.А.Лапшина. Москва: ФГБУ науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2018. С. 7-18.

8. Новая ядерная девятка? Оценка угроз распространения ядерного оружия в мире. Доклад / Ред. В.А.Орлов, С.Д.Семенов. М.: ПИР-Пресс, 2022. С. 63. (ПИР-Библиотека).

9. *Устинов Р.А.* Новые форматы ядерного сотрудничества США и их влияние на Договор о нераспространении ядерного оружия // Сравнительная политика. 2024. Т. 15. №3. С. 113-126.

10. *Albright D., Hinderstein C.* Dismantling the DPRK's Nuclear Weapons Program: A Practicable, Verifiable Plan of Action // The United States Institute of Peace // URL: https://www.usip.org/publications/2006/01/dismantling-dprks-nuclear-weapons-program-practicable-verifiable-plan-action (accessed 08.04.2018).

11. *Armitage R.L.* A Comprehensive Approach to North Korea. National Defense University, Institute for National Strategic Studies, 1999. №159.

12. *Bolton J.* The Room Where It Happened: A White House Memoir / J.Bolton, Simon and Schuster, 2020.

13. *DePetris D.R.* Opinion: Trump wants to rekindle his Kim Jong Un bromance, but North Korea has other suitors now // Los Angeles Times. 2025.

14. *Diepen V.H.V.* North Korea Tests New Solid ICBM Probably Intended for MIRVs - 38 North: Informed Analysis of North Korea // 38 North // URL: https://www.38north.org/2024/11/north-korea-tests-new-solid-icbm-probably-intended-for-mirvs/ (accessed 15.12.2024).

15. *Drezner D.W.* Will Trump's Madman Theory Work? // Foreign Policy. 2025.

16. *Hayes P., Kihl Y.W.* Peace and Security in Northeast Asia: Nuclear Issue and the Korean Peninsula: Nuclear Issue and the Korean Peninsula. Routledge, 2016.

17. *Hecker S.S.* Hinge Points: An Inside Look at North Korea's Nuclear Program. Stanford University Press, 2023.

18. *Johnson K.* Could Trump Rekindle Diplomacy With North Korea? // Foreign Policy. 2024.

19. *Kristensen H.M. et al.* North Korean nuclear weapons, 2024 / /Bulletin of the Atomic Scientists. 2024. Vol. 80. №4. P. 251-271.

20. *Lind J.* Back to Bipolarity: How China's Rise Transformed the Balance of Power // International Security. 2024. №2 (49). С. 7-55.

21. *Park H., Jo W.* Nuclear chess on the Korean Peninsula: analysing North Korea's «second mission» and strategic implications // Defense Security Analysis. 2024. P. 1-20.

22. *Pyon C.* Strategic Patience or Back to Engagement? Obama's Dilemma on North Korea // North Korean Review. 2011. P. 73-81.

23. SIPRI Yearbook 2023: Armaments, Disarmament and International Security, SIPRI, 2024.

Владимир Боделан

Заместитель губернатора Херсонской области - руководитель Постоянного представительства Херсонской области при Правительстве РФ

Ключевые слова: *Россия, США, Украина, гарантии безопасности.*

О ГАРАНТИЯХ БЕЗОПАСНОСТИ

События последних дней, сопровождающиеся обострением отношений между всеми сторонами украинского кризиса, заставили меня высказаться по вопросу о безопасности Украины, тем более что изменилось отношение США к оценке событий на Украине.

Соединенные Штаты отказались признавать Россию виновной в данной войне, и это в корне изменило взгляды не только США на существующую проблему, но и показало истинных виновников в развязывании кровавого конфликта.

По официальным заявлениям, все хотят мира. Но на деле деструктивные силы влияния жаждут продолжения войны, они не могут смириться со своим собственным поражением, не могут отказаться от своих притязаний не только к России, но и Украине.

Зеленский говорит о мире, но при гарантиях безопасности. У меня сложилось впечатление, что он не понимает или не хочет понимать, от кого Украина может получить гарантии безопасности. А ведь достаточно хотя бы поверхностно вспомнить историю, и все станет ясно.

Украина всегда была лакомым кусочком для Запада, и это желание никуда не делось, оно даже более ярко проявилось в современной войне. Абсолютно понятно, что, используя Украину как инструмент для ослабления России, Запад не отказался от своих собственных притязаний к Украине.

На украинской земле не раз побывали французы, немцы, румыны, представители многих европейских стран. И каждый раз их пребывание сопровождалось грабежом, убийством тысяч людей, посяганием на территорию. Им никогда не нужна была сильная и самостоятельная Украина, она не нужна им и сейчас.

В 1918-1919 годах французы, войдя в Одессу, первым делом взялись за вывоз зерна с Украины. Грабежами и насилием отличились в годы Первой и Второй мировых войн немцы, они даже чернозем вывозили в свою страну и никогда не считали возможным существование самостоятельного государства Украина.

Может, поляки, румыны изменили свое отношение к своему ближнему соседу?! Думать так, значит, серьезно ошибаться. Да они и не скрывают своих намерений. Даже болгары заявили о своем праве на часть территории Украины.

История ничему не учит, мы не учитываем в том числе важнейший фактор развязывания Первой и Второй мировых войн именно Европой. Здесь всегда зарождалось стремление к расширению своих территорий, созданию колоний, геноциду многих народов.

Собственно эти страны владели искусством обмана, заигрывания, шантажа, чудовищными методами насилия, изобретением оружия массового убийства людей ради достижения своих целей.

Сегодня Украина рассматривается как инструмент достижения своих целей и как площадка для личного обогащения. И неслучайно в Европе вновь заговорили о направлении своих войск на Украину, они спешат к разделу пирога, им нужны порты, электростанции, земля, леса. Они даже определили места нахождения своих войск, места, где можно еще что-то урвать.

Печален факт коренного изменения взглядов многих украинцев, включая и национал-патриотов, по вопросу суверенитета страны. Вместо борьбы за самостоятельность многие думают, что лучше стать колонией Европы, чем быть зависимой от России. Такая политика всецело поддерживается правительством страны. Ради достижения личных целей, сохранения возможностей грабить народ и страну они готовы вести войну до последнего украинца. При этом надувают щеки и пытаются убедить народ, что победа над Россией неизбежна. Уже даже на Западе понимают подобное заблуждение, хотя и подстрекают Украину к продолжению военных действий.

Зеленский считает, что гарантией безопасности для Украины может стать ее членство в НАТО. Ошибочное утверждение. НАТО - гарантия возможного развязывания третьей мировой войны, в ходе которой Украина будет просто уничтожена. Сейчас перед Украиной стоит главная задача - сохранить страну, пусть и с урезанной территорией, но сохранить ее для дальнейшего существования и процветания.

Для этого есть только один выход - отказ от русофобской политики и заключение с Россией долгосрочного мирного договора, налаживание с ней взаимовыгодных связей и добрососедских отношений. И здесь не нужны посредники, нужна воля и желание, понимание того, что это и есть гарантии существования самостоятельной Украины. Именно Россия может дать такие гарантии, и это доказано на примерах ее взаимоотношений со многими бывшими республиками Советского Союза.

Война, благодаря правительству Украины, принесла огромное горе и страдание для народа, и этому не видно конца. Хотя финал известен - лидеры страны убегут за рубеж со своим награбленным имуществом и будут там жить припеваючи, даже не вспоминая свою страну и не скучая по ней, а народ будет еще долго и долго расплачиваться за совершенное ими преступление, за уничтожение сотен тысяч украинцев.

Дмитрий Евстафьев

Профессор Института медиа НИУ ВШЭ, профессор кафедры сравнительного правоведения и практической юриспруденции Юридического института РУДН им. Патриса Лумумбы, кандидат политических наук

estd1212@yandex.ru

Ключевые слова: *геополитическая «серая зона», глобальные трансформации, «дикое поле», неоглобальный мир, силовая геоэкономика, Евразия, «мягкая сила».*

«СЕРЫЕ ЗОНЫ» И «ДИКОЕ ПОЛЕ» КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ФЕНОМЕНЫ ПЕРИОДА КРИЗИСА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Современный этап трансформаций глобальной политики и экономики характеризуется формированием новых контуров регионального деления. Затормозившая в своем развитии геоэкономическая регионализация вновь становится актуальной, хотя и в скорректированных форматах, но с опорой на первичность геополитических, даже военно-силовых, а не геоэкономических инструментов интеграции пространства. Причем в отличие от ранних оценок эти контуры будут формироваться не на основе геоэкономических факторов (геоэкономическая регионализация), а на основе военно-политических и географических факторов. В качестве важнейшего инструмента такого структурирования выступают в том числе и естественные географические элементы, обеспечивающие защищенность осваиваемых пространств. В целом - фактор защищенности осваиваемого и эксплуатируемого пространства. В этом проявляется принципиальное отличие нынешнего этапа в развитии системы международных экономических и политических отношений от периода поздней глобализации: изменения, включая изменения в возможностях крупнейших игроков на мировой арене, начинают переходить «на плоскость».

Полицентричность, данная нам в ощущениях

Нельзя сказать, чтобы период поздней глобализации предполагал только внепространственность. В конечном счете действия НАТО на Балканах, целенаправленный развал Эфиопии и Сомали, поддержка сепаратистских движений в России, наконец, отдельные элементы «арабской весны», в частности затрагивавшие пространство «Большого Леванта» и Ирака, были направлены на изменение пространственного статус-кво и создание условий для реализации крупнейших геоэкономических проектов (например, строительства трансконтинентального газопровода из Катара к Средиземному морю). Особенность нынешнего этапа трансформаций мировой политической и геоэкономической архитектуры состоит в том, что подобные изменения из локальных, максимум региональных, становятся, как минимум, субглобальными, а главное - увязываются в цепочки конфликтов.

Но подобные пространственные трансформации имели три важные черты.

Первое. Они все осуществлялись при непосредственном участии США или контролируемых США сил, как правило, имевших статус больший, чем просто «прокси», то есть обладавших некоей свободой операционного маневра. Сейчас пространственные трансформации идут при сокращающемся американском участии, а иногда - против планов США и их союзников. В перспективе пространственные трансформации могут стать местом проявления противоречий между ключевыми игроками (не обязательно только государствами) современного Запада.

Второе. Как правило - и особенно это проявилось в ситуации на Балканах, а в меньшей степени в ходе «арабской весны», - пространственное переформатирование с самого начала имело некие варианты институционализации и/или, как минимум, временного оформления статус-кво. Возникновение «серой зоны» и тем более «дикого поля» означает в принципе, что никакого «рабочего» варианта институционализации проработано не было.

И наконец, эти изменения мыслились как результат подстройки пространственной структуры мира под модель американоцентричной однополярности с целью придать ей большую стабильность и геоэкономическую устойчивость. Большая часть процессов, связанных с формированием «серых зон», в актуальной среде международных отношений разрушает геоэкономическую американоцентричность, даже если напрямую не затрагивает американоцентричность политическую.

Естественным моментом такого рода экономической модели становится возникновение не полностью интегрированных в защищенные пространства условно «серых зон» на стыках контролируемых пространств. Представляется, что именно неучет значения таких феноменов, как «серая зона» и в перспективе «дикое поле», стал одной из причин относительной неустойчивости ялтинско-потсдамского миропорядка, фактически переставшего играть стабилизирующую роль уже к рубежу 1940-1950-х годов. Просто перечислим эти факторы:

- Возникновение «серой зоны» с элементами «дикого поля» вместо казавшегося вполне устойчивым гоминдановского Китая, масштабная дестабилизация на Ближнем и Среднем Востоке.
- Масштабное социально-политическое переформатирование Балкан с попытками режима Иосипа Броз Тито распространить влияние на Болгарию и Албанию, дополненное гражданской войной в Греции в 1946-1949 годах. Причем часть территории Балкан в этот период уже, безусловно, была не «серой зоной», а полноценным «диким полем» с деструкцией в результате гражданских и мировых войн как основных инструментов социально-политического управления.

- Начавшаяся с британской подмандатной Палестины и распространившаяся к началу 1950-х годов на значительную часть Ближнего и Среднего Востока дестабилизация британской сферы влияния в регионе, связанная с глубоким перераспределением влияния в мире и изменением содержания экономических отношений с переходом экономического доминирования к США.

При всей концептуальной умозрительности концепта «многополярного мира» он был нацелен на то, чтобы минимизировать масштабы дестабилизирующего влияния «серых зон» и в принципе не допустить возникновения «дикого поля» и создать инструментарий управляемости «серых зон», возникающих в результате предполагавшегося сокращения зоны прямого американского военно-политического контроля.

Отметим и любопытную эволюцию понимания в США этого аспекта развития системы международных отношений. Реализовывавшаяся США с середины 1990-х годов концепция «гуманитарной интервенции» была политическо-инстинктивной реакцией на понимание возможности возникновения «серых зон» влияния, которые могут - через фазу «дикого поля» - превратиться в недружественные для США «анклавы»-протогосударства. Из этого вытекли две наиболее рискованные военно-силовые операции США в 1990-х годах: интервенция в Сомали и двухфазная война против Югославии.

В 2010-х годах США, напротив, пытались реализовать стратегию хаотизации, в том числе и через стратегию «цветных революций» (что особенно было заметно по «арабской весне»), с целью создать «серые зоны» и «дикие поля» для оказания геополитического и геоэкономического давления на своих геоэкономических конкурентов, прежде всего Китай, но также и Россию, Евросоюз, Иран. Это означает, что де-факто на концептуальном уровне США признали невозможность существования американоцентричного мира без возникновения пространственных феноменов, подобных «серой зоне» и «дикому полю», то есть пространств геополитической и геоэкономической конкурентности и непредсказуемости.

Теперь концептуальная геополитическая мозаичность, воплощенная в концепте геополитической полицентричности и тем более бесполярного мира[1], прямо предполагает возникновение «серых зон» и риск их превращения в «дикое поле».

Но это означает, что, как минимум, отчасти в мировую политику и экономику возвращаются парадигмы и модели, типичные для эпохи противоборства великих держав не только в колониальном мире, но и Европе (конец XVIII - первая половина XIX в.), характеризовавшейся приоритетом политических и юридических факторов над экономическими и социальными, что продемонстрировали не только сами по себе наполеоновские войны (хотя именно они дали Истории первое комплексное осмысление феномена войны как явления военно-экономического, но еще не военно-социального), но и период поствоенной реструктуризации Европы.

После наполеоновских войн практически все пространство нынешней Восточной Европы и даже часть Западной (например, нынешние страны Бенилюкс) относилось к «серой зоне», а часть, например остатки Великого княжества Варшавского, в геоэкономическом и социально-экономическом плане была ближе к «дикому полю»: экономическая жизнь была значительно оторвана от социально-экономических процессов в странах, которые эти земли формально контролировали.

Разрыв политических процессов, попытка прямой формальной интеграции Польши в состав Российской империи[2] и отсутствие упорядочивания социально-экономического пространства и вызвали затяжную, фактически на 100 лет социально-политическую нестабильность, имевшую для России крайне тяжелые геополитические и геоэкономические

последствия. Попытка нейтрализовать их чисто экономическими методами (опережающая индустриализация) сыграла в среднесрочной перспективе, скорее, негативную роль. Утрата летом 1915 года промышленного узла Варшавы в ходе Первой мировой войны (т. н. «Великое отступление») было фактором, запустившим кризис промышленности Российской империи в 1916 году. А косвенно - приведшим к февральскому 1917 года «дворцовому» перевороту, оказавшемуся далеко не дворцовым.

Актуальные трансформации архитектуры мировой политики и экономики в существенно большей степени, нежели в любую предшествующую «эпоху перемен», затрагивают экономические и социальные аспекты развития. В неменьшей степени пагубную роль для России сыграла неспособность к полноценной социально-экономической трансформации Центральной Азии, остававшейся после продвижения России в регион в последней трети XIX века в опасной промежуточной стадии «недомодернизации», прежде всего в области социальных отношений.

Эта незавершенность именно социальной модернизации на фоне промышленного освоения пространства и массового переселения крестьян из «русских» губерний во многом сделали возможным чрезвычайно опасное с точки зрения геополитического и геоэкономического эффекта так называемое «Центральноазиатское восстание 1916 года», объединившее крайне различные силы (довольно мало общего можно найти во взглядах, да и в судьбах А.Т.Джангильдина и Амангельды Иманова) на общей платформе сопротивления решениям царского правительства. Но базой событий была как раз неспособность царского правительства осуществить полноценную социальную интеграцию присоединенных территорий и перевести «дикое поле» хотя бы в состояние «серой зоны». Хотя и это положение в условиях войны на многих фронтах и активного противостояния в форматах, которые мы бы назвали «гибридными», несло существенные риски.

По истории событий 1916 года в Средней Азии к сегодняшнему моменту накоплен большой исторический материал[3], позволяющий судить о том, что реально существовавшие социально-экономические предпосылки к недовольству были умело использованы внешними силами для создания внутренних рисков Российской империи, находившейся тогда на переломном этапе Первой мировой войны. Но имеются и основания полагать, что, помимо влияния германской и турецкой разведок, имела место и деятельность британских сил, опасавшихся в тот момент чрезмерного усиления Российской империи по итогам Первой мировой войны, в частности ее выхода в результате разгрома Турции к Персидскому заливу и присутствия в Ираке.

Если обобщать, то в данном случае одной из проблем было недоосознание царским правительством пространственных феноменов, возникших в ходе территориальной экспансии Российской империи. В неменьшей степени это могло бы проявиться в проекте «Желтороссии»[4], если бы он дошел до стадии практической реализации. Важно, однако, то, что любая социально-политическая «серая зона» является пространством, легко манипулируемым извне в силу сосуществования в одном пространстве различных социально-экономических моделей с различным целеполаганием, которые, как минимум, крайне затруднительно интегрировать в рамках одной системы государственного управления.

Но «дикое поле» - комплексный феномен, включающий не только военно-силовые компоненты, но и политические и геоэкономические. Феномен «дикого поля», считающийся архаическим, нуждается в новом понимании и методологическом уточнении с учетом актуальных реалий системы мировой политики и экономики, а также принципиально иной коммуникационной среды, в которой мировая политика реализовывается.

Уточнение понятий

Важно разделить понятия «серая зона» и «дикое поле», зачастую используемые как синонимы, во всяком случае, как взаимозаменяемые понятия. Методологически это представляется неверным, хотя бы потому, что с точки зрения геоэкономики эти понятия существенно различаются.

Понятие «серая зона» можно определить следующим образом:

Пространство, имеющее как некие формально-государственные формы, так и не оформленное юридически, находящееся полностью или частично вне международно-правовых механизмов, однако обладающее системой управления и относительно упорядоченной (легализованной) экономической системой, даже если оно развивается в рамках так называемой «трофейной экономики».

Классическим примером «серых зон» являются частично признанные и непризнанные государства, а также сектор Газа до событий в октябре 2023 года.

«Дикое поле», в свою очередь, может быть определено следующим образом:

Пространство политической и экономической неупорядоченности, где отсутствуют гарантии устойчивой экономической и геоэкономической деятельности. Это пространство развивается по модели «набеговой экономики», не предусматривающей ее развитие. Интеграция такого пространства в какую-либо геоэкономическую систему без дополнительной санации является принципиально невозможной.

Примером «дикого поля» стало пространство Северо-Восточной Сирии и части Ирака, захваченное радикальными исламистами и подвергнувшееся тотальному социально-экономическому не просто разграблению, но деструкции. Хотя одновременно целый ряд экономических активов продолжает оставаться включенным в региональные, а частью (например, нелегально добывающаяся, транспортирующаяся и продающаяся нефть) - и глобальные экономические цепочки. Такая же ситуация начинает формироваться, как минимум, на части территории бывшей УССР, где происходит - и не только под воздействием военно-силовых факторов - интенсивная и почти неконтролируемая (как результат силовой неконтролируемой мобилизации в ВСУ) деструкция даже тех социально-экономических отношений и хозяйственных связей, что существовали на Украине в середине 2010-х годов.

Вероятно, главным критерием, отделяющим «серую зону» от «дикого поля», является наличие организованной (регулируемой) экономической жизни, позволяющей относительно быстро интегрировать то или иное пространство в пространственные геоэкономические системы. Довольно ярко это проявилось на Балканах в отношении Северной Македонии, реально ставшей в исторически короткие сроки после решения формальных вопросов частью, хотя и специфической, геоэкономической системы Европейского союза. Напротив, экономически крайне перспективное пространство на границах Ливии, Чада и Нигера относительно быстро перешло от состояния «серой зоны», в которой еще во второй половине 1980-х - 1990-х годов велась борьба за контроль со стороны государств (война Ливии в Чаде), в состояние «дикого поля», где государства как акторы процессов начинают играть все меньшую роль, особенно учитывая распад государственности и в Чаде, и в Ливии.

Но отметим и еще один важный момент: «серая зона» и «дикое поле» - понятия «транзитные», то есть переходящие из одного в другое по мере изменения, с одной стороны, контекста развития (как это произошло на Балканах), а с другой стороны, логики развития и конструирования внутренних процессов (как на Украине и в ряде стран Центральной Азии). И если транзит от «серой зоны» к «дикому полю» может происходить «естественным

путем», то обратный процесс может происходить только при условии серьезной социальной и социально-экономической санации пространства и переустройства системы именно социальных и только во вторую очередь социально-экономических отношений.

У США и ЕС это вполне получилось в отношении большей части Балкан, включая Боснию и Герцеговину, которая при всей политической нестабильности не является на сегодняшний момент «диким полем», более того, главные проблемы возникают из-за неупорядоченности влияния внешних сил на ситуацию. Это практически не удалось в отношении Ирака и Северной Сирии, и только вмешательство России и Ирана привело к относительной стабилизации ситуации на этом крайне сложном пространстве, хотя в полной мере возврат от «дикого поля» к «серой зоне» осуществлен не был.

Россия имеет очевидные проблемы с подобным социальным и социально-экономическим переформатированием Абхазии, к слову, не имея таковых в отношении Южной Осетии. Касательно четырех конституционно воссоединенных регионов (ЛНР, ДНР, Херсонской и Запорожской областей) проблемы выстраивания устойчивой системы государственного управления и экономической деятельности по российскому стандарту, конечно, присутствуют, но эти регионы нельзя назвать даже «серой зоной», настолько быстро в них было обеспечено воспроизводство и самоподдержание нормальных, естественных для данного пространства механизмов социального целеполагания.

Если структурировать вопрос, то «дикое поле» представляет собой пространство со следующими отличительными чертами:

- Флюидность границ и необязательность устойчивого контроля пространства по обе их стороны.
- Чересполосица с точки зрения контролируемости территории. Классический пример - «атаманщина» на Юге России и в Малороссии в период Гражданской войны 1918-1920 годов.
- Отсутствие возможностей инвестиционного целеполагания.

Этот, казалось бы, малозначимый для социальных процессов - для процессов, если хотите, «на земле» - фактор на деле означает невозможность даже среднесрочного планирования экономической деятельности. А это, в свою очередь, создает совершенно специфический ритм социальной жизни и парадигмы социального и социокультурного поведения.

Наиболее известным подобным стереотипом-парадигмой является пресловутое «хата-скрайничество», по своей природе противостоящее «фронтирной ментальности»[5]. Эта ментальность, воспринимаемая зачастую как преимущественно социокультурный фактор, в действительности отражает специфические социально-экономические модели поведения.

Социальная и социокультурная среда выступает в данном случае фиксатором неких социально-экономических моделей и отношений[6], в дальнейшем сравнительно тяжело преодолеваемых со значительными социальными издержками.

- Неконтролируемость рисков, причем как экономических, так и неэкономических, формирование систем «перекрестных гарантий» от внеэкономических рисков.

С точки зрения ключевого процесса современного мира - геоэкономической реализации, которая, несмотря на очевидную непоследовательность развития, продолжает оставаться стратегическим вектором развития, - «дикое поле» представляет собой пространство со специфической формой хозяйствования, которая не может быть описана в рамках классических законов рыночной экономики. Но главное, эта форма хозяйствования имеет тенденцию захватывать в свою орбиту сопредельные экономически значимые пространства. «Серая зона» может возникнуть без разрыва базовых связей социально-экономической и технологической зависимости.

Возникновение «дикого поля» означает, что эти связи разорваны, хотя в зоне «черной торговли», нелегального оборота востребованных товаров и реже услуг, их элементы, включая и интернационализированные, могут не просто сохраняться, но обретать системообразующий характер. Классическим примером этого является функционирование экономической системы «дикого поля» на территории Сирии и Ирака, контролируемого радикальными террористическими исламистскими группировками, для которых «серая» и «черная» торговля нефтью, в том числе и с участием крупнейших международных игроков, была важнейшей опорой экономической системы.

Вместо заключения

Одним из принципиальных выводов на данном этапе развития геополитических и геоэкономических тенденций трансформаций применительно к теме статьи является то, что появление «серых зон» и «дикого поля» является результатом неспособности США и «мира Запада», в частности, к управляемому и геоэкономически безболезненному демонтажу геоэкономической американоцентричности.

Расширение числа пространств, которые можно отнести к «серым зонам», в ряде случаев имеющим потенциал перерастания в «дикое поле», отражает процесс ослабления механизмов американской «мягкой силы», игравшей роль ключевого интегратора в системе американоцентричной глобализации. Мы находимся уже внутри периода активной геополитической и геоэкономической регионализации, важнейшим проявлением чего стал саммит БРИКС в Казани в октябре 2024 года.

С точки зрения рассматриваемой нами темы важен и другой аспект: процессы геоэкономической регионализации отражают и кризис прежней системы геоэкономической взаимозависимости. В свою очередь, даже ослабление связей глобальной геоэкономической взаимозависимости, не говоря уже о ее частичном распаде (на уровне сложившихся трансрегиональных технологических цепочек), не может не повлечь за собой ревизию ее технологической основы - системы заведомо избыточного мирового разделения труда. Выпадение отдельных пространств из мировых технологических цепочек (в частности, это уже происходит на Среднем Востоке, вероятно, начнет происходить и на Ближнем, а также в Евразии) создает питательную социально-экономическую среду для возникновения, как минимум, «серых зон».

Любопытно, что в американской экспертной среде возникавшее на рубеже 2010-2020-х годов положение вполне осознавалось[7]. Но перевода концептуального понимания на практический уровень не произошло, что, вероятно, связано с таким фактором, как «геополитическая самоуверенность» администраций Б.Обамы и Дж.Байдена. Американская элита, похоже, всерьез рассчитывала, что эскалацией геополитической конфронтационности в отношении «назначенных врагов», центральным из которых в силу сочетания ситуативных и долгосрочных факторов стала Россия, можно преодолеть структурный кризис глобализации. Но в конечном счете именно попытки поддерживать целостность глобализации через конфронтацию являются одним из наиболее важных факторов кризиса американоцентричности в глобальных процессах и появления таких феноменов, как «серая зона» и «дикое поле».

Сейчас перед Россией встает важнейший, даже не столько геополитический, сколько геоэкономический выбор: либо попытаться сохранить остатки прежней глобализации, редуцировав «мягкую силу», либо ускоренно транзитировать к новым моделям организации архитектуры мировой экономики, а в перспективе - и политического мироустройства.

Но уже с учетом новых пространственных феноменов, таких как «серая зона» и «дикое поле». Однако это подразумевает признание недостаточности классических для международного права, в том виде, как оно оформилось в период холодной войны, форматов межгосударственного взаимодействия и управления пространствами.

Применительно к проблеме пространств «серой зоны» и «дикого поля» просто напрашивается возвращение в международные регулятивные практики понятия «подмандатная территория», о чем говорят российские специалисты[8], хотя и, безусловно, с учетом новых сложившихся в последние несколько лет реалий, даже не только геополитического и геоэкономического плана, но с точки зрения механизмов управления большими системами. В конечном счете неоглобальный мир, формирующийся на наших глазах, будет, очевидно, не только миром межгосударственного, но и межсистемного взаимодействия и конкуренции.

---

[1]Важнейшим содержательным сдвигом в американских подходах к глобальному развитию, вероятно, следует считать появление концепции «мозаичной трансформации глобального пространства», изложенной в: *Хаас Р.* Мировой беспорядок / Пер. с англ. М.: АСТ, 2019. 320 с. Согласно этой концепции, глобальное пространство будет неизбежно переформатировано, но, чтобы избежать глобального кризиса, это должно происходить через частные решения и модели, отражающие специфику соответствующих регионов. Появление такой концепции означает признание частью американской элиты, причем влиятельной ее частью, неизбежности процессов регионализации глобальной политики и экономики. Соответственно этому и целью становится индикативное управление процессами на региональном уровне при сохранении глобальных институтов с преобладающим влиянием США. Сейчас мы наблюдаем попытки заявить на экспертном уровне политику «точечного глобализма».

[2]*Болтунова Е.* Последний польский король: коронация Николая I в 1929 году и память о русско-польских войнах XVII - начала XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 560 с.

[3]*Ганин А.* Кровавые уроки шестнадцатого года. Восстание 1916 г. в Семиреченской области // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2016. №1 (7). С. 94-125; *Ганин А.* Уроки туркестанского восстания // Родина. 2016. №7. С. 107-112; *Котюкова Т.В.* «По имеющимся агентурным сведениям...»: Политическая жизнь Туркестана по донесениям агентов районного охранного отделения. Август 1916 - январь 1917 г. // Исторический архив. 2014. №4. С. 144-156; *Котюкова Т.В.* «Мусульманский вопрос» и «православный ответ» в имперской политике России в Туркестане // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. №8 (82). С. 27; *Котюкова Т.В.* Туркестан в дискурсе фронтирной модернизации Российской империи в конце XIX - начале XX в. // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2015. Т. 11. №1. С. 43-54.

[4]*Сидорова М.М.* Геополитическая дилемма России в конце XIX - начале XX века. М.: МАКС Пресс, 2003. 176 с.

[5]*Тернер Ф.Дж.* Фронтир в американской истории. М.: Весь мир, 2009. 303 с.

[6]*Евстафьев Д.Г., Цыганова Л.А.* Постглобальная модель социального развития: диалектика преемственности и отрицания // Век глобализации. 2022. №1 (41). С. 42-54.

[7]*Haas R.* Present at the Destruction. Trump's Final Act Has Accelerated the Onset of a Post-American World // Foreign Affairs. January 11, 2021.

[8]Телеграм-канал «Ребятам о зверятах» Д.А.Офицерова-Бельского // https://t.me/mezhdunarodnoe/351

Андрей Ильницкий

Старший научный сотрудник ВУ МО, действительный государственный советник РФ 3 класса, член президиума Совета по внешней и оборонной политике, кандидат технических наук

ilnitskiyam@gmail.com

Ключевые слова: *трампизм, суверенитет, гегемония, большая сделка, глубинное государство, реформа ВПК, идеология, американский динамизм, ментальная война, элиты, стратегия, Пентагон, ЦРУ, разведки.*

СУВЕРЕНИТЕТ ПРОТИВ ГЕГЕМОНИИ

«В Америке все просто так, кроме денег», - эта идеологическая максима культового балабановского «Брат-2» вполне объясняет суть трампизма, но есть нюансы. Среди ключевых доноров выборной кампании Трампа 2023/2024 года - крупнейшие корпорации ВПК - «Lockheed», «Northtrop Grumman», «Raytheon», «General Dynamics», «Boeing», транспортные и нефтегазовые концерны, а также IT-венчурно-технологическое лобби Кремниевой долины - все те, кто заинтересован в сохранении силового, технологического и экономического доминирования США в мире. Война, точнее повестка войны, - это их бизнес и среда развития.

По сложившемуся экспертному консенсусу главным внешнеполитическим приоритетом Трампа и его команды будет подрыв лидерских амбиций и потенциала Китая, ослабление и устранение его как экономического и технологического конкурента с последующим выходом на «Большую сделку», заключенную на американских условиях.

Авторитетнейший американский военный аналитик Элбридж Колби, которого номинировали на позицию заместителя министра обороны США по вопросам военно-политической стратегии, еще в мае 2024 года писал: «Надо быть реалистами и принять за данность: политика главенства США в мире на сегодня просто невозможна. У нас нет для этого военных сил и ресурсов. Решение заключается в правильной расстановке приоритетов - сосредоточении ресурсов и силы воли там, где под угрозой находятся самые важные интересы США. А это Азия и Китай…»

Трамписты считают, что Китай, недопустимо далеко зашел на «территорию национальных интересов США», установил контроль над значительной частью американской торговли и экономики, глубоко проник в технологические сферы, чувствительные для безопасности США. И если раньше логика холодной войны вела США в Европу, то сегодня эта же логика указывает им, что Америка должна сосредоточиться на Юго-Восточной Азии, где их главный конкурент и соперник - Китай.

Украина в ее нынешнем военно-политическом состоянии - антироссийский актив либералов-глобалистов, правивших в США почти 30 лет, целенаправленно взращенный ими как инструмент ослабления России и рычаг деструктивного воздействия на нас.

Токсичность этого актива нарастает. Трамп, Вэнс и Рубио это понимают.

Потому Вашингтон, переложив на Европу политическую и финансовую ответственность за «токсичную Украину», взял курс на перевооружение НАТО. Милитаризация Европы объективно соответствует интересам американского ВПК, «избравшего Трампа».

Заметим - установление нейтрального статуса и демилитаризация Украины американцами и европейцами настойчиво отодвигаются на край переговорного стола с Россией. Нерешение этого вопроса, не только оставляет на наших западных рубежах миллионную армию из боевиков, прошедших войну, но консервирует там «Гуляй-поле», воспроизводящее насилие, террор и хаос нестабильности. Британцы и натовские евробюрократы полагают, что эта «серая зона ни войны, ни мира» будет не только перенапрягать и ослаблять Россию, но «привяжет» к евро-укроповестке трампистов, а значит, американский «военный зонтик» так и останется над Европой.

Возникает вопрос: почему же США так активно пошли на переговоры с Россией? Ну не только же потому, что у них «подгорает» со временем и «успехами в реализации обещаний», но и потому, что пора собираться в поход на «разборки с Китаем»?

Конечно нет.

Они идут на диалог с нами, потому что курс на стратегическое поражение России, который США реализовывали почти 30 лет, тот курс, что прописан в их концептуальных документах и решениях НАТО, например на юбилейной сессии в 2024 году, - этот курс при том менеджменте его реализации, что был при демократах, проваливается.

Отметим принципиальный момент - именно ВС РФ и наши воины, сражающиеся на полях СВО, заставили Запад считаться с позицией России, создали условия для серьезного диалога США и РФ.

При всей напористости команды Трампа на украинском и в перспективе на китайском направлении можно предположить, что подобные проявления - лишь первый акт спектакля. Главное все же будет во втором акте, где главной целью и кодой Трампа как MAGA-президента станет глобальная «Большая сделка».

Марко Рубио сотоварищи предстоит не только «ставить на место» Китай и «умиротворять» Россию, но строить вокруг и под США субконтинент, включающий Центральную и Южную Америку. Речь идет о построении из США Большой Америки - мега-цитадели Западного полушария.

Без иллюзий - имперцы Трампа - Вэнса - сделают все для обустройства американского субконтинента от Антарктиды и мыса Горн до Арктики, вытесняя оттуда Китай и Россию.

Так будет установлен «Мир через силу», что станет личной победой Трампа в новой холодной войне 2.0 над противниками и конкурентами Америки и впишет «миротворца Трампа» в историю.

❑

Команду Трампа в Белом доме по назначениям, бэкграунду и обозначенному функционалу условно можно разделить на две группы - «люди реванша / опричники Трампа» и «люди длинной воли» / имперцы Трампа» - или MAGA-имперцы.

Предназначение и задачи «людей реванша» понятны. Они неоднократно публично озвучивались - контуры и смыслы их действий просматриваются уже в тех 200 указах Трампа, что он подписал в первый день после вступления в должность. Они важны и весьма значимы как для Трампа, так и для американцев. Но все же эти указы и решения имеют оперативно-тактический характер.

Видение будущего для города и мира в версии США - в людях длинной воли, в MAGA-имперцах. Именно они, а не «люди реванша» определят стратегию США и Запада в целом.

И первый среди них - вице-президент Джей Ди Вэнс, речь которого на Мюнхенской конференции взорвала евроболото, также как в свое время выступление Путина в 2007 году. То, о чем и как говорил в Мюнхене Вэнс, - во многом из его бэкграунда.

В свои 40 лет Джей Ди Вэнс прошел уникальный по краткости времени и крутизне путь политика - от выпускника школы в маленьком городке штата Огайо в 2003 году, в так называемом «Ржавом поясе» США до избранного вице-президента в 2024 году.

Детство Вэнса было не самым счастливым. Неполная семья, мать наркоманка, воспитывался в семье бабушки, бедность и т. д. Но Вэнс рос на удивление правильным и целеустремленным парнем. После окончания средней школы в Мидлтауне в 2003 году он записался в армию и четыре года отслужил в Ираке в Корпусе морской пехоты США. После армии, с отличием закончив региональный университет в Огайо, через грант на оплату обучения для бедных студентов поступил и закончил престижнейший Йель.

Вэнс - пример политика-проекта, он вовсе не self-made man. Однако он как политик - тщательно подобранный, взращенный и созданный интересантами из глубинного государства. Уже в Йеле «бравого и умного морпеха» взяли на заметку серьезные люди - Питер Тиль в первую очередь.

Сегодня Джей Ди Вэнс - самый перспективный представитель новых правых США. Вэнс - католик и консерватор. Традиционные семейные ценности для него - не пустой звук. Как признавался Вэнс - для него, как верующего во Христа человека, - трудный жизненный опыт - это испытание веры и доверия к Богу.

Как человек «от земли», еще не забывший, как там люди живут, - Вэнс больше заинтересован в решении внутренних проблем США. Он своими глазами в детстве и юности видел многие проблемы бедности, наркотиков, упадка промышленности США. Потому о внешней политике он говорит не так много, но считает, что США нужно выйти из ненужных конфликтов и роли «мирового полицейского». В одном из интервью накануне выборов он заявлял примерно следующее: «Мне все равно, что произойдет с Украиной… Мне на самом деле все равно по поводу России, я всего лишь не хочу риска ядерной войны».

Важно то, что Вэнс выступает за нейтральный статус Украины. В целом Вэнс смотрит в MAGA-будущее США «сквозь Украину». Как и любого политика, Вэнса поддерживают определенные элитные группы с большими деньгами. В случае Джей Ди - это прежде всего элита венчурной IT-индустрии из Калифорнии и BigTech-компаний Кремниевой долины. В первую очередь на ум приходит Илон Маск, но он скорее поддерживает Дональда Трампа. Окружение Вэнса немного другое - это перво-наперво венчурные миллиардеры, сторонники концепции американского динамизма. Это Питер Тиль, Эрик Шмидт, Дэвид Сакс, Палмер Лаки, Марк Андриссен, Макс Левчин, Стив Чен, Чамат Палихапития и многие другие - в основном выходцы из так называемой PayPal-мафии.

Питер Тиль - миллиардер (личное состояние около 14 млрд долл.), крупнейший венчурный инвестор IT-сектора США, совладелец и разработчик (наряду со своими партнерами Максом Левчиным и Илоном Маском) глобальной платежной системы PayPal (создана в 1998 г. и так называлась до 2001 г., а потом «eBay») - является главным оператором проекта «Джей Ди Вэнс».

Куратор Вэнса Питер Тиль и его партнеры по PayPal-мафии являются апологетами «Нового мирового порядка» (New World Order - NWO).

Головная компания Питера Тиля «Palantir» - из самых загадочных и закрытых бизнес-структур мира. Созданная на деньги и под заказы ЦРУ, секретный разработчик программного обеспечения (ПО) для спецслужб и Пентагона, эта фирма, «которая знает о вас все», - так пишут СМИ о «Palantir Technologies».

«Palantir» - ведущая в западном мире структура по добыче и обработке массивов данных для силовых структур и правительства США. Именно разведданные и аналитика от «Palantir» формируют картину боевых действий для ВСУ и киевского режима, предопределяя их действия.

Структуры, подобные «Palantir», - операционная основа глубинного государства (Deep State), проектирующего и определяющего реальную политику и формирующего власть на Западе. Поскольку именно «Palantir», «Google», «Anduril & Co» на основе своего программного обеспечения, накопленных и контролируемых ими баз данных готовят материалы для политиков и лиц, принимающих решения, которые те зачастую просто не в состоянии верифицировать и принимают «на веру». То есть те, кто готовят решения, и есть главные люди. Так, хозяева «Palantir», «Google», «Anduril», «Amazon», «SpaceX» и другие, пришедшие вслед за Трампом на вершину американской власти, по факту становятся теневыми боссами мира.

Они, собственно, и не скрывают своих намерений и амбиций.

По сути их NWO - это глобальный проект и технология управления миром через IT-контроль над ним. Тиль, Шмидт & Co видят решение проблем человечества в тотальном контроле над ним. Идеи в целом не новы - поразительным является их агрессивный и радикальный характер, весьма напоминающий эскалацию процесса переустройства мира времен 30-х годов XX века в Германии. Увы, но вполне просматриваются контуры зловещего технорейха. Примечательно, что «Palantir» получила свое название от камней-палантиров из легендарного романа-эпопеи «Властелин колец» Дж.Р.Р.Толкина. Названия как минимум еще пяти компаний («Anduril», «Valar», «Narya», «Rivendell», «Lembas» и др.), сооснователем которых является Тиль, взяты из произведений Толкина.

А еще в команде MAGA-имперцев Трампа, помимо всем известного Илона Маска, - Такер Карлсон, Эрик Шмидт, Дэвид Сакс и др.

Такер Карлсон - по убеждениям правый консерватор, влиятельнейший сторонник Трампа. Человек, позицию которого надо всегда иметь в виду. Отец телеведущего Такера Карлсона - Ричард Уорнер Карлсон - американский журналист, дипломат и разведчик. В разгар холодной войны возглавлял Информационное агентство США - ЮСИА (англ. USIA) - подведомственный ЦРУ главный орган внешнеполитической пропаганды США.

Дэвид Сакс - один из главных спонсоров кампании Трампа, его соратник. Он венчурный инвестор. Дэвид Сакс, по определению Трампа, - «царь по вопросам ИИ и криптовалют».

Пожалуй, самый влиятельный представитель «серых кардиналов Джей Ди Вэнса» в команде Трампа - бывший генеральный директор Гугла (Google) мультимиллиардер (личное состояние более 18 млрд долл.) - Эрик Шмидт (родился в 1955 г.). Это человек с богатой биографией. По слухам, Шмидт - кадровый офицер ЦРУ. По факту, Эрик Шмидт - главный лоббист Пентагона и разведок в Кремниевой долине и IT-секторе. По состоянию на сегодня Э.Шмидт - убежденный русофоб, противник России и «режима Путина».

Структуры Шмидта и он сам напрямую задействованы в конфликте на Украине. Именно его компания «White Stork» (Белый аист) разрабатывает и поставляет для ВСУ передовые боевые дроны, которые с помощью искусственного интеллекта определяют и устраняют цели наземные, воздушные и подводные. Шмидт не раз бывал в Киеве и в том числе в зоне боевых действий.

Структуры Маска, Тиля, Безоса, Шмидта и других трампистов поддерживают и вооружают киевскую хунту, зарабатывая миллиарды, испытывают на Украине свою продукцию - разведывательные системы, боевые спутники, дроны, роботы, средства связи, ИИ двойного назначения, биооружие и других ВВСТ.

Испытывают, убивая русских людей.

Это реальная политика США. Это надо понимать.

❑

Обеспечение гегемонии США в мире - константа политической стратегии и практики США. Она инвариантна по отношению к администрациям Белого дома.

Трамповское «Manifest destiny» (предначертание судьбы) - это реконструкция американского величия на новых принципах - отныне не глобализм, но исключительность, не управление, но лидерство.

Политическая платформа MAGA-имперцев Трампа в том, что, констатируя нынешнее состояние США как империи, теряющей величие, она предлагает план по ее «возвращению в нужное русло». Вернуть Америке конкурентное технологическое и военное лидерство в мире предполагается через стартапы двойного применения, но прежде всего через стартапы по разработке и производству вооружений, финансируемые преимущественно по венчурным схемам.

Трампистами написаны и продвигаются стратегические концепции финансово-технологической и управленческой революции в Белом доме и Пентагоне. Осенью 2024 года вышел программный военно-экономический текст - «Реформирование ВПК США» (The Defense Reformatiom). Его автор исполнительный директор «Palantir» - Шьям Санкар.

Приведем лишь некоторые из ключевых положений этой реформы:

- Монополия - основная проблема Пентагона. В 1993 году, после окончания холодной войны, Пентагон работал более чем с 50 компаниями. Сегодня их осталось пять.
- Способность к модернизации производства - определяющая.
- Надо делать ставку на таланты.
- Синергия технологий двойного назначения - залог победы.
- Абсолютизация аудита - это паралич развития. Деньги должны работать и быть мобильными.
- Монополии и секретности слишком много.

Отметим здесь не только системность предложений Шьяма Санкара, но и то, что многие его выводы неплохо принять к сведению в силу их актуальности не только лишь для США и Пентагона.

Параллельно с развитием искусственного интеллекта в США идет активная милитаризация технологического сектора. Синергия между развитием ИИ и военной промышленностью создает принципиально новый технологический базис для американской военной машины.

Общая картина MAGA-мира становится очевидной и полной, если учесть дополнительные факторы - планы по аннексии Канады, Гренландии и установлению контроля над Панамским каналом.

❑

Намеченная трампистами перезагрузка реального сектора экономики и прежде всего ВПК, перевооружение и переоснащение Пентагона и разведок на основе новейших технологий, тотальный контроль глобального инфополя и гуманитарной сферы для обеспечения инфокогнитивного и ментального доминирования на основе ИИ, усиление ресурсного потенциала страны через накопление за три-пять лет превосходящей всех и вся экономической и военно-экономической мощи и технологического превосходства, скрепленное правоконсервативной идеологией - в этом технологическая и смысловая платформа глобального лидерства и нового мирового порядка (NWO) от Трампа - Вэнса - «Мир через силу».

Таким образом, концепция «Мир через силу» - нацелена на достижение США глобального преимущества в экономической и военно-политической сфере через технологический рывок и перезагрузку ВПК. А концепция консервативного переворота, в основе которого не возврат в прошлое, но устремление в имперское будущее «на платформе вечного» - должна скрепить подобную стратегию.

«Америка превыше всего» - это ментальная максима трампистов. Если что-то мешает Америке стать величайшей, будь то внешние враги или внутренние, это можно и нужно устранить. Формирование NWO - нового мирового порядка, апологетами которого являются MAGA-имперцы, - это метафизический проект построения третьего храма - храма гегемонизма, где поклоняются Силе.

Это потребует от трампистов концентрации воли, амбиций и профессионализма для эффективной координации военного и гражданского секторов. У MAGA-имперцев такие потенции имеются. Надо понимать - трамписты хотят построить великую Америку. Великая Россия им не нужна. Она нужна только нам.

Намеченная трампистами перезагрузка ВПК, перевооружение и переоснащение Пентагона и разведок на основе новейших технологий, тотальный контроль глобального инфополя и гуманитарной сферы для обеспечения инфокогнитивного и ментального доминирования, усиление ресурсного потенциала через накопление за три-пять лет превосходящей всех и вся экономической и военно-технологической мощи, плюс переориентация финансового контроля над миром с доллара на крипту - в этом технологическая и идеологическая платформа нового глобального лидерства от Трампа - Вэнса - «Мир через силу».

По сути, такое силовое переустройство мира - это организованная и высшая форма насилия над миром, это гибридная война. Война за гегемонию - каким бы словесным камуфляжем это не прикрывалось.

❑

Нас ожидают тяжелые и сложные годы, нас ожидают тяжелые сложные десятилетия. Однако надо иметь в виду одну очевидную вещь: когда у нас все идет хорошо, мы расслабляемся и зачастую упускаем свои шансы. Трудности нас мобилизуют и собирают, а Россия вновь сосредотачивается.

События вокруг Украины порождают напряжения не только внешние, но и внутри РФ, чем попытаются воспользоваться наши враги. В этом антироссийском проекте задействованы серьезные силы западного глубинного государства. Многие высокопоставленные сотрудники Пентагона, ЦРУ, ФБР, АНБ (военной киберразведки США) и круги американского ВПК, Британии и других стран НАТО через Украину замешаны в отмывании денег, создании биолабораторий, в торговле органами и живым товаром, в подготовке терактов, в грандиозных коррупционных схемах.

Они будут оказывать сопротивление как Трампу, так и Путину в зачистке «укронацистского фейлстейта» и установлении новой системы глобальной безопасности.

Внешние силы продолжат работу над радикализацией внутренней ситуации в России, в том числе на повестке вокруг Украины и СВО. Цель этих внешних сил - формировать в России «протестное облако», серую зону конфликтной среды, эксплуатировать и «раздувать» имеющиеся проблемы, они будут активно работать на сегментацию и раскол патриотического движения, провоцировать обострение этнических конфликтов.

Для победы в экзистенциальном столкновении с Западом России необходима концентрация и мобилизация всех ресурсов - военных, экономических, духовных.

Важно то, что у России на всех уровнях этой большой геополитики есть «своя игра», свои инструменты, рычаги влияния, факторы силы и есть наш Лидер мирового уровня.

Надо лишь осознать и принять к действию то, что победное для России решение придет изнутри, а не извне.

Нам надо стать суверенными, цельными, собранными и сильными.

Уже сейчас необходимо идеологически и структурно конфигурировать многонациональный Русский мир после нашей Победы, где участники СВО будут блюстителями Российского государства, как стержня нашей цивилизации.

Для этого необходима «Стратегия суверенного развития России», включающая «Стратегию ментальной безопасности».

России нужна своя миссия для «города и мира», сакрализация роли и места России в новом мироустройстве. Мы должны превзойти Запад ментально, изжив в себе вторичный комплекс встраивания в «цивилизованный мир», подняться над Западом идеологически.

Президент Путин сформулировал базовую сакральную идею этой миссии: «Величие России заключается в ее суверенитете».

В этом суверенном самостоянии - наша метафизика и наш ответ на гегемонию Запада.

Владимир Байков

Чрезвычайный и Полномочный Посол, заведующий кафедрой международных отношений и дипломатии Московского гуманитарного университета, кандидат экономических наук

kafmod@mosgu.ru

Ключевые слова: *крупный африканский бизнес, компании ЮАР, Египта, Нигерии, прямой государственный контроль, российская бизнес-стратегия в Африке.*

500 КРУПНЕЙШИХ АФРИКАНСКИХ КОМПАНИЙ И РОССИЙСКИЙ БИЗНЕС

Исследовательская служба панафриканского журнала «Жён Африк» обнародовала в конце февраля 2025 года традиционный ежегодный обзор, посвященный 500 крупнейшим бизнес-структурам в африканских странах. Банковские и финансовые структуры не включаются в указанный обзор, так как им посвящается аналогичное традиционное исследование экспертов из «Жен Африк» (см. статью автора в январском номере «Международной жизни», с. 92-97).

Обзор 500 крупнейших компаний за 2025 год базируется на данных по итогам 2023 года. На их показатели отрицательно повлияли такие факторы, как падение цен на сырьевые товары, резкие колебания курсов национальных валют и их ослабление, высокая инфляция в государствах - экономических лидерах, в частности в ЮАР, Египте, Нигерии. Тем не менее многие компании из списка 500 крупнейших смогли удержаться и приспособиться к вышеуказанным негативным явлениям. Следует отметить, что по итогам 2023 года африканская экономика сохраняла положительную динамику. По данным Африканского банка развития, прирост ВВП в Северной Африке составил 4,1%, в странах Африки южнее Сахары (АЮС) - 3,1%. При этом некоторые государства АЮС показали высокий рост экономики. В Руанде прирост ВВП составил 8,2%, Демократической Республике Конго - 7,5%, Эфиопии - 7,1%, Маврикии - 7%, в Республике Кот-д'Ивуар - 6,5%[1].

Объем выручки 500 крупнейших компаний в 2023 году оценивался в 736,8 млрд долларов и был на 3,1% меньше показателя предыдущего года[2]. В среднем за десятилетие (2013-2023 гг.) он составлял ежегодно около 650 млрд долларов. Имел, прямо скажем, символический размер в сравнении с объемом выручки 500 крупнейших мировых компаний, включенных в индекс «Fortune Global 500» (более 41 трлн долларов в 2023 г.)[3].

На долю компаний из ЮАР, Египта, Нигерии приходилось в 2023 году 53% всей выручки 500 крупнейших компаний Африки. При этом лидером остается ЮАР (137 компаний из 500 и 38% всей выручки), хотя еще в 2021 году на ее долю приходилась почти половина

выручки и 159 компаний из 500[4]. В списке крупнейших присутствуют 45 компаний из Египта и 34 - из Нигерии.

В отраслевом разрезе продолжает лидировать энергетический сектор, прежде всего углеводородный (28% совокупной выручки крупнейших компаний). На втором месте - авиационный транспорт. Замыкает тройку лидеров сектор связи и телекоммуникаций.

В Африке заметное место среди крупнейших компаний занимают полностью государственные или контролируемые государством (112 из 500 крупнейших компаний и 34% их совокупной выручки)[5].

В десятку лидеров по объему выручки вошли шесть компаний из ЮАР, по одной - из Алжира, Анголы, Марокко, Нигерии. Безоговорочным среди них является алжирская государственная нефтегазовая компания «Сонатрак» («Sonatrach»). Ее выручка (70,9 млрд долл.) составляет почти 10% совокупного объема выручки всех 500 крупнейших компаний и около трети ВВП Алжира[6]. Значительно уступает лидеру нигерийская государственная нефтегазовая компания (NNPC) с выручкой в 31,2 млрд долларов[7]. На третьем месте с выручкой в 19,3 млрд долларов базирующаяся в ЮАР частная акционерная компания «Vivo Energy/Engen», имеющая сеть из 4 тыс. автозаправочных станций в 28 странах Африки[8].

Среди десяти лидеров пять компаний связаны с энергетикой и полезными ископаемыми. По одной компании представляют секторы АПК, торговли, водо-, электро-, газоснабжения, связи, химии.

Половина из десяти лидеров списка принадлежит или контролируется государством. Прямой государственный контроль осуществляется над компаниями в таких ключевых отраслях африканской экономики, как нефтяная, газовая, добыча иных полезных ископаемых, авиационный и железнодорожный транспорт. В ключевом секторе связи и телекоммуникаций доминируют частные бизнес-структуры.

Перспективным видится развитие российскими компаниями своего собственного бизнеса в тех секторах африканской экономики, в которых не присутствует государство и существует рыночная конкуренция.

Проведенный выше анализ структуры 500 крупнейших компаний в африканской экономике позволяет сделать некоторые обобщения применительно к российской бизнес-стратегии на африканском континенте. Небольшие по российским масштабам размеры крупного африканского бизнеса (у половины из 500 компаний выручка не превышает 600 млн долларов) в принципе не исключают возможности приобретения российскими инвесторами значительных, в том числе контрольных долей в капитале таких компаний. Естественно, подобные сделки могут осуществляться только при политической поддержке со стороны высшего руководства принимающего государства. При этом не следует забывать о слабости местного крупного бизнеса, его неустойчивости к макроэкономическим колебаниям и потрясениям. Данный фактор создает большие, прежде всего финансовые, риски для потенциального российского инвестора. В этой связи более перспективным видится развитие отечественными компаниями своего собственного бизнеса в тех секторах африканской экономики, в которых не присутствует государство и существует рыночная конкуренция. В первую очередь речь идет о сферах связи, информационно-коммуникационных технологий, финансовых и транспортных услуг.

---

[1] https://www.jeuneafrique.com/1658721/economie-entreprises/exclusif-notre-classement-des-500-champions-africains-de-leconomie-en-2025/

[2] Ibid.

[3] Ibid.

[4] Ibid.

[5] https://www.jeuneafrique.com/1662071/economie-entreprises/500-champions-africains-les-entreprises-publiques-des-colosses-aux-pieds-dargile/

[6] https://www.jeuneafrique.com/classements/500-champions-africains-2/500-champions-africains-2025/

[7] Ibid.

[8] Ibid.

Вадим Козюлин

Главный научный сотрудник ИАМП Дипломатической академии МИД России, кандидат политических наук

v.kozyulin@dipacademy.ru

Ключевые слова: *информационная война, когнитивная война, пропаганда, информационная экосистема, психологические операции, нооплитика.*

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО ОГРАНИЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ ЗАПАДА ПРОТИВ РОССИИ

В условиях глобального информационного доминирования Пентагон увеличивает подразделения по проведению информационных операций против России и усиливает прокси-подразделения в ВСУ. В опубликованной в июле 2023 года «Стратегии по операциям в информационной среде на 2023 год» говорится о необходимости создания специальных «информационных сил», чтобы «получать и поддерживать информационные преимущества… для успешной работы в информационном пространстве». Информационная война приобретает новые изощренные формы, нацеленные, в частности, на когнитивное восприятие как отдельных лиц, так и целых наций.

Сохранение национальной информационной экосистемы России становится одной из приоритетных задач государства. Нашей стране необходимо научиться противодействовать иностранным деструктивным информационным операциям и подготовить гражданских и военных экспертов, обладающих навыками противодействия иностранному информационному влиянию.

Понятие «информационная война»

Понятийный аппарат в сфере информационного противодействия еще формируется, и можно обнаружить разнообразие понятий и даже терминологическую путаницу: информационная, когнитивная, психологическая, гибридная, меметическая, кибервойна и война влияния.

В 2011 году МИД России предложил концепцию Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности. Она не получила поддержки государств - участников ООН, однако в концепции имеется определение: «информационная война» - противоборство между двумя или более государствами в информационном пространстве с целью нанесения ущерба информационным системам, процессам и ресурсам, критически важным и другим структурам, подрыва политической, экономической и социальной систем, массированной психологической обработки населения для дестабилизации общества и государства, а также принуждения государства к принятию решений в интересах противоборствующей стороны[1].

В доктрине информационной безопасности РФ 2016 года одной из потенциальных угроз безопасности России называется «наращивание рядом зарубежных стран возможностей информационно-технического воздействия на информационную инфраструктуру в военных целях», а также усиление деятельности организаций, «осуществляющих техническую разведку в отношении российских государственных органов, научных организаций и предприятий оборонно-промышленного комплекса»[2].

В статье 2 Соглашения между правительствами государств - членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности в качестве самой первой угрозы международной информационной безопасности выделяется разработка и применение информационного оружия, подготовка и ведение информационной войны[3].

В западном понимании понятие «информационная война» связано с военными действиями. Информационная война направлена на военное и разведывательное сообщества противника. В меморандуме №30 от 1993 года заместителей министра обороны и председателя Комитета начальников штабов Вооруженных сил США информационная война определена как «действия, предпринимаемые для достижения информационного превосходства в поддержке национальной военной стратегии посредством воздействия на информацию и информационные системы противника»[4].

Американский теоретик информационных войн Мартин Либицкий выделил семь видов информационных войн в рамках вооруженного конфликта: командно-управленческая война; разведывательная война; электронная (включает криптографию и нарушение электронных коммуникаций врага: радаров, радиосвязи, компьютерных сетей); психологическая война (пропаганда, направленная на массовое сознание); хакерская война (диверсионные действия в компьютерных сетях, направленные против гражданских объектов, а также защита от таких действий); экономическая война (перекрытие каналов электронной коммерции); кибервойна[5].

Представляется, что сегодня ближе к российскому пониманию информационной войны стоит термин «когнитивная война», под которым понимаются действия государства или влиятельных групп для манипулирования механизмами познания противника и его населения, чтобы ослабить, влиять на него или даже подчинить себе. Этот термин начал использоваться в таком значении в Соединенных Штатах с 2017 года.

Считается, что информационная война носит сиюминутный, недолговременный характер, где в качестве инструментария используют инструментарий из ложных новостей.

Когнитивная война сочетает связанные с информационной войной новейшие кибертехнологии и человеческую составляющую «мягкой силы», а также манипулятивные аспекты психологических операций (т. н. PSYOPS). То есть она находится на пересечении двух операционных областей, которые ранее управлялись по отдельности: психологические операции и операции влияния («мягкая сила»), с одной стороны, и кибероперации, предназначенные

для нанесения ущерба или уничтожения физических информационных активов, - с другой. Обычно они включают в себя искаженное, как правило компьютерными средствами, описание реальности, отвечающее интересам «атакующей» стороны. При этом используются все элементы информационной войны, включая операционные аспекты психологии и нейронаук. Современные информационные технологии служат эффективным средством доставки соответствующего контента целевой аудитории.

Когнитивная война напрямую связана с информационной, поскольку ее целью является изменение восприятия и измерение этого изменения восприятия. То есть она направлена не только на контроль потока информации, но и на оценку воздействия информации, а также оценку того, как воздействие можно усилить. Когнитивные операции основаны на глубоких знаниях ученых и стратегического сообщества в области когнитивных наук (от нейробиологии до когнитивной психологии и интерфейсов «мозг-компьютер»).

В условиях возрастающей конфронтации России и Запада информационная и когнитивная войны будут приобретать все большие масштабы и новые формы.

История информационной войны США против СССР и России

18 августа 1948 года Совет национальной безопасности США принял директиву 20/1 «Цели США в войне против России»[6]. Эта дата считается началом информационной войны США против СССР. Директива объявила войну качественно нового типа, где оружием служит информация, а борьба ведется за целенаправленное изменение общественного сознания. Задача заключалась во внедрении в советское общественное сознание таких ложных представлений об окружающем мире, которые позволили бы в дальнейшем манипулировать как населением страны, так и ее правящей элитой.

В январе 1981 года директор ЦРУ Уильям Колби представил доклад Президенту США Рональду Рейгану, в котором предложил новую наступательную стратегию по демонтажу «советской империи». Цели и средства этого наступления были обозначены в серии секретных докладов по национальной безопасности (National Security Decision Directives - NSDD). Качественно новым этапом в подрывной деятельности против СССР стало то, что руководство ею, которое раньше осуществлялось спецслужбами, теперь официально возглавили вашингтонские чиновники высшего государственного уровня. В подписанной Рейганом директиве NSDD-75 предписывалось прямое вмешательство во внутренние дела соцстран с целью подрыва их режимов[7].

Главную ставку делали на создание и консолидацию «внутренних оппозиционных сил», которые при поддержке извне должны были добиться захвата власти и политической переориентации своих стран на Запад. В директиве говорилось о том, что в основу конкретных действий должна быть положена «Программа демократии и публичной дипломатии». Эта программа, в частности, предусматривала подготовку будущих руководящих кадров и создание прозападных политических партий и профсоюзов в соцстранах, а также в странах третьего мира, придерживающихся социалистической ориентации. Были выделены средства на издание и распространение литературы, опровергающей «марксистскую диалектическую философию». В начале 1990-х годов США в результате информационно-психологической войны достигли своих целей. Пришедшее к власти правительство Клинтона стояло перед стратегическим выбором. Выбор был сделан в пользу информационной войны за тотальное мировое господство.

В 2004 году американский политолог Збигнев Бжезинский в своей книге констатировал, что Россия проиграла информационно-психологическую войну[8].

Результаты влияния цифровых технологий и западной идеологии

Анализ динамики времени пребывания молодежи в цифровой среде говорит о радикальном погружении молодежи в цифровое информационное пространство.

Аналитики российского провайдера услуг связи «Мегафон» выяснили, что в 2023 году дети стали тратить больше мобильного трафика на мессенджеры, чем на соцсети и музыку, вместе взятые. А лидером по росту стал «Телеграм», прибавивший 86% по сравнению с предыдущим годом. Любимыми приложениями у детей остаются видеосервисы: юные абоненты тратят на просмотр роликов 32% трафика. «Телеграм» и «WhatsApp» догоняют «YouTube» и «TikTok»: в этом году доля мессенджеров выросла более чем в полтора раза и достигла 30%[9].

Виртуальная реальность выступает в качестве пространства для конструирования социального смысла. Уход молодёжи от социума (эскапизм) проникает во все сферы жизни индивида, влияет на мировоззрение, формирует ценности и стиль жизни человека. Возможности Интернета позволяют создавать субкультуры, существование которых в реальном мире невозможно. Цифровая среда выступает как канал формирования стереотипов через определенные интернет-жанры: демотиваторы, мемы, интернет-комиксы и другие креолизованные тексты.

Угрозы традиционным духовно-нравственным ценностям

Информационные войны могут оказывать незримое влияние на духовно-нравственную сферу российского общества. Современные информационные технологии открывают для этого почти неограниченные возможности. RAND Corporation предлагает воспользоваться ими, переосмыслить стратегию США и сформулировать «ноополитику» как основу нового способа продвижения американских интересов в век информации[10].

Сущность ноополитики заключается в том, что решающим фактором в будущих идейных (ментальных) войнах станет вопрос - «чей нарратив победит». Переход к ноополитике предполагает среди прочего создание международных «специальных сил для СМИ», которые будут продвигать демократию за границей, создавать механизмы «для защиты демократических ценностей», разоблачать «темную сторону «мягкой силы», источниками которой называют Китай, Иран, Россию, а также такие негосударственные сети, как «Аль-Каида», «Исламское государство» и «WikiLeaks». RAND предлагает проводить периодические обзоры национальной «информационной позиции» по отношению к союзникам и противникам, которая «теперь так же важна, как и военная позиция». Такие меры призваны «отполировать имидж Соединенных Штатов и их союзников в мире; уменьшить остроту и жестокость конфликтов; оживить дипломатию, особенно публичную; и направить мир на курс к устойчивому миру и процветанию».

Разрабатываемые сегодня для военных нужд программы для анализа и влияния на поведение противника (такие, как программа COMPASS[11]) будут широко востребованы в гражданских сферах: например, для навязывания дебатов, продвижения нарративов, тестирования лояльности населения и пр.

Эффективному решению подобного рода задач будут способствовать стремительно развивающиеся сегодня «большие языковые модели» (Large Language Models). Такие программы способны не только создавать необходимый контент, но также делать тонкий профайлинг общественных групп с тем, чтобы создавать для них адресные нарративы. Они уже становятся сильным подспорьем для операторов информационных войн.

Российские традиционные духовно-нравственные ценности представляют собой одну из главных мишеней информационных операций. Результатом информационной войны может стать:

- размывание российских традиционных ценностей и ослабление единства народа Российской Федерации через внешнюю культурную и информационную экспансию, пропаганду насилия, нетерпимости и вседозволенности, а также уменьшение интеллектуального и культурного уровня, особенно среди молодежи;

- деформация исторической памяти, распространение ложных представлений об исторической отсталости России;

- принижение роли русского языка как инструмента сохранения и продвижения русской и многонациональной российской культуры, что может вести к противопоставлению русского языка другим языкам и разрывам общественных связей;

- блокирование передачи традиционных ценностей и знаний новым поколениям, размывание этнической, провинциальной и сельской культуры, замещение их мультикультурой на основе западной попкультуры;

- обесценивание семьи и семейных отношений, разрыв социальных связей и рост индивидуализма.

Ввиду того, что информационное противодействие становится частью противостояния с Западом, Россия нуждается в профессионально подготовленных кадрах и хорошо оснащенных институтах для ведения такого рода работы.

Механика информационной войны

Информационная война состоит из последовательности информационных операций, объединенных единым замыслом и согласованных по целям, задачам, формам и методам информационного воздействия. Элементами информационной войны также могут быть пропагандистские, неизбирательные, нацеленные на большие массы людей кампании и информационные идеологические диверсии (локальные действия с целью нанесения противнику конкретного ущерба).

Исторически известны применяемые в информационной войне *методы*:

- Метод большой лжи (использовался Геббельсом).
- Использование ограниченности человеческого восприятия для перегрузки людской памяти регулярно повторяющимися простыми формулировками через повторяющиеся кампании. Последовательность кампаний не должна оставлять времени для размышлений и оценок.
- Эксплуатация «стадного чувства» толпы, стремления принадлежать к определенной общественной группе. С помощью его возможно стимулировать моду, синхронизацию поступков, стремление к определенному «образу жизни», подчинение лидерам.
- Канонизация и дьяволизация отдельных личностей и исторических периодов.
- Переписывание истории.

Существуют распространенные *тактики* информационных и когнитивных войн:

- *Дезинформация:* распространение ложной или вводящей в заблуждение информации с намерением обмануть и манипулировать восприятием.
- *Пропаганда:* систематическое распространение информации, идей или слухов с целью формирования общественного мнения или влияния на поведение.
- *Психологические операции:* использование психологических методов для воздействия на эмоции, отношения и поведение целевых лиц или групп.
- *Манипуляции в социальных сетях:* целенаправленная организованная активность в сетях под видом естественных социальных информационных обменов. Обычно используются

такие методы, как астротурфинг (создание фейковых массовых движений), марионеточные аккаунты (создание нескольких фейковых аккаунтов для усиления повествования) и использование ботов или автоматизированных систем для манипулирования дискуссиями.

- *Кибератаки:* нацелены на критическую инфраструктуру, системы связи или информационные сети для нарушения информационных потоков или манипулирование ими, создание путаницы или подрыв доверия к цифровым платформам.
- *Меметическая война:* вирусное распространение мемов, культурных символов или крылатых фраз для влияния на общественное мнение и формирования нарративов, которые находят отклик у конкретных целевых групп.
- *Управление восприятием:* формирование и контроль того, как информация воспринимается отдельными людьми или группами. Достигается с помощью методов фреймирования, выборочного раскрытия информации или использования когнитивных предубеждений для влияния на принятие решений.
- *Операции влияния:* формирование мнений, отношений и поведения отдельных лиц или групп посредством целенаправленного обмена сообщениями, манипулирования социальными сетями или выращивания «лидеров мнения», которые могут распространять желаемые идеи.
- *Когнитивная эксплуатация:* использование уязвимостей человеческого познания, таких как когнитивные предубеждения или эвристика, для манипулирования процессами принятия решений. Это может включать в себя использование сообщений, основанных на страхе, или использование предвзятости для укрепления существующих убеждений.
- *Дипфейки и синтетические медиа:* высокореалистичные обработанные видео или аудио могут распространять ложную информацию, обманывать людей и подрывать доверие к визуальным или аудиодоказательствам[12].

Среди *приемов* манипулирования, используемых в ходе информационной войны, встречаются:

- наклеивание ярлыков;
- фальсификация информации;
- внушение с помощью авторитетной личности;
- распространение слухов;
- развенчание идеалов;
- насаждение новых идеалов;
- подмена проблем современности историческим прошлым;
- проецирование современных проблем в прошлое (когда исходя из интересов сегодняшнего дня выискиваются нужные исторические аргументы);
- «историческая» война (развенчание героев и выдающихся людей);
- размывание понятий (в такие слова, как «реформы», «демократия», «ценности», можно вкладывать очень разные смыслы);
- организация обстановки неустойчивости, тревожности за будущее.

В долгосрочном периоде информационная война с использованием подобных приемов может вести к отречению от традиционной веры, коренному изменению мировоззрения, основ общественного сознания, то есть приводить к когнитивным переменам.

Механизмы информационной войны

С августа 2011 года в Вооруженных силах США существует Командование операций военной информационной поддержки (Military Information Support Operations Command, MISOC). В 2017 году командование насчитывало около 2500 военнослужащих. MISOC проводит

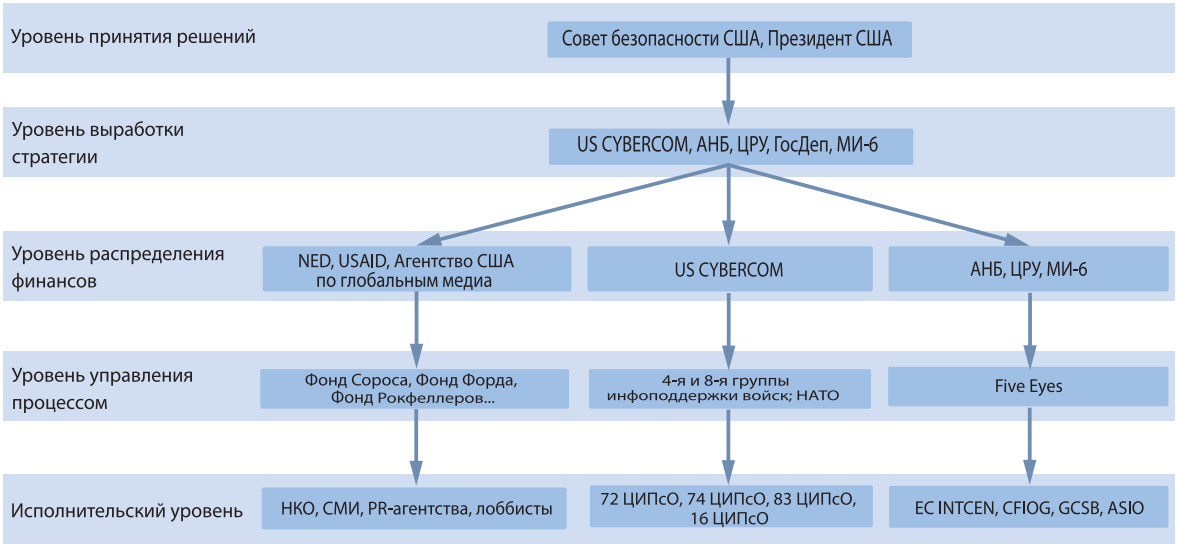
операции по информационному влиянию на иностранную аудиторию с целью воздействия на эмоции, мотивы, объективные рассуждения и в конечном счете изменению поведения иностранных правительств, организаций, групп и отдельных лиц способом, благоприятствующим целям Вашингтона.

У иностранной аудитории MISOC формирует представление о великой военной, политической и экономической мощи и решимости США. В случае конфликта MISOC стремится снизить боевую мощь противника, уменьшить вмешательство гражданского населения, свести к минимуму сопутствующий ущерб и максимально увеличить поддержку собственных операций местным населением. В буклете MISOC говорится, что специальные подразделения командования действуют «убеждая, а не принуждая физически, они полагаются на логику, страх, желание или другие психические факторы для стимулирования определенных эмоций, установок или поведения»[13].

Оценивая эффективность MISOC, подполковник Дэниел Дэвис сказал: «Высокопоставленные военные руководители США настолько исказили правду при общении с Конгрессом США и американским народом относительно условий на местах в Афганистане, что правда стала неузнаваемой»[14].

Летом 2023 года Пентагон опубликовал «Стратегию по операциям в информационной среде на 2023 год». В документе подчеркивается необходимость создания специальных «информационных сил» для «защиты от попыток влияния на общественное мнение». Согласно Стратегии Министерство обороны США должно разработать процедуру быстрого развертывания подразделений информационных сил. Документ предусматривает привлечение военных и гражданских специалистов, совершенствование набора и обучения, перспективы карьерного роста[15].

В настоящее время американскую систему по ведению информационной войны можно представить следующим образом[16]:



Практическое осуществление информационных операций Пентагона можно изучить на примере использования фальшивых аккаунтов «Twitter» для влияния на общественное мнение в Йемене, Сирии, Ираке, Кувейте и других странах[17].

В рамках НАТО также имеются подразделения, занимающиеся информационными операциями. За политику психологических операций НАТО отвечает Военный комитет. Он сформировал рабочую группу Combined Jointed Phycological Operations Task Force, которая служит

центром, где страны-участницы блока могут сверять и координировать свои информационные стратегии.

В документе НАТО «Allied Joint Doctrine for Psychological Operations» говорится: «Понимание и сочувствие являются ключом к PSYOPS; анализ целевой аудитории является инструментом, с помощью которого это достигается. Эффективный анализ должен обеспечить глубокое контекстуальное понимание культурного, исторического и социального состава целевой аудитории, а также глубокое понимание эмоциональных и заслуживающих доверия тем и символов, которые могут быть использованы для воздействия на краткосрочное поведенческое и долгосрочное поведение и изменение отношения. Развитие знаний (включая разведку из всех источников (ASINT) имеет важное значение для эффективного понимания. Психологи должны с пониманием относиться к существующему поведению и отношению целевой аудитории, чтобы понять, как возможно их изменить или усилить»[18].

На базе этого доктринального документа НАТО в Вооруженных силах Украины разработана «Доктрина психологических операций Сил специальных операций Вооруженных сил Украины»[19].

Среди задач психологических операций в доктрине, в частности, названы:

- снижение уровня доверия личного состава войск противника к своему военно-политическому руководству, военному командованию;
- подрыв у военно-политического руководства, военного командования и личного состава войск противника психологической стойкости и готовности к выполнению задач по предназначению;
- формирование и содействие обострению существующих противоречий среди населения общественно-политического, экономического, культурного, этнического, религиозного характеров.

В документе говорится: «Каналами воздействия могут являться: сеть Интернет, сети мобильной связи, другие информационно-телекоммуникационные системы; печатные и электронные средства массовой информации, другие информационные ресурсы сети Интернет; носители внешней рекламы; агентурная сеть и движение сопротивления, ключевые лица, лидеры общественного мнения и ключевые коммуникаторы, другие связанные с целевыми аудиториями лица и группы лиц».

Задачами информационно-психологических операций названы:

- деморализации противника;
- дискредитации (демонизации) противника;
- введение противника в заблуждение;
- снижение поддержки противника со стороны гражданских лиц;
- привлечение гражданских лиц к сотрудничеству;
- обеспечение невмешательства гражданских лиц;
- делегитимизации противника и почвы конфликта.

Среди вариантов применения спецподразделений приводятся:

- распространение слухов о присвоении руководством военных трофеев и другого захваченного имущества;
- распространение слухов о массовом отказе от активных действий со стороны определенных подразделений противника;
- информирование собственного населения и международного сообщества о нарушении противником предварительных соглашений, договоренностей и норм международного гуманитарного права («демонизация» противника);

- рассылка на мобильные телефоны, электронные адреса, мессенджеры руководства и личного состава материалов, которые вызывают стресс, панику, страх;
- распространение среди членов семей материалов с призывом способствовать отказу от участия в боевых действиях военнослужащих, дезертирства;
- размещение видеообращений военнопленных к своим сослуживцам, фото-, видео- и информационных материалов о значительных потерях в живой силе и технике противника;
- побуждение населения к проведению антивоенных мероприятий;
- побуждение населения к предоставлению сведений о перемещении противника, иных действиях войск;
- проведение информационных диверсий (подрывная информационная деятельность).

Способы борьбы с информационными атаками

Существуют некоторые аналитические способы, позволяющие противодействовать инструментам информационной войны:

- *Определение тактики информационной войны:* изучать и идентифицировать различные тактики, используемые в когнитивной войне, такие как кампании по дезинформации, распространение пропаганды, психологические операции и манипуляции в социальных сетях.
- *Мониторинг источников информации:* анализ содержания, происхождения и способов распространения информации помогут выявить потенциальные кампании информационной войны и отследить их источники.
- *Обнаружение и анализ дезинформации:* анализ содержания поможет раскрыть мотивы таких кампаний.
- *Разработка контрмер:* контрмеры могут включать в себя разработку стратегий по разоблачению ложной информации, информирование общественности.
- *Повышение кибербезопасности:* защита от хакерских атак, утечки данных и других форм кибератак, которые могут способствовать ведению когнитивной войны.
- *Разработка рекомендаций для принятия решений:* аналитические доклады помогут принимающим решение лицам в понимании природы и методов информационной войны.

Возможности для международно-правового регулирования

В мае 2023 года Россия вместе с четырьмя странами-единомышленницами внесла на рассмотрение ООН обновленную концепцию Конвенции по международной информационной безопасности[20].

Концепция стала логичным продолжением принятой по инициативе России и еще 26 государств-единомышленников Генеральной Ассамблеей ООН в декабре 2022 года резолюции под названием «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности». В этом решении впервые содержалось положение о необходимости выработки международно-правового механизма по обеспечению информационной безопасности.

Однако в отличие от предыдущих российских инициатив проект конвенции мая 2023 года поддержали только пять государств: Беларусь, Венесуэла, КНДР, Никарагуа и Сирия. Среди поддержавших нет многих традиционных сторонников российского подхода к теме МИБ, прежде всего Китая.

Вероятно, России следует продолжить консультации по данному документу с другими странами, а также продвигать свои подходы через региональные и международные объе-

динения, прежде всего ШОС и БРИКС, особенно в части международного сотрудничества в области информационной безопасности.

Концепция конвенции справедливо не содержит упоминания термина «информационная война». Наверное, этот термин следует рассматривать как журналистский либо, в крайнем случае, пригодный для использования в академических кругах.

Понятие агрессии определено в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН: «Агрессией является применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом ООН, как это установлено в настоящем определении»[21].

Проблема применения международного права к информационному противоборству связана со сложностью урегулирования ряда вопросов:

- терминологическая путаница: понятие «информационная война» применяется не только к конфликтам, но и к пропаганде, работе СМИ;
- преобладающий нелетальный характер информационной войны;
- идентификация сторон конфликта (в какой момент человек становится комбатантом);
- возрастающая взаимосвязь между военными и гражданскими информационными ресурсами (использование социальных сетей для военных целей);
- определение «информационная атака», как правило, не имеет связи с материальным миром, тогда как право вооруженных конфликтов сосредоточено на прямом физическом уничтожении.

Обсуждению применимости МГП и его ключевых принципов к «информационным операциям» препятствует двусмысленность информационной войны, поскольку общепринятая концепция нападения связана с порогами, которые должны быть преодолены, чтобы информационная операция квалифицировалась как нападение. При отсутствии причинно-следственной связи, ведущей к причинению физического вреда, действия военных в ходе информационной войны, вероятно, не подпадают под действие традиционного права вооруженного конфликта.

Однако с информационными операциями могут быть связаны понятия МГП «распространение террора» и «сильные страдания». В соответствии с Дополнительным протоколом I любые акты насилия или поведения, направленные на сеяние страха среди гражданского населения, запрещаются. Поэтому психические страдания и действия с первоначальной целью причинения психического вреда находятся в диапазоне, охватываемом нормами МГП. Для применения правил и норм МГП необходимо принять измеримые критерии оценки степени психических и душевных страданий, причиняемых наступательными информационными операциями и военным обманом.

МГП запрещает любое действие или угрозу, основной целью которых является распространение террора среди гражданского населения[22]. Запрет на распространение террора может быть рассмотрен применительно к эффекту, который современные информационные операции оказывают на гражданское население. Несмотря на ненасильственные последствия, информационная война требует более детального регулирования в соответствии с вызовами современного мира, где последствием искажения медиаэкосистемы может стать утрата общественного доверия к государственным СМИ и государственным структурам, политическая нестабильность и морально-психологическое подавление пострадавшего государства со стороны государства-противника.

Кодификацию термина могло бы упростить выделение двух состояний информационной войны: вооруженные столкновения, направленные на уничтожение критической информа-

ционной инфраструктуры, и применение информационного оружия в киберпространстве, нацеленного на искажение массового сознания и управление им.

В качестве самостоятельной категории в международном праве можно определить «информационное оружие», к которой следует отнести информационные системы, способные причинить прямой вред. При этом следует отталкиваться от принципиальных отечественных установок на международных площадках - непризнание ИКТ в качестве оружия, их использование исключительно в мирных целях.

Открытым остается вопрос, можно ли квалифицировать ложную информацию как информационное оружие. Вероятно, не любая ложная информация может считаться информационным оружием. Возможно, более приемлемым будет ввести в оборот понятие «дезинформация».

Среди перспективных направлений развития международного права применительно к информационной войне можно выделить следующие темы:

- Определение понятий «военные действия», «акт насилия», «нападения» применительно к информационным операциям.
- Принятие правил, регулирующих информационные операции.
- Определение и закрепление в международных договорах границ суверенитета в цифровом пространстве, в том числе в области управления адресным пространством глобального киберпространства и его национального сегмента.
- Определение порога вооруженного конфликта (применительно к информационному пространству).
- Уточнение принципов присвоения (атрибуции) ответственности за информационные атаки.
- Определение статуса комбатанта для лиц, осуществляющих акты враждебного использования информационных технологий и дезинформации.
- Принцип невмешательства во внутренние дела применительно к информационному пространству.

---

[1]Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция). 22 сентября 2011 г. // http://polit-discourse.ru/articles/295

[2]Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ №646 от 05.12.2016 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. №50. Ст. 7074.

[3]Соглашение между правительствами государств - членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности: международное соглашение, принятое государственными органами и/или другими субъектами права ШОС // Бюллетень международных договоров. №1. 2012 г.

[4]*Алексеев Г.В.* Информационная война как социально-правовая категория // Научно-технический вестник Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики. 2004. №12. С. 163-168.

[5]*Libicki Martin C.* What Is Information Warfare // https://www.goodreads.com/book/show/2232467.What_Is_In formation_Warfare

[6]Thomas H. Etzold and John Lewis Gaddis, eds. Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945-1950. NSC 20/1 (pages 173-203) // https://archive.org/details/NSC201-USObjectivesWithRespectToRussia/NSC_20_1_book/

[7]US Relations with the USSR. National Security Decision Directive 75. 17 Jan. 1983 // https://irp.fas.org/offdocs/nsdd/nsdd-75.pdf

[8]*Brzezinski Zbigniew.* The Choice: Global Domination or Global Leadership. Basic Books. 2004. 256 p.

[9]Дети переключились с «TikTok» на мессенджеры // «Мегафон». 23 ноября 2023 г. // https://corp.megafon.ru/press/news/federalnye_novosti/federal/20231123-1001.html

[10]*Ronfeldt David, Arquilla John.* Whose Story Wins, Rise of the Noosphere, Noopolitik, and Information-Age Statecraft. RAND Corporation. July 2020 // https://www.rand.org/pubs/perspectives/PEA237-1.html

[11]*Roff Heather M.* COMPASS: a new AI-driven situational awareness tool for the Pentagon? // The Bulletin of Atomic Scientists. May 10, 2018 // https://thebulletin.org/2018/05/compass-a-new-ai-driven-situational-awareness-tool-for-the-pentagon/

[12]*Radulescu Bogdan-George.* How should intelligence analysis be utilized to counter cognitive warfare? // Intelligence Info. 2:4. 07 September, 2023 // https://www.intelligenceinfo.org/how-should-intelligence-analysis-be-utilized-to-counter-cognitive-warfare/

[13]MISO Name Change – Back to Psychological Operations (PSYOP) // SOF News. November 8, 2017 // https://sof.news/io/miso-name-change/

[14]MISOC: The U.S. Military's Secret Brand of Fake News // Renegade Tribune. April 29, 2017 // http://www.renegadetribune.com/misoc-u-s-militarys-secret-brand-fake-news/

[15]Strategy for Operations in the Information Environment. US Department of Defense. July 5, 2023 // https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3592788/dod-announces-release-of-2023-strategy-for-operations-in-the-information-enviro/

[16]Разработка Лаборатории информационных и гибридных войн частного разведывательного агентства «Р-Техно» (Р.Ромачёв, А.Манойло) // https://r-techno.com

[17]*Lee Fang.* Twitter Aided the Pentagon in its Covert Online Propaganda Campaign. Internal documents show Twitter whitelisted CENTCOM accounts that were then used to run its online influence campaign abroad. December 20, 2022 // https://theintercept.com/2022/12/20/twitter-dod-us-military-accounts/

[18]Allied Joint Doctrine for Psychological Operations. NATO Standard AJP-3.10.1. Allied Joint Doctrine for Psychological Operations. Edition B Version 1. September 2014 // https://www.gov.uk/government/publications/ajp-3101-allied-joint-doctrine-for-psychological-operations

[19]Доктрина психологических операций Командования Сил специальных операций Вооруженных сил Украины. Май 2021 г. // https://geochronic.ru/images/1/17/Доктрина_психологических_операций_-_перевод.pdf

[20]Обновленная Концепция Конвенции Организации Объединенных Наций об обеспечении международной информационной безопасности. Предложение Российской Федерации. Май 2023 г. // http://www.scrf.gov.ru/media/files/file/P7ehXmaBUDOAAcATW2Rwa3yNK1bNAWl9.pdf

[21]Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 3314 (XXIX) «Определение агрессии». 14 декабря 1974 г.

[22]Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г. Статья 51(2).

Валерий Лукин

Руководитель отдела Логистического центра Российской Антарктической экспедиции (РАЭ) Арктического и антарктического НИИ Росгидромета (г. Санкт-Петербург), начальник РАЭ с 1991 по 2017 год

lukin@aari.ru

Ключевые слова: *однополярный и многополярный миропорядок, цивилизация, экономическое состояние, военная мощь, Система Договора об Антарктике, консультативные стороны, консенсус.*

СИСТЕМА ДОГОВОРА ОБ АНТАРКТИКЕ - МОДЕЛЬ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Завершение периода холодной войны и распад СССР ознаменовали установление однополярного мироустройства с гегемонией США в ключевых аспектах международных отношений. Однако в начале XXI века в нем стали отмечаться кризисные явления. Так, в мировом экономическом пространстве у США появились серьезные конкуренты в лице КНР и Индии. В передовые позиции стран - участниц группы «G7» вмешалось новое межгосударственное объединение БРИКС. Прекращение поставок российских углеводородов на западный рынок серьезно отразилось на промышленной сфере ЕС и усилило инфляционные процессы в США, где развернулся мощный межпартийный конфликт перед президентскими выборами 2024 года.

В различных межгосударственных региональных вооруженных конфликтах все шире принимают участие страны, территориально расположенные за многие тысячи километров от районов боевых действий. На мировых рынках вооружений распространяются новые виды боевых средств - беспилотные воздушные и морские дистанционно управляемые аппараты, гиперзвуковые высокоточные ракетные комплексы и т. п. Многочисленные санкции США, ЕС и их сателлитов против стран, не согласных с американской гегемонией, главным образом в отношении России, проникли из политики и экономики в науку, образование, культуру, спорт, туризм и религию, затрагивая большую часть человечества и разрушая сложившиеся межгосударственные связи.

Идеологизирование свободы перемещения капитала, сил и средств производства, информации и западных гуманитарных ценностей по планете, названного глобализацией рынка, на деле превратилось в новую модель колонизации многих развивающихся стран. Теряет свою организационную роль и правовую силу ООН и ее Совет Безопасности, созданные в период завершения Второй мировой войны. Эта международная организация в настоящее время, когда утвердился однополярный миропорядок, утратила свою актуальность и подлежит реформированию, как считают американские политики, в Лигу демократий. Все эти процессы протекают на общем фоне чудовищной русофобии, которую активно продвигают западные пропагандисты.

Существующий однополярный миропорядок находится в состоянии высокой степени турбулентности, когда любая ошибка государственных лидеров США может привести к возникновению «управляемого хаоса» в международных отношениях [9].

Необходимые гарантии того, что этот процесс будет нести управляемый характер, могут дать только идеологи такой концепции, хотя на практике это трудно осуществимо.

В этих условиях все больше специалистов задумываются о новом образе мироустройства, который должен прийти на смену однополярного мира.

Подходы к формированию многополярного миропорядка

Наиболее распространенным подходом в этих размышлениях стала модель многополярного миропорядка, о котором в последние годы все чаще высказываются некоторые лидеры государств, дипломаты, политологи и представители СМИ. Появление этого термина в международном политическом лексиконе связано с именами известных отечественных государственных деятелей и ученых Е.М.Примакова, А.Д.Богатурова и А.Г.Дугина [10, 2, 5]. В дальнейшем этот подход был поддержан лидерами некоторых государств в различных регионах планеты, которых не устраивала сложившаяся система однополярного мира. В частности, в 1997 году Россия и КНР подписали совместную Декларацию о международном порядке в XXI веке.

В настоящее время существует следующее определение многополярного миропорядка: «наличие в мировом сообществе многих центров силы в политике, экономике, военных вопросах и культуре, сравнимых по своим возможностям и не стремящихся распространить свое влияние друг на друга путем насилия и обмана». Такой подход является противоположностью модели одно- и биполярного мироустройства, в которых существует один или два мировых гегемона, находящихся в жестком противостоянии. Мир движется от глобализации к отдельным цивилизационным платформам. Если идеологический подход к формированию многополярного мира в настоящее время уже создан, то вопросы о его будущей структуре и принципах объединения стран в новые центры силы продолжают оставаться серьезно дискуссионными. Недаром российский министр иностранных дел С.В.Лавров заявил о необходимости «стратегического терпения» в этом отношении и предупредил не торопить события.

В разделе II Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года №229, представлено отношение нашей страны к основным тенденциям и перспективам развития современного мира. В пункте 7 этой концепции указывается:

«Человечество переживает эпоху революционных перемен. Продолжается формирование более справедливого, многополярного мира. Необратимо уходит в прошлое неравновесная модель мирового развития, которая столетиями обеспечивала опережающий экономический рост колониальных держав за счет присваивания ресурсов зависимых территорий и государств в Азии, Африке и Западном полушарии. Укрепляется суверенитет и увеличиваются конкурентные возможности незападных мировых держав и региональных стран-лидеров. Структурная перестройка

мировой экономики, ее перевод на новую технологическую основу (в том числе внедрение технологий искусственного интеллекта, новейших информационно-коммуникационных, энергетических, биологических технологий и нанотехнологий), рост национального самосознания, культурно-цивилизационное разнообразие и другие объективные факторы ускоряют процессы перераспределения потенциала развития в пользу новых центров экономического роста и геополитического влияния, способствуют демократизации международных отношений».

Российские представления о неизбежности смены однополярного мироустройства на его многополярный аналог вызывают бурную критику прозападно-ориентированных государств во главе с США. Однако эволюционный процесс развития миропорядка неизбежен [9].

Рассмотрим различные концепции создания нескольких центров силы в международных отношениях, разработанные отечественными исследователями. Так, А.Г.Дугин предложил цивилизационное разделение мирового сообщества [5]. В его основе лежит объединение больших групп населения планеты на базе коллективной общности одинаковой духовной, исторической, культурной, ментальной традиций, религиозного вероисповедания независимо от национальной, классовой, политической и идеологической структуры, наличие воли для осуществления независимой внутренней и внешней политики.

Политический, экономический, образовательный, военный, демографический и технологический потенциалы, ресурсное обеспечение и наличие собственной философии развития определяют возможность формирования отдельной цивилизации. Это понятие неразрывно связано с категорией «большого пространства», которое в итоге приводит к формированию империи. Человечество потенциально можно разделить на следующие цивилизации, которые становятся отдельными полюсами многополярного мира: западная с ее англосаксонской основой, православная евразийская, исламская, индуистская, китайская конфуцианская, японская, буддистская, латиноамериканская и африканская. Каждая из них обладает собственным суверенитетом. Внутри отдельной цивилизации существует гармония и мир, в то время как между цивилизациями сохраняется возможность конфликта и войны [6].

Несмотря на некоторые недостатки такого подхода, он может быть использован в переходном периоде от однополярного к многополярному миропорядку, в условиях существующей конфронтации между Западом и Мировым большинством [4].

Другим подходом формирования новых полюсов мирового сообщества является общность экономических интересов различных государств, так как хорошо известно, что за развитием экономики наступает политический и правовой суверенитет государства. ООН опубликовала рейтинг состояния экономики государств - членов этой организации за 2023 год. По этим данным, автор настоящей статьи предлагает выделить следующие кластеры стран:

- сверхдержавы - США и КНР, объем экономик которых значительно превосходит другие страны (США - 20494,1 млрд USD, КНР - 13608,2 млрд USD);

- крупные державы, обладающие экономикой свыше 1000,0 млрд USD: Япония - 4970,9 млрд USD, Германия - 3996,8 млрд USD, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии - 2825,2 млрд USD, Франция - 2777,5 млрд USD, Индия - 2726,3 млрд USD, Италия - 2073,9 млрд USD, Бразилия - 1868,6 млрд USD, Канада - 1712,5 млрд USD, Россия - 1657,6 млрд USD, Республика Корея - 1619,4 млрд USD, Австралия - 1432,2 млрд USD, Испания - 1426,2 млрд USD, Мексика - 1223,8 млрд USD, Индонезия - 1042,2 млрд USD;

- средние державы, чья экономика оценивается в размере свыше 300,0 млрд USD и менее 1000,0 млрд USD, среди которых можно выделить восемь восходящих государств (Нидерланды, Саудовская Аравия, Швейцария, Польша, Швеция, Бельгия, Аргентина, Таиланд), экономика которых превышает 300,0 млрд. USD;

- 98 малых держав с экономикой менее 100 млрд USD.

Необходимо учитывать, что экономика США и стран Евросоюза более чем на 70% состоит из сферы услуг, а не производства. Безусловно, подобный арифметический подход является весьма грубой экспертной оценкой выделения различных групп стран по состоянию их экономик. Однако он не слишком отличается от других известных классификаций. Очевидно, что две сверхдержавы и 14 крупных держав могут стать возможными полюсами нового многополярного мира.

Желание средних и малых держав, а иногда и некоторых крупных партнеров присоединиться к таким полюсам может быть связано со стремлением получить доступ к современным технологиям на льготных условиях, размещением на своих территориях высокотехнологических производств, использованием во взаиморасчетах национальных валют, а не традиционных американских долларов и европейских евро.

Наконец, еще одним подходом в создании нескольких центров силы в новом миропорядке является военная мощь государств. Под этим термином понимается комплексная оценка ресурса, потенциала, стратегии государства, его внешнее влияние и конечный исход военных операций. По данным интернет-источников www.globalfirepower.com и basetop.ru, в настоящее время в мировом сообществе в десятку крупнейших военных держав мира входят США, Россия, КНР, Индия, Соединенное Королевство, Республика Корея, Пакистан, Япония, Франция, Италия.

Безусловно, что по уровню объемов военных бюджетов, современному технологическому обеспечению своих вооруженных сил, количеству военных баз в различных регионах планеты ведущую роль среди них играют США. Однако сравнение военных бюджетов между этими странами в американских долларах необъективно из-за серьезных различий в покупательной способности и стоимости рабочей силы в других странах. К тому же успешных военных операций на счету Вооруженных сил США после 1945 года совсем немного.

Вооруженные конфликты начала XXI века наглядно демонстрируют, что без серьезной поддержки вооружением, боеприпасами, материальными ресурсами, в одиночку даже крупные державы не могут добиваться значительных результатов. Таким образом, в военной сфере уже в наши дни успешно функционируют несколько полюсов многополярного мира. Это НАТО и недавно сформированный Австралией, Соединенным Королевством и США AUKUS, кроме того, США вместе с правительствами Японии, Южной Кореи и Филиппин пытаются создать новый военный союз в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Все три подхода в создании многополярного мироустройства в обязательном порядке подразумевают наличие государств-лидеров, вокруг которых объединяют свои усилия другие державы, формируя новые центры силы. Это автоматически означает наличие иерархии внутри каждого полюса. В то же время авторы доклада «Аттестат зрелости, или Порядок, какого еще не было. Фантазия о будущем без иерархии», представленного на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» в октябре 2023 года, предложили, что будущий многополярный мир должен отказаться от иерархического деления государств как между полюсами, так и внутри них [1].

Именно такой подход обеспечивает независимое участие отдельных стран в различных центрах силы, исходя из общности интересов и принципов совместной деятельности. Следует отметить, что о неизбежности перехода от однополярного к многополярному миропорядку говорят не только зарубежные, но и отечественные политологи. Некоторые из них считают, что скоро в мировом сообществе сформируется новая биполярная система, образованная США и КНР [3]. Другие из них полагают, что новое сообщество не может существовать без влияния государств друг на друга, поэтому гипотеза о равенстве и независимости держав является теоретической утопией [8, 11, 12].

Эволюция Договора об Антарктике

Современные критики возможности создания многополярного миропорядка не учитывают тот факт, что новейшая мировая история уже обладает убедительным примером такого международного сообщества. Речь идет о Договоре об Антарктике от 1 декабря 1959 года, подписанном правительственными делегациями Австралии, Аргентины, Бельгии, Новой Зеландии, Норвегии, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, СССР, США, Франции, Чили, Южно-Африканского Союза и Японии, вступившего в силу 23 июня 1961 года после его ратификации вышеназванными странами. Этот договор объявил южную полярную область планеты, расположенную к югу от параллели 60° ю. ш., демилитаризованным регионом, предназначенным для международного сотрудничества, свободы научных исследований и охраны окружающей среды. В нем запрещено проведение ядерных взрывов и захоронение радиоактивных материалов. Непреходящими ценностями этого договора являются сама Антарктика с ее уникальными природно-климатическими характеристиками и антарктическое сообщество, представленное государствами - участниками договора и персоналом национальных антарктических программ.

Договор «заморозил» территориальные претензии Соединенного Королевства, Новой Зеландии, Австралии, Норвегии, Франции, Чили и Аргентины на владение сухопутными и морскими пространствами в Антарктике, выдвинутые ими в одностороннем порядке в период с 1908 по 1955 год на все время действия этого международного правового акта, срок окончания которого в тексте договора не указан. В то же время договор не отменил такие претензии, но не дает никаких юридических прав этим государствам расширять свой государственный суверенитет выше того уровня, который был реализован ими до 1 декабря 1959 года. Никакие новые заявления на территориальные претензии в Антарктике не принимаются.

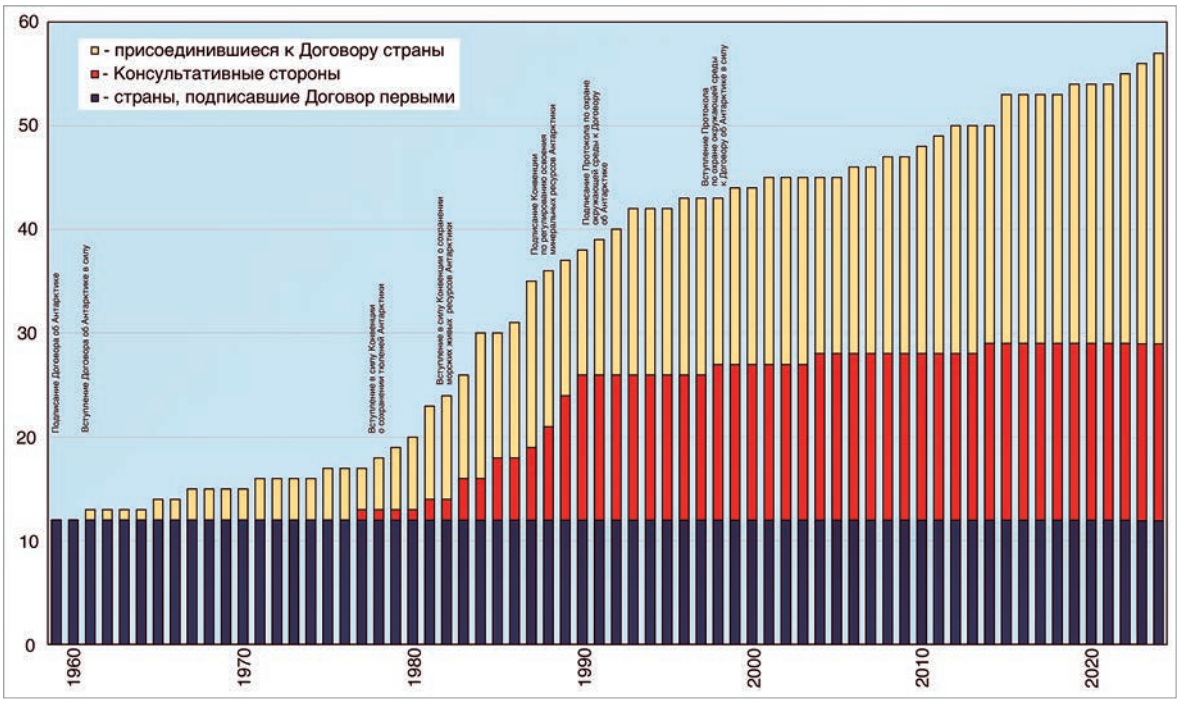
Договор открыт для присоединения любого государства - члена ООН и даже для неучастников этой организации при условии общего согласия его сторон. Важно отметить, что Договор об Антарктике не входит в структуру ООН. Первоначально такой подход был выдвинут США, которые стремились не допустить в Антарктику СССР - одного из учредителей ООН. В дальнейшем данный принцип стал обязательным условием учредителей договора, в том числе и СССР, которые были твердо убеждены, что вопросы развития деятельности в Антарктике должны обсуждать только те стороны договора, которые выполняют в этом регионе существенную деятельность, проводя регулярные экспедиции или работая на исследовательских станциях. Так родился статус консультативной стороны договора, который дает право такой стороне обсуждать и принимать решения по различным аспектам развития договора. Неконсультативные стороны обладают статусом наблюдателей. Следует отметить, что присоединение к договору не требует обязательного участия в исследованиях Антарктики.

На май 2024 года число сторон договора увеличилось от 12 стран-учредителей до 57. Они представляют все населенные континенты планеты, наиболее экономически и научно-технически развитые страны мира, в которых проживает более 66% населения Земли и создается более 77% мирового валового продукта.

Высшим органом договора является Консультативное совещание по Договору об Антарктике (КСДА), заседания которого с 1994 года проводятся ежегодно в странах - консультативных сторонах в порядке их наименования по латинскому алфавиту.

Важно отметить, что договор отличается от других международных правовых актов двумя важными процедурными требованиями. Во-первых, это вышеназванный статус консультативной стороны договора. Во-вторых, все решения в его системе принимаются консенсусом сторон, что означает отсутствие процедуры голосования и возможность принятия решения

Присоединение стран к Договору об Антарктике с 1959 по 2024 г.



только при отсутствии аргументированных возражений даже единственной стороны. Таким образом, это процедурное требование полностью исключает эффективность применения блоковых подходов, которые стороны договора широко используют в политических целях в других международных правовых актах.

Договор об Антарктике постоянно развивается, оперативно отвечая на поступающие в его адрес вызовы и угрозы. В организационно-правовом смысле он был дополнен Конвенцией о сохранении антарктических тюленей 1972 года, Конвенцией о сохранении морских живых ресурсов Антарктики 1980 года, Протоколом об охране окружающей среды к Договору об Антарктике 1991 года. Органами управления этими правовыми актами стали Комиссия по сохранению морских живых ресурсов Антарктики (АНТКОМ), Комитет по охране окружающей среды (КООС). Первая из них проводит свои ежегодные сессии перед началом промыслового сезона в Южном океане (ноябрь) в городе Хобарте (Австралия), второй - в местах проведения очередных КСДА. Вышеназванные правовые антарктические акты, а также вступившие в силу Меры (Рекомендации), Резолюции и Решения КСДА и Меры по сохранению АНТКОМ образуют Систему Договора об Антарктике. Ее практическая деятельность осуществляется по следующим основным направлениям:

- политика и право (КСДА);
- научные исследования (КСДА, Научный комитет по антарктическим исследованиям - СКАР);
- экспедиционная деятельность (КСДА, Совет управляющих национальных антарктических программ - КОМНАП);
- использование природных ресурсов (АНТКОМ, КООС, КСДА);
- охрана окружающей среды (КООС, Коалиция Антарктики и Южного океана - АСОК, КСДА);
- туризм (КСДА, Международная ассоциация антарктических туристических операторов - МААТО).

Созданный по итогам Международного геофизического года (1957-1958 гг.), Договор об Антарктике определил правовой режим управления Южнополярным регионом планеты, создав условия невозможности возникновения в нем межгосударственных конфликтов. Этот договор стал первым международным актом о разоружении после завершения Второй мировой войны.

В плане международных отношений Система Договора об Антарктике является независимой, самодостаточной и саморазвивающейся системой.

Важной особенностью договора стало положение об обязательном обмене информацией о своей деятельности между его сторонами, о предстоящих экспедиционных планах, итогах их выполнения и результатах проведенных исследований через Секретариат договора, основанный в 2004 году в городе Буэнос-Айресе (Аргентина).

Экономические интересы сторон Договора об Антарктике в настоящее время заключаются в рыболовном промысле, туризме и использовании генетических ресурсов живых организмов, обитающих в регионе. Если первые два направления регулируются институтами договора, то управление третьим направлением находится в стадии обсуждения на КСДА.

Историческую ретроспективу Системы Договора об Антарктике можно разделить на такие периоды, как:

- рекогносцировочные исследования Антарктики - 1955-1969 годы;
- изучение и освоение биологических и минеральных ресурсов региона - 1970-1990 годы;
- охрана окружающей среды и определение влияния глобальных климатических изменений на Антарктику - с 1991 года по настоящее время.

Именно эти периоды определили заинтересованность различных стран в присоединении к Договору об Антарктике и получении статуса консультативной стороны, чтобы участвовать в принятии решений в его системе.

Обращает на себя внимание тот факт, что консультативными сторонами являются как супердержавы, крупные и средние страны, так и малые государства (Эквадор, Болгария, Уругвай) не только по площади их территорий и количеству населения, но и по развитию экономики (61-е, 75-е и 80-е место в рейтинге ООН за 2023 г. соответственно). Это означает, что Система Договора об Антарктике дает возможность всем консультативным сторонам активно влиять на деятельность системы независимо от мощности своей национальной антарктической программы и уровня развития государственного научно-технического потенциала.

В последние несколько лет на статус консультативной стороны активно претендуют Республика Беларусь и Канада, но исключительно по политическим, а не юридическим основаниям, решение этого вопроса на КСДА постоянно переносится из года в год. По формальным признакам в отношении Республики Беларусь дискуссионным остается вопрос о ее «существенной» деятельности в Антарктике, хотя по уровню своих научных исследований эта славянская держава значительно превосходит некоторые консультативные стороны с многолетним периодом обладания таким статусом. Потенциально новыми консультативными сторонами в ближайшие годы могут стать Турция и Колумбия. Однако этот вопрос может быть разрешен только после завершения дискуссии на КСДА о Белоруссии и Канаде.

Вполне естественно, что научный и экспедиционный уровни консультативных сторон определяют масштабы их активного присутствия в Антарктике. Возможности таких сторон серьезно отличаются друг от друга, однако это никоим образом не определяет влияния малых государств на принятие любых решений в существующей системе договора. Так на деле обеспечиваются равноправие и независимость всех правовых субъектов системы договора.

На XLVI КСДА, проходившем с 20 по 30 мая 2024 года в городе Кочи (Индия), делегация России представила Рабочий документ №62 «Вклад Системы Договора об Антарктике в укрепление принципов многополярного мироустройства», в котором было отражено отношение Системы Договора об Антарктике к многополярной политической системе. Оно определяется открытостью присоединения любых государств к этой системе, процедурными требованиями принятия решений и принципами информационного обмена.

Таким образом, многополярный миропорядок в теоретических политологических построениях уже 63 года успешно реализуется в международном сообществе. Безусловно, по принципу объединения независимых сторон Договора об Антарктике могут быть организованы другие полюса многополярного миропорядка. Главным должно стать единство целей и сохранение принципов равноправия и независимости сторон таких объединений. При этом одни и те же государства могут стать участниками различных полюсов сложившегося многополярного мироустройства. Основным критерием для этого должно стать единство интересов. Переход от однополярного к многополярному типу мироустройства неизбежен, как заявил Президент Российской Федерации В.В.Путин на пресс-конференции с китайскими журналистами 16 октября 2023 года [7]. Возможно, что создатели нового типа межгосударственных отношений воспользуются позитивным опытом антарктического сообщества.

Источники и литература

1. *Барабанов О., Бордачев Т., Лукьянов Ф., Сушенцов А., Тимофеев И.* Аттестат зрелости, или Порядок, какого еще не было. Фантазия о будущем без иерархии // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2023. 32 с.

2. *Богатуров А.Д.* Плюралистическая однополярность и интересы России // Свободная мысль. 1996. №2.

3. *Дегтерев Д.* Многополярность или «новая биполярность»? // Российский совет по международным делам. 2020. 17 с. // https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mnogopolyarnost-ili-novaya-bipolyarnost/ (дата обращения: 05.09.2024).

4. *Дробинин А.* Почему так важен выбор в пользу традиционных ценностей // Международная жизнь. 2023. №12 // https://interaffairs.ru/jauthor/material/2918 (дата обращения: 05.09.2024).

5. *Дугин А.Г.* Теория многополярного мира. Плюриверсум // Академический проект. М., 2015. 358 с.

6. *Дугин А.Г.* Новый многополярный порядок: гептархия и ее смыслы // Международная жизнь. 2023. №9. С. 4-23.

7. *Замахина Т.* Владимир Путин: Создание многополярного мира неизбежно. 2023 // https://rg.ru/2023/10/16/vladimir-putin-sozdanie-mnogopoliarnogo-mira-neizbezhno.html (дата обращения: 05.09.2024).

8. *Иноземцев В.* Многополярность: надежды и реалии. 2016 // https://www.forbes.ru/mneniya/mir/328735-mnogopolyarnost-nadezhdy-i-realii (дата обращения: 05.09.2024).

9. *Карпович О., Троянский М.* Многополярность формируется в реальном мире // Международная жизнь. 2020. №8 // https://interaffairs.ru/jauthor/material/2379 (дата обращения: 05.09.2024).

10. *Примаков Е.М.* Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы // Международная жизнь. 1996. №10.

11. *Соколов К.* Миф о многополярном мире // https://proza.ru/2020/03/27/1825 (дата обращения: 05.09.2024).

12. *Школьников А.* Многополярная утопия // https://michael-ky.livejournal.com/2599098.html? (дата обращения: 05.09.2024).

Амина Нагиева

Доцент кафедры международного права, кандидат юридических наук

a.nagiyeva2017@mail.ru

Ключевые слова: *дипломатическое представительство, неприкосновенность помещений дипломатического представительства, помещения консульского учреждения, дипломатические иммунитеты и привилегии, аккредитующее государство, государство пребывания.*

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИММУНИТЕТА НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ПОМЕЩЕНИЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ

Еще с древности непреложным считалось, что жилище посла пользуется абсолютной неприкосновенностью. В Античной Греции и Древнем Риме неприкосновенность распространялась на частное жилище проксенов и преторов[1].

В средние века неприкосновенность распространялась уже не только на частное жилище посла, но и на целые кварталы, которые отводились для проживания послов и других посланников иностранных государств. Так называемые посольские кварталы полностью были изъяты из-под юрисдикции государства пребывания. Однако на практике имело место злоупотребление статусом неприкосновенности посольских кварталов, которое заключалось в предоставлении убежища лицам, преследуемым в уголовном порядке. Это и послужило причиной отказа от данного института. Последние посольские кварталы были упразднены в Риме и Мадриде в XVII веке [Блищенко, 1990].

Невзирая на отказ от практики изъятия целых кварталов из-под юрисдикции государства пребывания, норма о неприкосновенности помещений дипломатических представительств, консульских учреждений и других зарубежных органов внешних сношений получила широкое признание в дипломатической практике и нашла закрепление во многих международных договорах.

Понятие «помещение» дипломатического представительства

Согласно Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 года под помещениями дипломатического представительства следует понимать здания или части здания, используемые для целей представительства, включая резиденцию главы представительства, а также обслуживающий данное здание земельный участок[2]. В соответствии с комментариями Комиссии международного права (КМП) ООН под земельным участком следует понимать, в том числе, и прилегающий сад, и автостоянку[3].

Конвенция не содержит никаких ограничений относительно количества и площади зданий, используемых в целях дипломатического представительства, а только лишь обосновывает функциональный характер помещений, используемых исключительно для официальных целей представительства. Отсюда следует, что государство пребывания может отказаться признать в качестве помещения дипломатического представительства здания, в которых размещаются, например, школа для детей сотрудников представительства, культурный центр, медицинский пункт и т. д. Это означает, что этим зданиям может быть отказано в распространении на них дипломатических и консульских иммунитетов, поскольку они используются «не для функциональных целей» представительства или консульства [Самойленко, 2014].

Норма о неприкосновенности помещений дипломатических представительств, консульских учреждений и других зарубежных органов внешних сношений получила широкое признание в дипломатической практике и нашла закрепление во многих международных договорах.

Вопрос функциональности помещений, используемых в целях дипломатического представительства, порождает множество споров на практике. Так, в 1966 году Апелляционный суд Англии, рассмотрев заявление Форин-офис относительно статуса медицинского офиса египетского посольства в Лондоне, постановил, что функции медицинского офиса полностью соответствуют функциям, перечисленным в Венской конвенции 1961 года, что офис не преследует коммерческих целей, финансируется правительством Египта и его основная задача заключается в оказании помощи гражданам Египта, проживающим или пребывающим на территории Великобритании. Все зарплаты и платежи для содержания медицинского офиса осуществлялись правительством Египта (дело Arab Republic of Egypt v GAmal-Eldin) [Демин, 1995].

Самый большой в мире посольский комплекс - это российское посольство, расположенное в северо-восточной части центра Пекина. Участок земли площадью 16 га занимает территорию бывшей Русской духовной миссии, принадлежавшей Русской православной церкви с 1782 года [Сакун, 2022]. На территории посольства сохранилось несколько исторических памятников, библиотека Русской духовной миссии, средняя школа, детский сад, спортивные площадки, жилые дома и другие объекты[4].

Здания, используемые для дипломатического представительства, как правило, предоставляются дипломатическому представительству в долгосрочную аренду. В самой Конвенции 1961 года не освещается вопрос о правообладании этими помещениями, однако, согласно ст. 21, государство пребывания должно либо оказать содействие аккредитующему государству в приобретении на своей территории, согласно своим законам, помещений, необходимых для его представительства, либо оказать помощь аккредитующему государству в получении помещений каким-либо иным путем[5]. Согласно комментариям Комиссии международного

права ООН, предусматривается возможность приобретения помещений, используемых в целях дипломатического представительства, в собственность аккредитующим государствам, однако в случаях, когда законодательством государства пребывания это не допускается, власти государства пребывания обязуются оказать содействие в предоставлении необходимых помещений для дипломатического представительства[6].

Из всеобщей практики вытекает, что здания, используемые в качестве помещений дипломатического представительства, предоставляются государством пребывания в долгосрочную аренду. Например, здание посольства США в Москве предоставлено в безвозмездную аренду до 2054 года по договору аренды, заключенному в 1954 году сроком на 85 лет. Однако нередки случаи, когда власти аккредитующего государства приобретают здание или несколько зданий, используемых в целях дипломатического представительства, в собственность. Например, еще СССР после восстановления дипломатических отношений с Королевством Испания приобрел в собственность земельный участок площадью более 1 га в Мадриде (Испания) и построил здание, ныне принадлежащее дипломатическому представительству Российской Федерации в Испании.

Неприкосновенность помещений дипломатических представительств и консульских учреждений

Неприкосновенность в современном международном праве — это статус, предоставляемый помещениям, лицам или имуществу, фактически находящемуся на территории суверенного государства, но изъятого из-под его юрисдикции [Denza, 2016].

Согласно Венской конвенции 1961 года, помещения представительства неприкосновенны. Власти государства пребывания не могут вступать в эти помещения иначе, как с согласия главы представительства. На государстве пребывания лежит специальная обязанность принимать все надлежащие меры для защиты помещений представительства от всякого вторжения или нанесения ущерба и для предотвращения всякого нарушения спокойствия представительства или оскорбления его достоинства[7].

Помещения представительства, предметы их обстановки и другое находящееся в них имущество, а также средства передвижения представительства пользуются иммунитетом от обыска, реквизиции, ареста и исполнительных действий [Вылегжанин, 2021].

В комментариях КМП ООН говорится, что на государство пребывания статус неприкосновенности помещений накладывает следующие обязательства: во-первых, принимающее государство обязано не допускать проникновения своих представителей на территорию дипломатического представительства с какой бы то ни было официальной целью. Во-вторых, на государство пребывания возлагается особая обязанность принять все необходимые меры для защиты помещения от любого вторжения или повреждения, а также для предотвращения любых нарушений спокойствия представительства или оскорбления его достоинства. Принимающее государство должно предпринять особые меры, которые необходимы для выполнения его общей обязанности по обеспечению порядка функционирования дипломатического представительства[8].

Исходя из положений Венской конвенции 1961 года и комментариев КМП, можно констатировать, что власти государства пребывания обязуются, с одной стороны, воздерживаться от всех принудительных действий, направленных против помещений дипломатических представительств: не вступать в эти помещения и на территорию, прилегающую к ним, без согласия главы дипломатического представительства или временного поверенного, не проводить в этих помещениях обыски, не накладывать на здания арест и не предпринимать никаких других принудительных действий.

С другой стороны, власти государства пребывания обязуются обеспечивать неприкосновенность помещений дипломатических представительств от действий третьих лиц, именно с этой целью власти обязуются охранять здания представительств, патрулировать соответствующие кварталы и предпринимать иные меры для гарантии спокойствия и безопасности дипломатических представительств.

Согласно проекту Конвенции о дипломатических иммунитетах и привилегиях Гарвардской юридической школы 1932 года, «Государство пребывания должно запретить своим агентам любого из подведомственных ему учреждений вступать в помещения, используемые миссией или занятое членом миссии, без согласия главы миссии», ст. 3 ч. 1[9].

Неприкосновенность дипломатических помещений, имущества и архивов сохраняется и после отъезда дипломатических представителей и персонала из государства пребывания в случае разрыва дипломатических отношений, в частности в связи с объявлением войны [Левин, 1949].

Многие государства имплементируют в национальное законодательство обязательство по обеспечению неприкосновенности помещений дипломатических представительств и других зарубежных органов внешних сношений. Так, в российском праве соответствующие нормы предусмотрены в ФЗ «О федеральной службе безопасности» 1995 года, где к обязанностям органов Федеральной службы безопасности отнесено, в числе прочего, обеспечение во взаимодействии с органами внутренних дел безопасности представительств иностранных государств на территории Российской Федерации[10]. В ФЗ «О полиции» 2011 года говорится, что «Проникновение сотрудников полиции в жилые помещения, в иные помещения и на земельные участки, принадлежащие гражданам, в помещения, на земельные участки и территории, занимаемые организациями (за исключением помещений, земельных участков и территорий дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств, представительств международных организаций), допускается в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации»[11].

Из всеобщей практики вытекает, что здания, используемые в качестве помещений дипломатического представительства, предоставляются государством пребывания в долгосрочную аренду.

Что касается неприкосновенности помещений консульских учреждений, согласно ст. 1 Венской конвенции о консульских сношениях под консульскими помещениями следует понимать здания или части зданий, используемые исключительно для целей консульского учреждения, и обслуживающий данное здание земельный участок, кому бы ни принадлежало право собственности на них.

Эффективность работы консульского учреждения, которая осуществляется под контролем дипломатического представительства в тесном контакте с ним, зависит в значительной мере от степени иммунитета консульского помещения [Ильин, 1969]. Так, согласно ст. 31 Венской конвенции о консульских сношениях 1963 года, «Власти государства пребывания не могут вступать в ту часть консульских помещений, которая используется исключительно для работы консульского учреждения», иначе как с согласия главы консульского учреждения, назначенного им лица или главы дипломатического представительства представляемого государства.

На государстве пребывания лежит специальная обязанность принимать все надлежащие меры для защиты консульских помещений от всяких вторжений или нанесения ущерба и для предотвращения всякого нарушения спокойствия консульского учреждения или оскорбления его достоинства. Помещения пользуются иммунитетом от любых видов реквизиций в целях государственной обороны или общественных нужд[12]. Запрещение вступать в консульские помещения без согласия главы консульского учреждения носит практически неограниченный характер: его несогласие лишает принимающее государство какой-либо правовой возможности вступать в служебные помещения консульского учреждения [Плотникова, 1998].

В случае отсутствия главы консульского учреждения такое согласие может дать должностное лицо, исполняющее обязанности главы консульского учреждения, либо глава дипломатического представительств, а в отдельных случаях МИД представляемого государства. Неправомерно вступление властей принимающего государства в служебные помещения консульского учреждения с согласия членов консульского персонала, а не главы представительства (консульского или дипломатического) [Алексиева, 2006].

Неприкосновенность дипломатических помещений, имущества и архивов сохраняется и после отъезда дипломатических представителей и персонала из государства пребывания в случае разрыва дипломатических отношений, в частности в связи с объявлением войны.

Особый интерес представляет норма, закрепленная в ст. 31 Венской конвенции 1963 года о том, что в случае пожара или другого стихийного бедствия, требующего безотлагательных мер, согласие главы консульского учреждения для вступления в помещения, используемые в целях консульского учреждения, предполагается. В доктрине эта норма получила название «пожарной оговорки». Против такой формулировки возражали многие участники конференции 1963 года. Итоговый, «сослагательный» характер окончательной формулировки все-таки менее опасен для неприкосновенности консульских помещений, поскольку содержит известный элемент сомнения относительно того, есть ли основания полагать, что консул согласен на то, чтобы власти страны пребывания вошли в помещения консульства [Пустовалова, 2003].

Однако практика применения «пожарной оговорки» весьма не однозначна. Одна группа государств выступает за отказ от «пожарной оговорки» и в консульских конвенциях закрепляют абсолютную неприкосновенность помещений, используемых в целях консульских учреждений. Так, согласно ст. 17 Консульской конвенции между США и СССР 1964 года, «Здания или части зданий, используемые исключительно для целей консульского учреждения, а также земельный участок, обслуживающий данное здание или его часть - неприкосновенны. Полиция или другие власти государства пребывания не могут вступать в здание или часть здания, используемые для целей консульского учреждения без согласия на это главы консульского учреждения, назначаемого им лица или главы дипломатического представительства представляемого государства»[13]. Из формулировки данной статьи очевидно, что договаривающиеся стороны отказываются применять «пожарную оговорку» в отношении помещений своих консульских учреждений.

Другая группа государств, напротив, подтверждает применимость «пожарной оговорки» в двусторонних консульских конвенциях. Так, согласно Консульской конвенции между Россий-

ской Федерацией и Республикой Таджикистан от 1996 года, «Власти государства пребывания не могут вступать в ту часть консульских помещений, которая используется исключительно для работы консульского учреждения, иначе как с согласия главы консульского учреждения, или главы дипломатического представительства государства, или назначенного одним из них лица. Если не будет прямого отказа со стороны упомянутых лиц, то в случае пожара или другого стихийного бедствия, требующего безотлагательных мер защиты, власти государства пребывания могут вступать в консульские помещения»[14]. Аналогичные нормы содержатся в консульских конвенциях с КНР, Казахстаном, Киргизией и рядом других государств.

Еще одним новшеством в правовом статусе неприкосновенности помещений консульских учреждений является допустимость отчуждения этих помещений в целях государственной обороны или общественных нужд с гарантией со стороны властей государства принять все возможные меры во избежание нарушения в выполнении консульских функций и безотлагательно выплатить компенсацию. Это исключение принципиально отличает Венскую конвенцию о консульских сношениях 1963 года от Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 года, в которой зафиксирована полная неприкосновенность помещений дипломатических представительств. Ослабление неприкосновенности консульских помещений явилось причиной того, что многие государства длительное время не становились участниками Венской конвенции 1963 года, включая Советский Союз, который присоединился к данной конвенции только в 1989 году [Бобылев, 2010].

Практические аспекты в реализации иммунитета неприкосновенности помещений дипломатических представительств и других органов внешних сношений

Последние годы дипломатическая практика изобилует примерами нарушений дипломатических иммунитетов и привилегий и одним из самых уязвимых иммунитетов стала неприкосновенность помещений, используемых в целях не только дипломатических представительств, но и других органов внешних сношений.

Так, 29 декабря 2016 года Президент США Барак Обама ввел ограничительные меры в отношении имущества дипломатического представительства и консульских учреждений России. Речь идет о базах отдыха Посольства РФ в Вашингтоне и Постоянного представительства при ООН в Нью-Йорке, особняке Торгового представительства в Вашингтоне, двух помещениях в Сан-Франциско (Генконсульство и резиденция генконсула) и одном в Сиэтле (резиденция генконсула). Был закрыт доступ в две загородные резиденции дипломатического представительства России в штатах Нью-Йорк и Мэриленд. Белый дом, сняв с российских объектов дипломатическую неприкосновенность, ссылался на американский Закон об иностранных миссиях 1982 года.

Согласно этому закону, недвижимое имущество включает в себя любое право владения или безвозмездного пользования недвижимым имуществом, находящимся в Соединенных Штатах, включая любой офис или другое здание[15]. В законе ничего не говорится о допустимости и об основаниях отчуждения или ограничения доступа в помещения, используемые в целях дипломатического представительства и других органов внешних сношений. Более того, США, как любое другое государство - участник Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 года, обязуется выполнять обязательства, возложенные конвенцией на власти государства пребывания, с целью обеспечения статуса неприкосновенности помещений дипломатических представительств.

Еще одним вопиющим случаем нарушения неприкосновенности дипломатической собственности стало решение польских властей заморозить банковские счета дипломатического представительства Российской Федерации в Польше в феврале 2022 года.

С 24 февраля 2022 года по настоящее время объектами наиболее агрессивных действий стали российские дипломатические и консульские учреждения, культурные представительства. Здание Посольства России во Франции злоумышленники забросали пакетами с краской. Стенды у Генконсульства РФ в Страсбурге облили краской. 24 февраля 2022 года неизвестные напали на здание Посольства России в Праге. Нападавшие попытались прорваться на территорию учреждения, разбили камеры видеонаблюдения и забросали здание посольства различными предметами.

В 2022 году Правительство Австралии в одностороннем порядке приняло решение о прекращении действия Договора аренды земельного участка, предоставленного под строительство нового здания Посольства Российской Федерации. В качестве аргумента австралийская сторона сослалась на то, что Россия не завершила строительство здания посольства в течение трех лет с момента выдачи разрешения на строительство и незавершенное строительство наносит ущерб общему виду города. Посольство России в Канберре в мае 2023 года обратилось в Федеральный суд Австралии, чтобы оспорить это решение, однако суд отменил рассмотрение. Переговоры по дипломатическим каналам вокруг сложившейся ситуации ведутся до сих пор, необходимо добиться обеспечения принимающей стороной благоприятных условий для деятельности российского дипломатического представительства.

Вопиющим случаем нарушения неприкосновенности дипломатической собственности стало решение польских властей заморозить банковские счета дипломатического представительства Российской Федерации в Польше в феврале 2022 года.

Все эти вышеперечисленные случаи нарушений дипломатических иммунитетов и привилегий подтверждают «авторское прочтение» Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 года и Венской конвенции о консульских сношениях 1963 года, где предусмотрено безоговорочное обязательство властей государства пребывания соблюдать неприкосновенность помещений, используемых в целях этих органов и недопустимость каких-либо принудительных мер, направленных против них.

На практике по поводу нарушения неприкосновенности помещений дипломатических представительств, консульских помещений и других органов внешних сношений глава дипломатического представительства или МИД аккредитующего (представляемого) государства заявляет протест и требует компенсации материального ущерба и наказания виновных. Международно-правовых норм на сей счет не предусмотрено, и, очевидно, при разрешении таких ситуаций следует руководствоваться принципами взаимности [Искевич, 2014].

Одним из самых дискуссионных вопросов в практике обеспечения неприкосновенности помещений, используемых в целях зарубежных органов внешних сношений, остается допустимость нарушения неприкосновенности со стороны властей государства пребывания в случае форс-мажора или других обстоятельствах непреодолимой силы. Специальный докладчик Комиссии международного права ООН г-н Сандстрем в проекте статей о дипломатических сношениях и иммунитетах 1958 года, который позже лег в основу

Венской конвенции 1961 года, предложил, что «исключение из общего правила неприкосновенности помещений может допускаться в чрезвычайных ситуациях, чтобы устранить серьезную и неминуемую опасность для человеческой жизни, здоровья населения или имущества»[16].

Возникают вопросы: что на практике рассматривать в качестве чрезвычайной ситуации и как не допустить злоупотребления этим правом со стороны властей государства пребывания? Государства при обсуждении проекта Конвенции о дипломатических сношениях 1961 года сошлись во мнении, что нормативное закрепление права на нарушение неприкосновенности помещений дипломатических представительств со стороны властей государства пребывания создаст на практике право на злоупотребление этой нормой и негативно отразится на уровне двусторонних отношений [Нагиева, 2022].

Именно по этой причине в Конвенции 1961 года была закреплена норма о безоговорочной неприкосновенности помещений, используемых в целях дипломатических представительств. Хотя некоторые государства все же внесли свои оговорки. Так, Мексика, Испания выступили за то, что глава дипломатического представительства может запрашивать помощь властей государства пребывания в случаях пожара, эпидемий или других чрезвычайных ситуаций. Ирландия и Япония сделали оговорки относительно допустимости нарушения неприкосновенности помещений в исключительных случаях со стороны властей государства пребывания с целью принятия необходимых мер для защиты жизни и имущества [Behrens, 2017].

❑

Институт дипломатических иммунитетов и привилегий составляет основу правовой защиты дипломатических представительств и других органов внешних сношений и нацелен на обеспечение беспрепятственного функционирования этих органов за рубежом. Невзирая на широкую правовую регламентацию этих иммунитетов и привилегий в рамках международного права, на уровне двусторонних соглашений и в рамках национально-правовых систем наблюдается некая хаотичность в соблюдении отдельных иммунитетов и привилегий. Государства, пренебрегая своими международно-правовыми обязательствами, вводят односторонние ограничения и новые требования в отношении дипломатических привилегий и иммунитетов. Безусловно, подобные действия подрывают эффективность деятельности зарубежных органов внешних сношений и создают серьезную для них угрозу.

Как уже было проиллюстрировано в статье, одной из наиболее уязвимых норм остается неприкосновенность помещений, используемых в целях дипломатических представительств и других органов внешних сношений.

Многочисленные акты нарушения иммунитета неприкосновенности помещений, упомянутые в статье, свидетельствуют об устойчивой тенденции по игнорированию некоторыми государствами международно-правовых обязательств, вытекающих как из общего международного права, так и из двусторонних соглашений по дипломатическому и консульскому праву.

Подобные противоправные действия отдельных государств свидетельствуют о некой негласной, западной тенденции к сужению дипломатических иммунитетов и привилегий в национальных интересах. В ответ необходимо усилить меры безопасности в отношении российских зарубежных органов внешних сношений в некоторых странах, где они наиболее уязвимы, и пересмотреть с отдельными государствами договорные обязательства с целью закрепления ответственности договаривающихся сторон в случае нарушения дипломатических и консульских иммунитетов и привилегий.

[1]Проксенами в Античной Греции назывались должностные лица, назначаемые с целью защиты иностранных граждан, проживающих или пребывающих на территории какого-либо полиса. Претор - должностное лицо в Древнем Риме, выполнявший аналогичные проксенам в Античной Греции функции.

[2]Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 г., ст. 1, п. 1 // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/consular.pdf

[3]«The expression «premises of the mission» includes the buildings or parts of buildings used for the purposes of the mission, whether they are owned by the sending State or by a third party acting for its account, or are leased or rented. The premises comprise, if they consist of a building, the surrounding land and other appurtenances, including the garden and car park» - Draft Articles on Diplomatic Intercourse and Immunities with commentaries, 1958 // https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/9_1_1958.pdf

[4]Официальный сайт Посольства России в Китае // https://pekin.mid.ru/ru/embassy/about/

[5]Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 г., ст. 21, п. 1 // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml

[6]«The laws and regulations of a given country may make it impossible for a mission to acquire the premises necessary to it. For that reason the Commission has inserted in the draft an article which makes it obligatory for the receiving State to ensure the provision of accommodation for the mission if the latter is not permitted to acquire it» - Draft Articles on Diplomatic Intercourse and Immunities with commentaries, 1958 // https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/9_1_1958.pdf

[7]Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 г., ст. 22, п. 1, 2 // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml

[8]«From the point of view of the receiving State, this inviolability has two aspects. In the first place, the receiving State is obliged to prevent its agents from entering the premises for any official purpose whatsoever (paragraph 1). Secondly, it is under a special duty to take all appropriate steps to protect the premises from' any invasion or damage, and to prevent any disturbance of the peace of the mission or impairment of its dignity (paragraph 2). The receiving State must, in order to fulfil this obligation, take special measures-over and above those it takes to discharge its general duty of ensuring order»- Draft Articles on Diplomatic Intercourse and Immunities with commentaries, 1958 // https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/9_1_1958.pdf

[9]Harvard Research in International Law, Draft Convention on Diplomatic Privileges and Immunities of 1932 // American Journal of International Law. 1932 // Vol. 26. Issue 1. P. 15.

[10]Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. №40 «О Федеральной службе безопасности», с изменениями от 29 декабря 2022 г., п. н) ст. 12 // https://docs.cntd.ru/document/9011123

[11]Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. №3 «О полиции», с изменениями от 29 декабря 2022 г., п. 3 ст. 15 // https://docs.cntd.ru/document/902260215

[12]Венская конвенция о консульских сношениях 1963 г., ст. 31 // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/consular.pdf

[13]Консульская конвенция между Правительством СССР и Правительством США 1964 г. // https://docs.cntd.ru/document/1900612

[14]Консульская конвенция между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан 1996 г. // https://docs.cntd.ru/document/901892998

[15]«Real property» includes any right, title, or interest in or to, or the beneficial use of, any real property in the United States, including any office or other building» - Foreign Missions Act (22 U.S.C. 4301-4316) // https://2009-2017.state.gov/documents/organization/17842.pdf

[16]The Commentary on the relevant draft articles of the ILC in 1958 mentions that '[t] he inviolability of the mission premises is not the consequence of the inviolability of the head of the mission, butis an attribute of the sending State by reason of the face that the premises are used as the headquartersof the mission'. This sentence reveals the relationship between the significant role of mission premisesand their inviolability. See 'Draft Articles on Diplomatic Intercourse and Immunities' // ILC Yearbook. 1958. Vol. II. P. 95.

Источники и литература

1. *Aleksieva B.B.* Tendencii razvitija instituta konsul'skih privilegij i immunitetov [Trends in the development of the institution of consular privileges and immunities]. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni k.ju.n. [Dissertation for the scientific degree of Candidate of Legal Sciences]. M., 2006. P. 44-47.

2. *Blishhenko I.P.* Diplomaticheskoe pravo: uchebnoe posobie [Diplomatic law: textbook]. M.: Vysshaja shkola [Graduate School], 1990. 287 p.

3. *Bobyljov G.V.* Konsul'skoe pravo: Uchebnik [Consular Law: Textbook]. M.: Jurlitinform [Yurlitinform], 2010. 192 p.

4. *Vylegzhanin A.N.* Mezhdunarodnoe pravo: uchebnik [International law: textbook]. M.: Jurajt [Juright], 2021. 329 p.

5. *Demin Ju. G.* Status diplomaticheskih predstavitel'stv i ih personala: ucheb. Posobie [Status of diplomatic missions and their personnel: textbook. allowance]. M.: Mezhdunar. Otnoshenija [Intl. relationship], 1995. 224 p.

6. *Il'in Ju.D.* Osnovnye tendencii v razvitii konsul'skogo prava [Main trends in the development of consular law]. M.: Juridicheskaja literature [Legal literature], 1969. 148 p.

7. *Iskevich I.S.* Diplomaticheskoe i konsul'skoe pravo: ucheb. Posobie [Diplomatic and consular law: textbook. allowance]. Tambov. Izd-vo FGBOU VPO «TGTU» [Publishing house of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education «TSTU»], 2014. 136 p.

8. *Levin D.B.* Diplomaticheskij immunitet [Diplomatic immunity]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR [Diplomatic immunity]. 1949. 415 p.

9. *Nagieva A.A.* Lichnaja neprikosnovennost' sotrudnikov diplomaticheskogo predstavitel'stva: aktual'nye mezhdunarodno- pravovye voprosy [Personal integrity of employees of a diplomatic mission: current international legal issues]. MZhMP [MZhMP], 2022 (1). P. 65-77.

10. *Plotnikova O.V.* Konsul'skie otnoshenija i konsul'skoe parvo [Konsul'skie otnoshenija i konsul'skoe pravo] // Uchebnik dlja vuzov [Textbook for universities]. M., 1998. 201 p.

11. *Pustovalova N.V.* Mezhdunarodno-pravovye i nacional'no-pravovye aspekty konsul'skoj dejatel'nosti [International legal and national legal aspects of consular activities]. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni k.ju.n [Dissertation for the scientific degree of Candidate of Legal Sciences]. M., 2003. P. 29-33.

12. *Sakun O.F.* Diplomaticheskoe remeslo [Diplomatic craft]. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija [International relationships], 2022. 440 p.

13. *Samojlenko V.V.* Diplomaticheskaja sluzhba: uchebnoe posobie [Diplomatic Service: Study Guide]. M.: Norma: NIC INFRA-M [Standard: SIC INFRA-M], 2014. 336 p.

14. *Denza Eileen.* Diplomatic Law: Commentary on the Vienna Convention on Diplomatic Relations; Fourth edition. Oxford University Press, 2016. 556 p.

15. *Behrens Paul.* Diplomatic Law in a New Millennium. Oxford University Press, 2017. 414 p.

Наталия Бабекина

Действительный государственный советник РФ 3 класса, старший преподаватель Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации, преподаватель Московского технического университета связи и информатики

babekina@digital.gov.ru

Ключевые слова: *Интернет, ИКТ-технологии, духовно-нравственные ценности.*

ГЛОБАЛЬНЫЙ ИНТЕРНЕТ, ИЛИ ЧЕМУ РАВЕН УГОЛ ОТРАЖЕНИЯ

В свое время шли горячие споры о вреде и пользе электричества, путей сообщения и всяких других «новинок» и изобретений. Оно благополучно закончилось, как и теперь уходят в прошлое штампованные, набившие оскомину фразы о том, как современные технологии «развиваются небывалыми темпами», «уверенно шагают по планете, формируя прогрессивную цифровую эру», «создают не только сети, но и нового человека»; как проникают «во все поры» человеческой жизни, сферы труда, науки, культуры, досуга, образования, государственного управления. Удивительно, насколько пассивную роль отводило в этих дискурсах международное сообщество самому Человеку (непозволительно пассивную), поскольку за любым таким процессом в первую очередь стоят его непосредственные действия. Не могут технологии сами по себе ни разрабатываться, ни совершенствоваться, ни внедряться. Это осознанные действия, имеющие под собой конкретную метафизику в виде целей и задач.

Сейчас по факту мы имеем еще одно привычное явление/удобство в виде Интернета - средства общения - это раз, информационного ресурса - это два, рабочего инструмента - три, бытового сервиса - четыре, способа влияния - пять… Список можно существенно расширить. Между тем здесь важно помнить, что это всего лишь средство и инструмент - как ка-

рандаш, автобус или эскалатор, который не должен трансформироваться в альтернативную реальность и занимать (отнимать) все больше и больше времени, а тем более превращаться в поле ведения гибридных и кибервойн. Существует и другая крайность - многие воспринимают ИКТ-технологии буквально как средство решения всех имеющихся проблем, вплоть до научно-абсурдных вопросов бессмертия: отрабатываются идеи физического бессмертия, трансгуманизма, крионики, «киборгизации» с помощью высокотехнологичных изобретений.

Каких-то 20-30 лет назад люди скрупулезно подсчитывали время, затраченное на дорогу. Добираться час-полтора до работы/учебы общественным транспортом или простаивать в автомобильной пробке раздражало примерно одинаково. В последнее время все меньше считают и чувствуют: от мала до велика общество перетекло в «пространство цифры». Теперь неважно сколько куда ехать, можно быть спросонья на связи, направить скорректированный документ, доклад, аналитическую справку, прямо из метро участвовать в различных конференциях и совещаниях, получить данные из электронной медкарты, поднимаясь на лифте оплатить счета ЖКХ и т. д.

С одной стороны, время вроде бы ценится и экономится (по крайней мере для этого все и делалось), используется более эффективно (должно), но, с другой стороны, став живой частью Всемирной паутины, человек перестал выстраивать приоритеты и последовательные процессы, планировать - все на ходу, все параллельно. Параллельно с цифровой реальностью. Мы непрестанно находимся в зоне информационного влияния, живем в мета-Вселенной, в Интернет-цивилизации.

Не могут технологии сами по себе ни разрабатываться, ни совершенствоваться, ни внедряться. Это осознанные действия, имеющие под собой конкретную метафизику в виде целей и задач.

Обратимся к недавней статистике[1]. За минусом рабочего времени, которое человек проводит в Сети, почти треть россиян определило свою ежедневную норму в 2-3 часа, порядка 20% назвали нормой 1-2 часа, 18% - 4-6 часов, 15% провели в Интернете более 6 часов. Учтем, что человек работает в среднем 10-12, а то и 14 часов в день (переработки и ненормированные рабочие дни также посчитаем), прибавим указанные показатели и получим еще более серьезные цифры.

Порядка 37% опрошенных свой первый визит в Сеть осуществляют сразу после пробуждения. Примерно 25% - за завтраком, 17% - по дороге на работу/учебу. А вот 21% респондентов заявили, что Интернет для личных нужд использовали уже вечером («свежо предание, но верится с трудом»). Чаще всего в Интернете читали новости - так сообщили 49% россиян. Полезную информацию искали 24%; 20% играли, 7% подрабатывали. Стало интересно, насколько эти данные соответствуют реальности, поэтому был проведен небольшой опрос среди ближайшего окружения. Опрошено было 254 человека на предмет «что чаще всего делаете в Интернете». Вариантов ответов не предлагалось. Результаты: «просто туплю», «да ничего особо» - 52 человека; «убиваю время» - 38; «играю, а что?» - 44, «сам не знаю, привычка» - 23; «переписываюсь» - 18; «читаю» - 11; «заказываю еду/одежду» - 68.

Обращаясь к вышеуказанной аналитике медиахолдинга «Rambler&Co», на вопрос, какого гаджета с выходом в Интернет им не хватает в повседневной жизни, 37% назвали домашнего робота-помощника, 28% хотят компактные очки дополненной реальности

с многочисленными функциями, в том числе для работы, 25% - беспилотный автомобиль, а 10% уже мечтают о нейрочипе, вживленном в собственное тело.

Парадокс нового времени заключается в том, что с развитием технологий исчезает человек. Он растворяется в технологической системе, делегируя ей свои высшие психические функции: память, внимание, волю и мышление, нисколько не противясь происходящему - лишь бы ему самому было всего поменьше делать и почаще ни за что не отвечать. Главное становится второстепенным, а далее и вовсе стирается из повестки дня.

Конечно, непростительно и наивно обвинять меч в убийстве, вино в пьянстве, новые технологии - в расслабленности и распущенности. Положительный или отрицательный заряд процессам и предметам придает все равно человек.

Не без тревоги приходится констатировать, что примеров, описанных Хорхе Луисом Борхесом в рассказе «Фунес, чудо памяти», в современной жизни мы не встречаем. Знать всех солдат своих многочисленных армий по именам (от количества паролей, которые приходится помнить, иной раз не знают куда и деться), уметь вершить правосудие на 22 языках (вершить судьбы, а не оперировать набором фраз «добрый день, спасибо, как добраться до аэропорта») и сопоставлять контуры южных облаков с изгибами на книжной бумаге мы объективно не способны. Хотя даже в те времена такие случаи были фантазийными и уникальными, сейчас увидеть в нашей обычной жизни подобное, мягко говоря, еще труднее: расписание дня - глаза в телефон, маршрут до места назначения через две параллельные улицы - туда же.

Интернет запустил волну информационного цунами, и теперь информации становится все больше, а времени переварить и осмыслить ее - все меньше. Мы не успеваем соотнести одно, другое, третье и собрать их во что-то единое.

Кто написал «Божественную комедию»? Сколько было братьев Карамазовых и кто убил отца? Отчество изобретателя радио Александра Попова? Год основания Москвы? Сколько башен у Кремля? А куполов на Соборе Василия Блаженного? Практически на любой вопрос перед конкретным ответом всегда будет конструкция - «надо посмотреть в Интернете». Интернет развивается - человек расслабляется. Современный человек устранился от одних проблем и одномоментно взвалил на себя гору других. Хотя, казалось бы, все должно было бы инициировать более серьезные и ответственные процессы.

Везде много говорится про интернет-безопасность, информационную безопасность, цифровую гигиену, а что происходит на деле? «Отдыхающая», надеющаяся на Всемирную паутину и ее ресурсы память напрочь забывает о тренировке и диктует все более халатное отношение к нешуточным вещам: современные средства и системы защиты данных предлагают ряд итераций, пользоваться которыми попросту «лень и неохота». Пройти многоступенчатую аутентификацию - нет, спасибо, это сложно. Надо быстрее, на бегу - не хочется трудиться со сложными паролями - их так много, что нет желания запоминать. Нет такой способности уже запоминать много разных и сложных комбинаций, поэтому пользователи сами выдают ключи от ценной информации.

Подобно тому, как мышцы при отсутствии физической нагрузки теряют тонус и превращаются в дряблую массу, человеческая память, опять же, не имея необходимой и достаточной нагрузки, влечет за собой растренированность воли и внимания, ведет к их дистрофии и препятствует объективному мышлению, критическому мышлению, способности «адекват-

но тестировать реальность». Также это обедняет и укорачивает прошлое человека, мешает планировать будущее, выстраивать причинно-следственные связи, выхолащивает его осознанную личную (собственную) историю. Некоторые специалисты-аналитики считают, что результатом делегирования Интернету памяти и воли человека является утрата связности его существования во времени. Целостность его внутренней биографии в единстве прошлого, настоящего и будущего дробится, распадается на эпизоды и фрагменты.

Кроме этого, цифровое пространство как таковое не предназначено для развития мышления: оно предлагает готовые алгоритмы, готовые решения. Дефицит мышления является даже более губительным, чем слабость целеполагания и памяти, так как в том числе отвечает за единство самосознания человека. Оно же является механизмом, который обеспечивает единство окружающего мира, соединяя сетью абстрактных отношений мозаику воспоминаний и событий, желаний и переживаний - всего того, что без работы мысли дано нам фрагментарно и изолированно.

Работа мысли - основа целостной картины мира и целостности самосознания. Именно потому, что мышление очеловечивает психику и делает нас людьми, человек как вид и носит название «Homo Sapiens». Но в виртуальном мире живется проще, чем в реальном, и мысль там не столь востребована. Вовремя нажал клавишу - одержал победу, изменил внешность, нашел готовое решение. Система образования также двинулась по пути упрощения: прагматика частных методов и алгоритмов вытесняет стремление осмыслить сложный объект и мир в целом. Интернет запустил волну информационного цунами, и теперь информации становится все больше, а времени переварить и осмыслить ее - все меньше. Мы не успеваем соотнести одно, другое, третье и собрать их во что-то единое.

Системность мышления и миропонимания становится забытой и мало востребованной способностью.

Помимо вышеупомянутых пяти пунктов, Интернет сопоставляют с нервной системой современной цивилизации, а данные, содержащиеся в Сети, называют новой нефтью. Интернет, без сомнения, является индикатором нравственного состояния общества, неким градусником. Каково же оно, это состояние? По законам физики угол падения всегда равен углу отражения. Когда мы говорим о борьбе с противоправным контентом и пытаемся развивать программы по цифровой гигиене, когда осуждаем участившиеся случаи кибермошенничества, разрабатываем документы международного масштаба по борьбе с киберпреступностью и кибертерроризмом, мы боремся с плесенью, забывая, что избавляться надо от сырости.

Что здесь имеется в виду? Вспоминая известный советский мультфильм «Крошка енот», который в пруду видел сначала злобного зверька, а уже потом - улыбающегося дружелюбного енота, можно отметить, что оба образа были его собственным лицом, просто в разных состояниях. Интернет-контент и все процессы в этом информационном ресурсе - это большое зеркало, в котором мы видим отражение современного общества: чем, как, почему и для чего живет современный человек.

Одна из задач современности - оздоровить информационное пространство, сделать его нравственным, безопасным, полезным, интеллектуально богатым; словом, обычным инструментом, которым можно пользоваться во благо и без риска, а не отстраняться, как от зловонного болота. И это большая кропотливая работа, где, кстати, место найдется каждому «стейкхолдеру». Закон не всегда имеет обратную силу, но в данном случае, вполне может сработать: по мере очистки содержимого внутри мониторов есть вероятность того, что и сидящие перед экраном начнут мыслить богобоязненно, высоко и чисто.

Чем более бытовым становится Интернет, тем меньше мы обращаем внимание на его побочные эффекты. Коэффициент полезного действия кажется настолько внушитель-

ным, что на негативные проявления хочется просто закрыть глаза и умножить их на ноль. Но при этом проблема не исчезает тогда, когда ты просто перестал считать ее проблемой. На память приходит такая замечательная иллюстрация: маленькие детишки играют в прятки - закрывают глаза ладошками и ничего не видят: «Отлично я спрятался, коль скоро ничего не вижу. Не вижу я, следовательно, не видно и меня». Ситуация была бы крайне забавной, если бы не несла в себе серьезные опасности. Киберпреступность, кибертерроризм, вирусы, мошенничество, дипфейки, распространение детской (и не только) порнографии, проявления насилия - список тоже можно дополнять - все это требует решительных действий ответственных лиц.

Именно об этих моментах Россия заявляла на международных площадках и делала все возможное для того, чтобы вместе со всеми странами разработать, согласовать и далее закрепить в высокоуровневых документах основные правила, которыми должны руководствоваться все участники глобального информационного пространства. Западная коалиция продолжает трубить о бесконечных правах в Интернете, продвигать пустословные темы «экологии в Интернете», «прав животных в Сети» и т. д.

Отчетливо звучит разумный голос нашей страны, который продолжает настаивать на том, что права как онлайн, так и офлайн должны существовать в неразрывной связке с такой же степенью ответственности.

Все больше плодится и размножается бесполезный шум, однако отчетливо звучит разумный голос нашей страны, который продолжает настаивать на том, что права как онлайн, так и офлайн должны существовать в неразрывной связке с такой же степенью ответственности. Надо при этом сказать, что Россия чуть ли не единственная страна, которая борется за ответственность - все остальные ратуют только за права и свободы, творить что угодно и когда угодно. Чтобы прав было неисчислимо много, а ответственности никакой, потому как ответ за деяния «ограничивает свободу слова».

Несмотря на то, что про информационно-коммуникационные технологии, цифровые трансформации экономик, отраслей, международных отношений и жизнедеятельности в принципе говорят все и всюду, причем часто это люди, не имеющие профессионального представления и понимания (не то что образования) по существу большинства вопросов, сфера связи и ИКТ по-прежнему является отраслью стратегического назначения, требующей серьезного инженерного подхода как к дискуссионным аспектам, так и к аспектам практической реализации. То, что тема «хайповая», «трендовая», сомнений нет, и какой же форум или конференция обходится сейчас без «цифры»? Далее эти обсуждения попадают в Сеть и копируются, распространяются, комментируются. На основе такой информации делаются выводы, строятся мнения, принимаются решения. Насколько подобного рода процессы способны принести «пользу» нашему общему будущему, большой вопрос.

Анализируя современные характеристики онлайн-среды, можно попытаться обрисовать портрет человека цифрового будущего. Предстает перед нами объект, живущий моментами и фрагментами. Он утрачивает способность ценить и понимать мир в его единстве. Человек цифровой эпохи перескакивает из эпизода в эпизод и меняется так быстро, что почти не помнит и не понимает самого себя. Вместе с тем выводимые образы будущего всецело зависят от того, что мы считаем важным в настоящем, какие тренды и сценарии ставим во главу угла. А само

будущее зависит от того, какие из них мы поддерживаем, а каким противодействуем, какого будущего мы хотим (и какого не хотим) как для самих себя, так и для наших будущих поколений.

Здесь особенно стоит обратить внимание на Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», который в полной мере констатирует текущие условия глобального цивилизационного и ценностного кризиса, ведущие к утрате человечеством традиционных духовно-нравственных ориентиров и моральных принципов. Документ предусматривает осмысление социальных, культурных, технологических процессов и явлений с опорой на традиционные ценности и накопленный культурно-исторический опыт, позволяющий нашему народу своевременно и эффективно реагировать на новые вызовы и угрозы, сохраняя общероссийскую гражданскую идентичность.

Также, в соответствии с данным Указом, к традиционным ценностям относятся: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

При этом к угрозам и рискам для традиционных ценностей относятся в том числе действия и деятельность экстремистских и террористических организаций, отдельных средств массовой информации и массовых коммуникаций, действия Соединенных Штатов Америки и других недружественных иностранных государств; идеологическое и психологическое воздействие на граждан, влекущее за собой насаждение чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей, включающей культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру, разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений. Подобная деструктивная идеология усиленно продвигается коалицией западных стран в глобальном информационном поле с использованием всевозможных средств ИКТ.

Ввиду этого планируется проводить соответствующие реформы в области образования и воспитания, культуры, науки, средств массовой информации и массовых коммуникаций в целях сохранения и укрепления традиционных ценностей, пресечения распространения деструктивной идеологии; развивать и совершенствовать формы и методы противодействия рискам, связанным с распространением деструктивной идеологии в информационном пространстве.

Таким образом, наша общая цель - обеспечить выполнение нехитрого закона: существенно отразить угол падения. Стремиться не просто вперед, но вперед и вверх.

Насколько сейчас наш общий портрет - портрет современного общества - неказист и уродлив, настолько в будущем мы должны его исправить. Сделать его лицо по-настоящему достойным, красивым, благородным. Для этого всем необходимо долго и усердно трудиться, в том числе в части пересмотра глобальной информационной повестки, в сотрудничестве с дружественными государствами.

---

[1]Приведена аналитика медиахолдинга «Rambler&Co» за 2023 г. Опрос проходил на ресурсах медиахолдинга «Rambler&Co» с 1 по 9 января 2024 г., охват составил более 200 тыс. (205 559) интернет-пользователей, среди которых 51% мужчин и 49% женщин.

Егор Леонов

Политолог, кандидат исторических наук

leonovgeorge@gmail.com

Ключевые слова: *искусственный интеллект, нейросети, выборы, фейки, дипфейки.*

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ВЫСТРАИВАНИЮ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ (ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН)

Первые признаки цифровизации избирательных процессов в системном виде были отмечены в ходе президентских выборов США 2008 года, которые дали импульс дальнейшему развитию так называемых «электронных выборов» и обеспечили Бараку Обаме репутацию «первого президента социальных сетей». С этого момента интернет-технологии зарекомендовали себя в качестве основного канала коммуникации и взаимодействия с избирателями. Квинтэссенцией технологического прогресса стали выборы 2024 года в США - первые в мировой практике в условиях широкого использования искусственного интеллекта (ИИ) и нейросетей.

Задачи применения ИИ в избирательной системе обычно подразделяют на организационно-технические и информационные. Существует также подход по классификации инструментов применения ИИ по принципу электоральных периодов: предвыборный, выборный и поствыборный.

На предвыборном этапе ИИ-алгоритмы повышают точность консолидации и управления списками избирателей, регистрации граждан - в том числе по биометрическим данным

(черты лица, радужная оболочка глаза, отпечатки пальцев и др.) для обеспечения целостности избирательного процесса. Биометрические системы регистрации (Biometric Voter Registration, BVR) активно тестируются или внедряются для проверки личности и права голоса. В целом в том или ином формате, по данным неправительственной организации IDEA (Международный институт демократии и содействия выборам), около 35% из 130 исследованных стран используют биометрическую информацию для регистрации избирателей[1].

Лидерами по применению технологии BVR являются страны Африки и Латинской Америки - это объясняется менее жесткими требованиями к вопросам сбора персональных данных. В других регионах, как правило, еще только создается правовая база и проводятся испытания. Например, в Индии постепенно тестируются технологии регистрации по отпечаткам пальцев, лицу и радужной оболочке глаза[2]. Дискуссии на тему внедрения биометрических практик верификации проводятся и в России - в 2024 году обсуждалась перспектива применения этой технологии в Москве[3].

Кроме того, ИИ-алгоритмы оказывают содействие в аудите списков избирателей на предмет вычленения повторных регистраций, анализе данных избирателей и их сопоставлении с информацией из иных источников для обеспечения прозрачности. Например, в Индонезии функционируют соответствующие ИИ-инструменты фильтрации.

На этом же этапе существует опыт ряда стран по использованию инструментов моделирования для оптимального размещения избирательных участков и распределения иных ресурсов (кабины для голосования, бюллетени, оборудование, работники избирательных комиссий и т. д.), что значительно экономит время и сокращает расходы. Здесь же важны вопросы безопасности - ИИ дает рекомендации по оптимальному расположению мест для голосования с учетом оценки потенциальных рисков насилия.

Квинтэссенцией технологического прогресса стали выборы 2024 года в США - первые в мировой практике в условиях широкого использования искусственного интеллекта (ИИ) и нейросетей.

В информационном плане на предвыборном этапе ИИ облегчает процесс сбора данных об избирателях (в том числе посредством опросов), включая их симпатии/антипатии и предпочтения, а также апробируются ИИ-модели в интересах информационной поддержки электоральных кампаний кандидатов и мобилизации избирателей. В последнем случае ИИ масштабировал агитацию до такого уровня, когда так называемая «синтетическая пропаганда» создает целые «фабрики смыслов» и «лаборатории образов будущего»[4].

ИИ осуществляет отбор коммуникационных стратегий в целях адаптации агитации под целевые группы населения. Особенно важен технологический подход для увеличения вовлеченности общественности в избирательные процессы - например, для привлечения людей, традиционно не участвующих в избирательных процессах. В этих целях создается таргетированная реклама с учетом личностных предпочтений различных демографических групп.

Важным треком работы является молодежь, которая задает новые цифровые стандарты. Ярким примером ответной реакции на запрос молодых людей является тестирование и постепенное внедрение технологии цифровых двойников и аватаров кандидатов, способных благодаря большим языковым моделям (Large Language Model, LLM), обученным на основе массива данных (видеозаписи, цитаты и др.), полноценно коммуницировать с аудиторией.

Применение аватаров объясняется также попыткой вовлечения молодого поколения к построению прямой демократии и подготовке аудитории к новым формам взаимодействия политиков и гражданского общества.

Так, в 2022 году в ходе выборной кампании Президент Южной Кореи Юн Сок Ёль использовал цифровой двойник на базе ИИ, позволивший ему вести агитацию сразу в нескольких районах страны. Выбор такого инструмента в агитации обусловлен популярностью индустрии K-pop среди корейской молодежи. Похожий политический маневр в виде аватара был применен на выборах в законодательное собрание Дели (Индия) в 2020 году.

Важность работы с поколением «зуммеров», составляющих 30% населения планеты, понимают и в Европе, где ряд политических партий также внедряют аватаров и апробируют ИИ-инструменты генерации контента. Например, в Великобритании предприниматель Стив Эндакотт стал известен благодаря аватару «ИИ Стиву», чтобы, с его слов, «преодолеть разрыв между представителями и представленными». В свою очередь, партии «Альтернатива для Германии» (АдГ) удалось занять в ФРГ второе место на выборах в Европарламент благодаря насыщению инфополя адаптированным под молодежь контентом[5].

ИИ осуществляет отбор коммуникационных стратегий в целях адаптации агитации под целевые группы населения. Особенно важен технологический подход для увеличения вовлеченности общественности в избирательные процессы.

Что касается выборного этапа, фокус делается на мониторинге, обнаружении и реагировании на фейки посредством ИИ-технологий. Нейронные сети позволяют сэкономить временной ресурс и оперативно купировать дезинформацию. Здесь важен точно выстроенный механизм взаимодействия между участниками электорального процесса, платформами соцсетей, а также частными компаниями и НПО, специализирующимися на разработках ИИ-алгоритмов.

В выборной период существует также необходимость оперативного инцидент-реагирования. Например, большие языковые модели могут мониторить соцсети и с высокой точностью вычленять сообщения об инцидентах, потенциальных актах насилия на избирательных участках и других локациях, а также иных кризисных ситуациях в интересах обеспечения безопасности. Важен трек по отслеживанию комментариев пользователей с критикой или рекомендациями для выстраивания обратной связи и минимизации негативного информационного фона. Чат-боты способны в круглосуточном режиме отвечать на вопросы избирателей и выстраивать различные формы взаимодействия, экономя время для политтехнологов.

На поствыборном этапе ИИ может быть применен для аудита, подведения выводов и оценки эффективности распределения ресурсов, финансирования кампании, информационной работы и др. Обобщение данных производится, в частности, через статистические модели ИИ.

Однако внедрение ИИ и нейросетей в электоральных процессах сопряжено с определенными рисками.

Во-первых, довольно часто ИИ страдает алгоритмичной уязвимостью, или так называемыми генеративными «галлюцинациями», сопровождающимися ошибочными выводами и несоответствиями, что является критичным в такой чувствительной сфере, как выборы, и требует человеческого контроля.

Ошибки, допускаемые нейросетями, могут привести к прямой дискриминации - например, лишить избирателей законного голоса под предлогом ошибочной фиксации повторной регистрации или невозможности сопоставления подписей и биометрических данных.

Во-вторых, довольно остро стоит проблема кражи персональных данных, манипуляции избирателями и других видов мошенничества, что может стать фактором, отпугивающим людей от участия в электоральных процессах.

В-третьих, одной из наиболее распространенных целей применения ИИ является генерация дезинформации. Так, поисковые алгоритмы соцсетей содействуют одним политическим силам в дискредитации других. Одним из наглядных примеров политической борьбы в соцсетях является ситуация вокруг выборов в Европарламент в 2024 году, когда разгорелся скандал из-за якобы наличия сговора между партией АдГ и платформой «TikTok» в целях программирования поискового алгоритма. Обвинения сводились к тому, что поисковая система предлагала пользователям рекомендации, очерняющие репутацию конкурентов с привязкой к их личной жизни, или случайные поисковые предложения (например, при поиске контента партии «Зеленые» предлагалось «жена Хабека уходит», при поиске Социал-демократической партии Германии - «бисексуальная принцесса» и др.). Формат представляет собой пустой кликбейт, не подкрепленный реальными видео- и фотоматериалами[6].

Серьезные риски связаны с распространением технологии дипфейк по мере появления мощных графических процессоров. Одним из наиболее популярных форматов дипфейка является мнимое видео-признание конкурента в коррупции или нарушении законодательства. Подобный кейс, например, был зафиксирован в 2023 году в Южной Корее, где в местном сегменте «TikTok» был загружен фейковый материал с признанием президентом своей коррупционной деятельности[7]. В ходе парламентских выборов во Франции в 2024 году в Сети появилось сразу несколько дипфейк-видео, на одном из которых, предположительно племянницы Марин Ле Пен (партия «Национальное объединение»), катаются на лыжах, танцуют в нижнем белье и высмеивают расовые меньшинства Франции[8]. Примечательно, что ряд видеоматериалов набрали более двух миллионов просмотров.

Довольно остро стоит проблема кражи персональных данных, манипуляции избирателями и других видов мошенничества, что может стать фактором, отпугивающим людей от участия в электоральных процессах.

Не менее резонансными продолжают оставаться сгенерированные ИИ изображения, получающие оперативное распространение в Сети и становящиеся мемами. Причем изображения создаются как в целях дискредитации оппонента (например, изображение Камалы Харрис в коммунистическом наряде), так и для создания привлекательного образа кандидата и пиара собственных нарративов. Примером последнего являются созданные сторонниками Дональда Трампа фейковые фотографии, на которых Трамп изображен в компании темнокожих людей, чтобы продемонстрировать популярность среди этой категории избирателей и перетянуть колеблющихся афроамериканцев в республиканский стан[9]. По мнению специалистов, эти факторы способствуют потере аудиторией доверия к медиаинформации и усиливают их психологическую напряженность. Неслучайно на фоне широкого применения ИИ в электоральных кампаниях ряд экспертов ввели в оборот понятие «психическая безопасность избирателей»[10].

Другая разновидность фейков - автоматизированные звонки (robocall), основанные на подделке голоса благодаря технологии ИИ-клонирования. Подобные звонки, например, фиксировались в США с использованием голоса Джо Байдена, чтобы отговорить избирателей от участия в голосовании. При этом политконсультант Стив Крамер, который был организатором звонков, признался, что сделал это как акт гражданского неповиновения, чтобы привлечь внимание к опасностям применения ИИ в политике[11].

Еще один механизм дезинформации - использование генеративного ИИ для манипуляции трафиком, а также упрощения процесса программирования ботов, продвигающих на платформах соцсетей хэштеги, фото- и видеоматериалы. На медийном рынке Индии, являющемся одним из лидеров в этой области, генеративный ИИ помогает производить фейки почти на всех электоральных уровнях ввиду недостаточной эффективности законодательного регулирования.

Коллективный Запад периодически разворачивает безосновательные кампании с обвинениями в адрес внешнего влияния иностранных субъектов (foreign actors) в электоральные процессы. В частности, Россия неоднократно становилась объектом подобных нападок.

В западных странах также активно применяется практика хэштегирования, генерируемая ботами. Так, в 2021 году в ФРГ в отношении кандидата Армина Лашета (партия ХДС/ХСС) была запущена масштабная кампания по дискредитации с тегом #laschetlacht (#лашетсмеется) в ответ на его неудачное поведение (в том числе смех) в ходе посещения региона Германии, пострадавшего от наводнения с людскими жертвами[12].

С другой стороны, часто беспорядочный мировой опыт применения генеративного ИИ позволяет различным акторам международных отношений безапелляционно обвинять друг друга в манипуляциях. Например, именно под предлогом использования ИИ коллективный Запад периодически разворачивает безосновательные кампании с обвинениями в адрес внешнего влияния иностранных субъектов (foreign actors) в электоральные процессы. В частности, Россия неоднократно становилась объектом подобных нападок (в выборы США в 2016 г., в референдум по Brexit в 2016 г., в парламентские выборы в Великобритании в 2017 г.). Двойные стандарты Запада наглядно заметны на примере того, как в преддверии выборов в США 2024 году ИИ применялся для генерации фейков уже на внутригосударственном уровне самими же штабами кандидатов, а отнюдь не внешними субъектами.

Кроме того, существует проблема отсутствия достаточного оперативного реагирования государственных институтов на генерируемую ИИ дезинформацию. Это связано как с полиакторностью в информационном пространстве (наличие блогеров, инфлюэнсеров, ЛОМов и пр.), так и с недостаточностью нормативно-правового регулирования. На этом фоне остро стоят задачи по адаптации государственных органов к новой технологической парадигме - разработке технологий выявления и обнаружения дипфейков, создания системы по проверке безопасности и надежности продуктов и услуг ИИ, выстраивании международного сотрудничества в уголовных расследованиях, а также пересмотре действующего законодательства[13]. Например, начиная с 2023 года подобные инициативы прорабатываются в Европе в ответ на стремительно набирающие популярность нейросети, а с 1 февраля 2025 года в Европейском союзе вступил в силу регламент по использованию искусствен-

ного интеллекта (AI Act), признающийся первым в мире правовым актом подобного типа. Ряд государств (Канада, Новая Зеландия, Япония и пр.) движутся в похожем направлении относительно разработки соответствующих руководств по использованию ИИ[14].

Правда, при всем понимании рискованности темы с применением ИИ в экспертном сообществе и гражданском обществе в ЕС присутствует противоположная точка зрения - с критикой регулирования ИИ. В частности, правовые акты вводят традиционные для европейских институтов дополнительные бюрократические барьеры, требующие обеспечения соблюдения новых норм и расследования их нарушения. Кроме того, подобные инициативы подрывают технологический потенциал, конкурентоспособность и, соответственно, приводят к потере технологического суверенитета ЕС в отличие от США и Китая, которые ставят рост отрасли в приоритет.

Наконец, на фоне принятия нового акта обострилась дискуссия о целесообразности так называемых ИИ-пауз, подразумевающих остановку ряда научных разработок и обучение более мощных систем, что является серьезным отклонением от логики научного развития человечества. Наиболее известным призывом к «паузе» стало открытое письмо Института будущего жизни (Future of Life Institute) с предложением приостановить на шесть месяцев некоторые виды исследований в области ИИ со ссылкой на серьезные риски для общества и человечества[15].

Этот призыв, по всей видимости, остается неуслышанным - гонка ИИ между мировыми лидерами в этой области - США и КНР, вкладывающими большие средства и усилия в научные исследования, свидетельствует о том, что перспектива паузы в развитии ИИ маловероятна.

---

[1]https://www.idea.int/news/five-things-know-about-biometric-voter-registration
[2]https://www.idea.int/sites/default/files/2024-04/artificial-intelligence-for-electoral-management.pdf
[3]https://tass.ru/politika/20232845
[4]https://rfsv.ru/breaking-news/iskusstvennyi-intellekt-kak-ugroza-svobodnym-vyboram
[5]https://www.tagesschau.de/inland/gesellschaft/rechtsextremismus-jugendliche-100.html
[6]https://www.wired.com/story/tiktok-german-voters-afd/
[7]https://thediplomat.com/2024/05/ai-and-elections-lessons-from-south-korea/
[8]https://www.euractiv.de/section/innovation/news/skandal-um-deepfake-videos-von-le-pens-familie-erschuettert-frankreich-vor-eu-wahlen/
[9]https://www.bbc.com/news/world-us-canada-68440150
[10]https://dokumen.pub/the-palgrave-handbook-of-malicious-use-of-ai-and-psychological-security-9783031225529-9783031225512-3031225511.html
[11]https://www.nbcnews.com/politics/2024-election/democratic-operative-admits-commissioning-fake-biden-robocall-used-ai-rcna140402
[12]https://www.dw.com/ru/germania-pered-vyborami-eksperty-prizyvaut-ne-sdat-socseti-populistam/a-70796826
[13]https://interaffairs.ru/virtualread/ia_rus/92024/files/assets/downloads/publication.pdf
[14]https://iapp.org/media/pdf/resource_center/global_ai_law_policy_tracker.pdf
[15]https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments/

Артемий Шаталов

Атташе Департамента международных организаций МИД России, соискатель кафедры дипломатии МГИМО МИД России

artemiyshatalov@gmail.com

Ключевые слова: *ООН, Совет Безопасности ООН, гуманитарная помощь, гумсодействие, санкции, гумизъятия.*

ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН

В соответствии с Уставом в своей деятельности ООН руководствуется ясным «разделением труда» между различными уставными органами, организациями и агентствами ее системы. Так, Совет Безопасности (СБ) ООН несет «главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности»[1]. В его сферу деятельности входят вопросы кризисного реагирования, войны и мира и пр.

Мандат СБ ООН и вопросы чрезвычайного гумреагирования в системе Организации

Проблематика социально-экономического развития, гуманитарной помощи и т. д. относится к компетенции Генассамблеи ООН, Экономического и Социального Совета ООН (ЭКОСОС), а также специализированных учреждений и фондов системы ООН. Включение несвойственной органу тематики в его работу и «сопряжение» традиционно разведенных сфер деятельности ООН, курируемых различными организациями, способствует разрастанию бюрократического аппарата Организации и отрицательно влияет на ее эффективность[2].

Конечно, в соответствии с временными правилами процедуры Совета Безопасности страны-члены имеют право запросить брифинг Генсекретаря ООН по определенной тематике,

а он вправе перепоручить это представителям гуманитарного «крыла» Всемирной организации[3]. Вместе с тем заслушивание и обсуждение пунктов повестки дня, посвященных гуманитарной ситуации в отдельной стране, само по себе не позволяет говорить об интеграции проблематики гумреагирования в сферу компетенции СБ ООН.

Таким образом, гуманитарные вопросы относятся к деятельности Совета лишь по касательной. В то же время сегодня налицо постепенные изменения в досье Совета Безопасности ООН, на обсуждение которого выносятся ряд тематик гуманитарного характера, а вопросы соблюдения международного гуманитарного права, обеспечения продовольственной безопасности и оказания гумпомощи в условиях конфликта регулярно оказываются на повестке дня. В этой связи целесообразным представляется проанализировать гуманитарный аспект деятельности СБ ООН и перспективы возможного расширения ответственности СБ ООН за гумреагирование, в том числе в контексте выработки согласованного гуманитарного «языка» резолюций Совета.

В связи с высокой политизацией вопросов оказания гуманитарной помощи, в том числе и при обсуждении профильных вопросов на площадках ООН, и медиатизацией работы СБ ООН сегодня особенно важно выявить характер изменений в повестке дня Совета, в том числе и на гуманитарном треке. В рамках данной статьи мы предлагаем рассмотреть два типа гумвопросов, которые оказываются в фокусе внимания СБ ООН, и проследить, каким образом, в свою очередь, Совет Безопасности может повлиять на работу по предоставлению гуманитарной помощи.

Под гуманитарным аспектом деятельности Совета Безопасности мы понимаем решения, принимаемые СБ ООН для создания условий, которые бы способствовали работе гуманитарщиков и их доступу к нуждающимся. Понятие «гумпомощь» содержится в Руководящих принципах использования иностранных военных ресурсов и средств гражданской обороны для оказания помощи в случае бедствий 1994 года (Руководящие принципы Осло, пересмотрены в 2007 г.) - документе, принятом под эгидой ООН. В соответствии с ними, под гумпомощью понимается «помощь, которая оказывается пострадавшему в результате кризиса населению прежде всего с целью спасения жизней и облегчения страданий людей»[4]. Как следствие речь идет в первую очередь о чрезвычайной помощи - продовольственной, медицинской, обеспечении санитарии и пр.

В этой связи расширительное трактование «гуманитарных вопросов», как включающих в себя проблематику «мягкой безопасности» - защиту от угроз информационного, экологического и социального происхождения, - а также правочеловеческие аспекты[5], представляется нам неподходящим для целей данной статьи. Безусловно, если исходить из подобной концепции, то около трети резолюций СБ ООН будут иметь гуманитарный «угол». Вместе с тем резолюции «Дети и вооруженные конфликты», «ВИЧ/СПИД и международные операции по поддержанию мира», «Роль гражданского общества в постконфликтном миростроительстве» и пр., которые часто приводятся исследователями в качестве «социально-гуманитарных» «продуктов» СБ, не имеют отношения к осуществлению гуманитарной деятельности как таковой.

В финансово-административных циклах ООН - ключевых административно-бюджетных документах Организации, определяющих бюджет ООН на ближайший год, - среди резолюций СБ, составляющих мандат гумагентств системы ООН, отсутствуют упомянутые выше резолюции[6]. К «гуманитарным» резолюциям СБ ООН Консультативный комитет по административным и бюджетным вопросам (ККАБВ) относит регулярные документы по защите гражданских лиц в вооруженном конфликте, а также ряд страновых резолюций, содержащих «гуманитарный язык». Вместе с тем обращает на себя внимание отсутствие

в финансово-административных циклах (в том числе в последней редакции от 2024 г.) резолюций 2712 (2023) и 2720 (2023), где содержится прямой призыв к увеличению объемов гуманитарной помощи населению Сектора Газа. Аналогичным образом в данном списке нет ни одной «сирийской» резолюции СБ ООН, хотя Совет на ежемесячной основе проводит заседания по политической и гуманитарной ситуациям в САР. Усматриваем в этом политизацию деятельности Секретариата Всемирной организации и выборочный подход к формированию мандатов гуманитарного «крыла» ООН.

Несмотря на некоторый избирательный подход Секретариата ООН, в рамках данной статьи мы предлагаем рассматривать обсуждение в СБ ООН вопросов, непосредственно связанных с гуманитарной деятельностью в соответствии с логикой самих структур ООН, в том числе ККАБВ. Часть из них - проблематика обеспечения продовольственной безопасности, привлечения гумфинансирования и государственно-частное партнерство в области гумреагирования - проистекает из определения понятия «гуманитарная помощь». Подобные темы обсуждались в рамках открытых дебатов СБ ООН и не привели к принятию соответствующих резолюций. Между тем сам факт их попадания в фокус внимания Совета Безопасности заслуживает анализа.

Вторая часть гумвопросов непосредственно связана с деятельностью СБ ООН, а именно с санкционными режимами ООН. Профильные резолюции Совета Безопасности ООН могут содержать ссылки на гумситуацию в рассматриваемых странах и гуманитарные изъятия из соответствующих режимов; именно они отражены как составляющие мандат гумструктур ООН в документах ККАБВ. Изменение подходов СБ ООН к гуманитарной составляющей глобальной санкционной политики также требует отдельного внимания.

Общегуманитарные вопросы на повестке дня СБ ООН

В соответствии с указанным выше определением гуманитарной помощи мы вычленили ключевые общегуманитарные сюжеты, выносимые на повестку дня СБ ООН: защита гражданских лиц в условиях конфликта, голод и отсутствие продовольственной безопасности в условиях конфликта и проблематика гумфинансирования. При этом необходимо отметить, что если вопросы защиты гражданских лиц в условиях конфликта на регулярной основе обсуждаются в СБ ООН как минимум с 2009 года, то другие указанные общегуманитарные темы плотно закрепились на повестке дня Совета Безопасности ООН лишь после февраля 2022 года. Налицо достигшая апогея политизация гумвопросов со стороны ряда делегаций, которые искусственно увязывают соответствующую проблематику с традиционными для СБ ООН сюжетами.

Вместе с тем показательно, что, несмотря на повышенный градус дискуссий в Совете Безопасности по связанным с продовольственной безопасностью сюжетам, за последние 2,5 года ни один член СБ ООН не предпринял попыток «обновить» основополагающие резолюции 2417 (2018) и 2573 (2021) по голоду в условиях конфликта. Данные резолюции предполагают в том числе, что «Совет уже принимал санкционные меры и может рассмотреть возможность введения […] новых санкций, которые могут применяться в отношении физических или юридических лиц, препятствующих доставке гуманитарной помощи или доступу к гуманитарной помощи или ее распределению»[7].

В этой связи обращает внимание изменение стратегии США в отношении данной проблематики: если до октября 2023 года, то есть до начала очередного витка израильско-палестинского конфликта, Вашингтон регулярно в политизированном и конфронтационном ключе затрагивал вопросы продовольственной безопасности в рамках СБ ООН, включая принятие

«продуктов» Совета (например, заявление председателя СБ ООН S/PRST/2023/4 от 3 августа 2023 г.)[8], то впоследствии подобная активность сошла на нет. Принимая во внимание, что резолюции 2417 (2018) и 2573 (2021) воспроизводят нормы международного гуманитарного права (МГП) о классификации использования голода в качестве средства ведения войны как военного преступления, а СБ ООН вправе ввести санкции против стран, отказывающих в гуманитарном доступе, позиция США может быть расценена как еще одно проявление политики «двойных стандартов» и игнорирование действий Израиля в Секторе Газа.

Объединяет описанные выше сюжеты их обсуждение сквозь призму МГП. Например, профильная тематика - вопросы защиты гражданских лиц во время конфликтов - в рамках общегуманитарных дебатов традиционно рассматривается делегациями на примере конкретных страновых ситуаций[9]. Роль СБ ООН в этой связи состоит не в изменении или создании новых норм МГП. Напротив, его цель - привлечь внимание международного сообщества к необходимости соблюдения МГП и указать на факты его нарушения сторонами конфликта. Впоследствии полученные сведения могут лечь в основу санкционных резолюций СБ ООН, о которых будет сказано ниже.

Если подходы России, Китая и их единомышленников в СБ ООН к указанной тематике можно назвать «консервативными», то есть направленными на сохранение буквы и духа Женевских конвенций 1949 года и Доппротоколов к ним 1970 года, то ряд делегаций («западная тройка» СБ ООН - Великобритания, США, Франция, а также их союзники) в текстах «продуктов» СБ ООН продвигают «расширительное» толкование норм МГП.

Например, западные делегации указывают на невозможность разрушения сельскохозяйственной инфраструктуры и нарушение в этой связи МГП, в соответствии с которым объекты, необходимые для выживания гражданских лиц, не должны подвергаться нападению[10]. Вместе с тем в тексте Женевских конвенций 1949 года и Доппротоколов 1970 года отсутствует такая категория, как «сугубо гражданский объект». В ст. 54 Доппротокола I указывается, что «запрещается подвергать нападению или уничтожать… объекты, необходимые для выживания гражданского населения», однако в п. 3 этой же статьи конкретизируется, что запреты на нападение на объекты сельскохозяйственной инфраструктуры и их уничтожение не действуют, если такие объекты используются для поддержания существования личного состава вооруженных сил или прямой поддержки военных действий[11].

Аналогичного подхода следует придерживаться и в отношении учебных заведений: несмотря на продвигаемую в том числе в проектах резолюций Генассамблеи и СБ ООН западными делегациями неконсенсусную Декларацию о безопасности школ от 2015 года (Safe School Declaration), здание школы само по себе не может являться объектом, защищаемым в соответствии с МГП, и должно обладать охранным статусом только в том случае, если в нем проводится обучение детей. В противном случае здание школы - это не более чем строение, которое может быть использовано комбатантами и являться законной целью противоборствующей стороны.

Что касается вопросов гумфинансирования и его увязки с конфликтом, то подобное сочетание видится нам абсолютно искусственным. Привлечение средств доноров относится к компетенции Управления по координации гуманитарных вопросов (УКГВ) Секретариата ООН и профильных органов и спецучреждений системы ООН (ПРООН, ВОЗ, УВКБ и пр.); СБ ООН в данном случае служит дополнительной трибуной для озвучивания национальных подходов к гумфинансированию, но в силу своего мандата не может изменить ситуацию.

Описанные выше общегуманитарные сюжеты обсуждаются в СБ ООН как в контексте драйверов конфликтов, так и их последствий. В то же время ухудшение гумобстановки в отдельной стране или регионе может быть вызвано совокупностью факторов: деградацией

социально-экономической ситуации (не в последнюю очередь из-за незаконных односторонних ограничительных мер), стихийными бедствиями, вооруженным конфликтом и пр. При этом каждый страновой сюжет уникален; «генерические» темы в этой связи не могут стать эффективной заменой скрупулезному анализу конкретной ситуации в отдельно взятом государстве. В этой связи, несмотря на отмечаемый рост случаев рассмотрения общегуманитарных вопросов в СБ ООН, такие обсуждения остаются ограниченными и не заканчиваются принятием профильных резолюций Совета.

Вместе с тем «продуктивным» вектором работы СБ ООН на гуманитарном направлении нам видится более активная интеграция гумтематики в санкционные резолюции, о чем будет сказано ниже.

Гуманитарные вопросы в санкционных резолюциях СБ ООН

Ключевым вопросом, при обсуждении которого Совет Безопасности ООН регулярно затрагивает гуманитарную тематику, является учреждение, продление и/или отмена так называемых санкционных режимов СБ. В соответствии со ст. 39 главы VII Устава ООН Совет Безопасности устанавливает наличие угрозы миру или международной безопасности и разрабатывает меры для ее устранения. На основании ст. 41 Устава ООН Совет Безопасности вправе ввести ограничительные меры в отношении агрессора, «не связанные с использованием вооруженных сил»[12]. Комплекс подобных мер, вводимых на основании резолюции СБ, называется «санкционным режимом», а за его соблюдением следят специально созданные санкционные комитеты.

К ключевым ограничительным мерам санкционных режимов СБ ООН относятся заморозка активов (как государств, так и отдельных лиц), эмбарго (обычно - на поставки вооружений, однако могут вводиться и секторальные эмбарго: например, резолюцией СБ ООН 2375 (2017) запрещалась торговля нефтью и нефтепродуктами с КНДР[13]) и ограничения на передвижения лиц, включенных в санкционные списки[14]. Вместе с тем заморозка национальных активов и секторальные эмбарго могут привести к ухудшению гуманитарной ситуации в стране, а запрет на любое взаимодействие с подсанкционными лицами - помешать ведению переговоров[15]. Как следствие обычно санкционные резолюции СБ ООН предполагают наличие так называемых «гуманитарных изъятий».

В литературе упоминаются два типа гумизъятий[16]. Во-первых, «листированным» (т. е. внесенным в санкционные списки) лицам могут потребоваться исключения из санкционного режима для получения жизненно важных товаров или услуг. Например, человеку, находящемуся под санкциями, может быть разрешена поездка в другую страну для получения медицинской помощи или участия в мирных переговорах, предоставлен доступ к замороженным средствам для оплаты юридических услуг.

Однако нас интересует второй тип гумизъятий - исключения из санкций, призванные не допустить ухудшения гуманитарной обстановки в стране или ограничить работу гуманитарщиков. Так, в данном типе гумизъятий может быть указано, что если гуморганизация, действующая в соответствии с гумпринципами ООН, принимает особые меры предосторожности, то ее действия не нарушают соответствующий санкционный режим.

Например, в резолюции СБ ООН 1916 (2010), касавшейся Сомали и Эритреи, вводились исключения, предусматривавшие, что замораживание активов «не распространяется на выплачиваемые финансовые средства, другие финансовые активы или экономические ресурсы, необходимые для обеспечения своевременной поставки срочно требующейся гуманитарной помощи в Сомали Организацией Объединенных Наций, ее специализированными учрежде-

ниями или программами, гуманитарными организациями, имеющими статус наблюдателя при Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций, оказывающими гуманитарную помощь, или их партнерами-исполнителями»[17]. Из наиболее поздних примеров аналогичные формулировки использовались в резолюции 2653 (2022) по Гаити[18].

На сегодняшний день можно говорить о сложившемся согласованном языке, используемом при прописывании гумизъятий в санкционных резолюциях СБ ООН. Остановимся на его особенностях подробнее.

Во-первых, несмотря на распространенность «гуманитарных» формулировок, большая часть санкционных резолюций СБ ООН имеет технический характер, касается продления действующих санкционных режимов (например, резолюция 2675 (2023) по Йемену[19]), и не содержит ссылок на гумязык. В тех же случаях, когда соответствующие формулировки имеются в тексте резолюций, обычно они помещаются не в постановляющую, а в преамбулярную часть. Так, традиционная согласованная гуманитарная формулировка выглядит следующим образом: «Особо отмечая, что меры, вводимые настоящей резолюцией, не преследуют цели создания неблагоприятных гуманитарных последствий для гражданского населения [ЦАР]»[20].

Во-вторых, в преамбулярную часть могут помещаться выражения озабоченности гумситуацией в стране и нарушениями норм международного гуманитарного права («выражая серьезную обеспокоенность по поводу гуманитарной ситуации в ЦАР […] и призывая все стороны конфликта выполнять свои обязательства по международному гуманитарному праву»[21]). Констатируется рост гумпотребностей населения («в результате многие йеменцы остро нуждаются в гуманитарной помощи»[22]). Подобные формулировки служат обоснованием для предлагаемых СБ действий. Вместе с тем, по мнению некоторых исследователей, перенос пассажей такого рода в преамбулярную часть резолюции указывает на то, что они стали предметом торга среди делегаций и были исключены из постановляющей части в обмен на прочие уступки[23].

В-третьих, обеспокоенность Совета Безопасности ООН может быть вызвана действиями вооруженных группировок. Например, в резолюции 2688 (2023) по ДР Конго указывается на «присутствие местных и иностранных вооруженных групп в восточной части ДРК *и страдания, которые они причиняют гражданскому населению страны*»[24]. СБ ООН прямо отмечает, что «незаконный оборот… оружия… может препятствовать оказанию гуманитарной помощи и чреват широкомасштабными негативными гуманитарными и социально-экономическими последствиями»[25]. С помощью отмеченного гуманитарного языка устанавливается причинно-следственная связь между введением оружейного эмбарго и выправлением гумситуации в стране.

Наконец, в санкционных резолюциях СБ ООН могут содержаться прямые ссылки на отдельные руководящие принципы гуманитарного реагирования, закрепленные в резолюции ГА ООН 46/182. Так, в резолюции 2374 (2017) по Мали отмечается, что «всем сторонам необходимо… уважать гуманитарные принципы гуманности, нейтральности, беспристрастности и независимости, с тем чтобы обеспечивать непрерывное поступление гуманитарной помощи […], важность того, чтобы гуманитарная помощь доставлялась исходя из потребности в ней и что все стороны должны предоставить полный, безопасный и беспрепятственный доступ для своевременной доставки помощи всем нуждающимся лицам на всей территории Мали»[26]. На примере этого текста видны попытки «уравновесить» формулировки о гумпринципах призывами обеспечить гумдоступ. Однако в последнее время упоминание гумпринципов и базовой резолюции Генассамблеи 46/182 практически не встречается в резолюциях СБ: упомянутая резолюция указывает на ключевую роль *правительства пострадавшего государства* в проведении гумопераций и необходимость получения его согласия на осуществление

соответствующих мероприятий на конкретной территории. Косвенная «оппозиция» основополагающим гумпринципам как не позволяющим эффективно бороться с нарушениями прав человека сегодня звучит не только в выступлениях делегаций США и Великобритании, но и в академической среде[27].

В качестве яркого примера обхода классической схемы гумреагирования в ситуации острейшего полномасштабного вооруженного конфликта можно привести так называемый «трансграничный» механизм оказания гуманитарной помощи Сирии. СБ ООН санкционировал его запуск в 2014 году (резолюция 2165 (2014) исключительно на временной основе и в связи с тем, что иных способов доставки помощи сирийцам, зажатым в теранклавах, не было. По мере стабилизации ситуации «на земле» необходимость в сохранении этого механизма логично отмирала.

В этой связи начиная с 2019 года усилиями делегации России в СБ ООН данный механизм постепенно урезался (прекращение функционирования КПП Эр-Рамта и Эль-Ярубия на границе с Иорданией и Ираком (резолюция 2504 (2020) и Баб-эс-Салям на границе с Турцией (резолюция 2533 (2020) и был окончательно закрыт в 2023 году (последняя полугодовая резолюция 2672 (2023) не была продлена в июле 2023 года в связи с применением Российской Федерацией права вето)[28]. С тех пор гумпоставки ООН в неподконтрольный Дамаску теранклав на северо-западе Сирии осуществлялся только с согласия правительства Б.Асада.

Важным этапом в процессе складывания полноценного режима гумизъятий из санкционных режимов СБ ООН стало принятие резолюции 2664 (2022) о гуманитарных изъятиях из мер по замораживанию активов для осуществления гуманитарной помощи[29]. В п. 1 постановляющей части резолюции отмечается, что «предоставление, обработка и выплата денежных средств, других финансовых активов или экономических ресурсов и предоставление товаров и услуг, необходимых для обеспечения своевременной доставки гуманитарной помощи… разрешаются и не являются нарушением мер по замораживанию активов, введенных Советом или его комитетами по санкциям». При этом в тексте приводится подробный список гуманитарщиков, на чью деятельность распространяются гумизъятия. За исключением санкционных режимов против «Аль-Каиды» и ИГИЛ (организации, запрещенные на территории Российской Федерации), а также Гвинеи-Бисау, не предполагающего заморозку активов, описанные в тексте гумизъятия применяются бессрочно.

По мнению инициировавшей принятие резолюции 2664 (2022) делегации США, документ призван свести к минимуму как задержки в оказании жизненно важной помощи, так и издержки, связанные с соблюдением санкций[30]. Кроме того, по предложению делегации Российской Федерации в текст резолюции удалось включить положения о важности оценки потенциальных гуманитарных последствий до принятия решения СБ ООН о введении режима санкций, готовности проводить обзор, корректировать и прекращать действие санкционных режимов в случае необходимости, а также о том, что санкции должны носить временный характер[31].

В тексте содержится просьба к Генсекретарю подготовить письменный доклад о непреднамеренных негативных гуманитарных последствиях санкций СБ ООН. Таким образом, сам факт принятия резолюции по такому чувствительному вопросу в то время, когда нормальная работа Совета де-факто парализована из-за двусторонних противоречий между его постоянными членами, указывает на назревшую необходимость создания всеохватного режима гумизъятий.

Вместе с тем резолюция 2664 (2022) никак не затрагивает вопросы «вторичных» односторонних принудительных мер, которые вводятся западными государствами в дополнение к санкциям СБ ООН. Однако именно они представляют собой реальное препятствие

для полномасштабного функционирования гумизъятий и приводят к так называемому эффекту «перестраховки» (overcompliance). Под угрозой применения национальных, а порой и экстерриториальных карательных мер Вашингтона, Брюсселя и иных западных столиц экономоператоры предпочитают не заключать контракты на закупку разрешенной Советом гумпомощи, а транспортные компании - осуществлять ее доставку; возникают проблемы с проведением банковских и страховых операций. Примером может служить ситуация вокруг КНДР. В результате сфера применения упомянутой резолюции весьма ограничена.

В то же время необходимо отметить, что, по нашему мнению, деятельность СБ ООН в области снижения негативного эффекта его санкционных режимов на гумдеятельность отнюдь не говорит о повышении «гуманитарного профиля» Совета. Включение гумъязыка в профильные санкционные резолюции и принятие резолюции 2664 (2022) призвано нивелировать возможный негативный эффект от прямой деятельности СБ по поддержанию глобального мира и безопасности без искусственного расширения его мандата. Гумдеятельность как таковая остается в сфере компетенции ЭКОСОС и профильных гумагентств системы ООН.

❑

Вопросы оказания гуманитарной помощи напрямую не относятся к компетенции СБ ООН. Их рассмотрение Советом возможно только в случае увязки с конфликтом, например в качестве его возможных причин. Как следствие дискуссии по гуманитарной тематике на площадке СБ ООН имеют весьма ограниченный характер.

Затрагиваемые Советом гуманитарные сюжеты можно разделить на две группы. Во-первых, это общегуманитарная проблематика - защита гражданских лиц в случае конфликта, обеспечение продовольственной безопасности в конфликте и пр. Их объединяет тесная связь с соблюдением норм международного гуманитарного права: указанные вопросы рассматриваются сквозь призму МГП. При их обсуждении выделяются две группы делегаций: те, кто придерживаются консервативного подхода и расширительного толкования. На сегодняшний день расхождения между ними, а также дискуссии о необходимости не размывать изначальный мандат организаций, органов и спецучреждений системы ООН не позволяют СБ принимать обязывающие резолюции по данному сюжету. Отдельным препятствием служит политизация гуманитарного положения в отдельных странах, в первую очередь в Сирии и Палестине.

Вторая группа касается санкционных режимов СБ ООН. Сегодня можно говорить о формировании корпуса согласованных профильных формулировок - «гуманитарного языка» санкционных резолюций, который присутствует как в отдельных страновых документах, так и в резолюции 2664 (2022), затрагивающей архитектуру санкционных режимов ООН в целом. Как представляется, именно тематика гумизъятиий из санкций СБ ООН является пересечением компетенций Совета и гумагентств системы ООН, и в этой связи именно на этом направлении у СБ ООН есть реальная возможность повлиять на гуманитарную обстановку в подсанкционных странах.

---

[1]Устав ООН: принят на заключительном заседании Конференции Объединенных Наций по созданию Международной Организации 26 июня 1945 г. // Организация Объединенных Наций: официальный сайт // URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text

[2]*Лебедева О.В.* Приоритеты современной российской дипломатии: между ООН и «порядком, основанным на правилах» / О.В.Лебедева // Международная жизнь. 2023. №3. С. 10-19.

[3]*Sievers L., Daws S.* The Procedure of the UN Security Council / Oxford University Press. 2014.

[4]Руководящие принципы Осло: принят в 1994 г. // Организация Объединенных Наций: официальный сайт. С. 7 // URL: HYPERLINK «https://www.unocha.org/sites/dms/Documents/OSLO-GUIDELINES-RUSSIAN.pdf» https://www.unocha.org/sites/dms/Documents/OSLO-GUIDELINES-RUSSIAN.pdf

[5]*Лебедева М.М.* Гуманитарные и социальные вопросы в Совете Безопасности ООН / М.М.Лебедева, М.И.Устинова // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15. №1. С. 137-139.

[6]List of documents relating to the proposed programme plan and budget for 2024. Section 27. Humanitarian assistance // URL: https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=A/78/6(Sect.27)&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False

[7]Резолюция СБ ООН 2417 (2018) // URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n18/159/38/pdf/n1815938.pdf?token=cEpQozAQN6TxkF7pYq&fe=true

[8]Заявление председателя СБ ООН S/PRST/2023/4 // URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n23/230/39/pdf/n2323039.pdf?token=kNEIXhRntW4wj7uK7m&fe=true

[9]См., например, выступление постоянного представителя В.А.Небензи на заседании СБ ООН по теме «Обеспечение безопасности и достоинства гражданских лиц в условиях конфликта: решение проблемы отсутствия продовольственной безопасности и защита основных услуг населению». 23 мая 2023 г. Постоянное Представительство Российской Федерации при ООН // URL: HYPERLINK «https://russiaun.ru/ru/news/unsc_230523» https://russiaun.ru/ru/news/unsc_230523; https://www.gov.uk/government/speeches/civilians-caught-up-in-conflict-need-protection-food-and-dependable-essential-services-and-they-need-them-right-now-lord-ahmad-statement-at-the; HYPERLINK «https://usun.usmission.gov/remarks-by-ambassador-linda-thomas-greenfield-at-a-un-security-council-high-level-open-debate-on-protection-of-civilians-in-armed-conflict/» https://usun.usmission.gov/remarks-by-ambassador-linda-thomas-greenfield-at-a-un-security-council-high-level-open-debate-on-protection-of-civilians-in-armed-conflict/

[10]Remarks by Ambassador Linda Thomas-Greenfield at a UN Security Council Briefing on Russia's Attacks on Ukrainian Ports. Постоянное Представительство США при ООН. 26 июля 2023 г. // URL: HYPERLINK «https://usun.usmission.gov/remarks-by-ambassador-linda-thomas-greenfield-at-a-un-security-council-briefing-on-russias-attacks-on-ukrainian-ports/» https://usun.usmission.gov/remarks-by-ambassador-linda-thomas-greenfield-at-a-un-security-council-briefing-on-russias-attacks-on-ukrainian-ports/

[11]Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны: принята 12 августа 1949 г. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian.shtml

[12]Устав ООН: принят на заключительном заседании Конференции Объединенных Наций по созданию Международной Организации 26 июня 1945 г. // Организация Объединенных Наций: официальный сайт // URL: HYPERLINK «https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text» https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text

[13]Резолюция СБ ООН 2375 (2017) // URL: HYPERLINK «https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/283/70/PDF/N1728370.pdf?OpenElement» https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/283/70/PDF/N1728370.pdf?OpenElement

[14]РСМД: официальный сайт. Инфографика РСМД: Санкции // URL: https://russiancouncil.ru/sanctions#un

[15]*Huvé S.* Humanitarian Exemptions in UN Sanctions Regimes / Sophie Huvé and Dr Rebecca Brubaker // UN Sanctions and Humanitarian Action Policy Brief. №3. 2022.

[16]*Брубейкер Р.* Режимы санкций ООН в связи с конфликтами и гуманитарная деятельность: обзор стратегических исследований / Ребекка Брубейкер, Софи Юве // Международный журнал Красного Креста. 2021 г. // URL: HYPERLINK «https://international-review.icrc.org/articles/conflict-related-un-sanctions-regimes-and-humanitarian-action-916» https://international-review.icrc.org/articles/conflict-related-un-sanctions-regimes-and-humanitarian-action-916

[17]Резолюция СБ ООН 1916 (2010) // URL: HYPERLINK «https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/281/95/PDF/N1028195.pdf?OpenElement»https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/281/95/PDF/N1028195.pdf?OpenElement

[18]Резолюция СБ ООН 2653 (2022) // URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/658/89/PDF/N2265889.pdf?OpenElement

[19]Резолюция СБ ООН 2673 (2023) // URL: HYPERLINK «https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N23/047/44/PDF/N2304744.pdf?OpenElement» https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N23/047/44/PDF/N2304744.pdf?OpenElement

[20]Резолюция СБ ООН 2693 (2023) // URL: HYPERLINK «https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N23/222/44/PDF/N2322244.pdf?OpenElement» https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N23/222/44/PDF/N2322244.pdf?OpenElement

[21]Ibid.

[22]Резолюция СБ ООН 2140 (2014) // URL: HYPERLINK «https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/247/09/PDF/N1424709.pdf?OpenElement» https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/247/09/PDF/N1424709.pdf?OpenElement

[23]*Wood M.* The Interpretation of Security Council Resolutions, Revisited / Michael Wood // Max Planck Yearbook of United Nations Law Online. №20. С. 1-35.

[24]Резолюция СБ ООН 2688 (2023) // URL: HYPERLINK «https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N23/184/87/PDF/N2318487.pdf?OpenElement» https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N23/184/87/PDF/N2318487.pdf?OpenElement

[25]Резолюция СБ ООН 2653 (2022) // URL: HYPERLINK «https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/658/89/PDF/N2265889.pdf?OpenElement» https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/658/89/PDF/N2265889.pdf?OpenElement

[26]Резолюция СБ ООН 2374 (2017) // URL: HYPERLINK «https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/275/20/PDF/N1727520.pdf?OpenElement» https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/275/20/PDF/N1727520.pdf?OpenElement

[27]*Gordon S.* Romancing principles and human rights: Are humanitarian principles salvageable? // International Review of the Red Cross. №97 (897-898). 2015. P. 77-109.

[28]Security Council Rejects Two Draft Resolutions Aimed at Renewing Cross-Border Humanitarian Operations in Syria's North-West. 11 июля 2023 г. // Пресс-служба ООН: официальный сайт // URL: https://press.un.org/en/2023/sc15348.doc.htm

[29]Резолюция СБ ООН 2664 (2022) // URL: HYPERLINK «https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/736/77/PDF/N2273677.pdf?OpenElement» https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/736/77/PDF/N2273677.pdf?OpenElement

[30]*Lewis D.* The U.N. Security Council Adopts a Standing Humanitarian «Carve-Out» / Dustin Lewis, Naz Modirzadeh // The Lawfare Institute. 2022 // URL: HYPERLINK «https://www.lawfaremedia.org/article/un-security-council-adopts-standing-humanitarian-carve-out» https://www.lawfaremedia.org/article/un-security-council-adopts-standing-humanitarian-carve-out

[31]Выступление заместителя постоянного представителя А.М.Евстигнеевой по мотивам голосования по резолюции СБ ООН по гуманитарным изъятиям. 9 декабря 2022 г. Постоянное Представительство Российской Федерации при ООН // URL: https://russiaun.ru/ru/news/091222_evst

Татьяна Зверева

Главный научный сотрудник Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России, профессор НИУ ВШЭ факультета мировой экономики и мировой политики департамента международных отношений, доктор политических наук

tatyanazvereva@yandex.ru.

**Арзаканян М.Ц.* Сподвижники де Голля / Марина Арзаканян. М.: Молодая гвардия, 2024 г. 255 с.; ил. Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1996 г.

Ключевые слова: *де Голль, голлизм, движение Сопротивления, Пятая республика, Конституция Пятой республики, Андре Мальро, Жорж Помпиду, Жак Сустель, Жак Шабан-Дельмас, Мишель Дебре.*

Де Голль и его «команда»

Книга известного российского историка Марины Цолаковны Арзаканян* посвящена исследованию профессионального и жизненного пути французских политических деятелей, составлявших окружение генерала де Голля на разных этапах его жизни и после ухода его из политики продолживших его дело. Это два президента Пятой республики - Жорж Помпиду и Жак Ширак, три премьер-министра - Мишель Дебре, Жак Шабан-Дельмас, Эдуар Балладюр, а также два блестящих представителя французской интеллигенции - ученый-этнограф Жак Сустель и писатель Андре Мальро.

Своеобразным фоном для биографий сподвижников де Голля стала история Франции XX века, и автору удалось расцветить ее новыми красками. Исследование основано на привлечении значительного числа уникальных источников: мемуарной литературы, архивных документов, в том числе материалов иностранной комиссии Союза писателей СССР, Российского государственного военного архива, досье Комитета национальной безопасности Франции, архива МИД СССР и других. Рецензируемое издание вносит яркий, неповторимый вклад в исследование политической истории Франции XX века.

Отличительной чертой творчества Арзаканян является глубокое проникновение в психологию героев повествования. Погружая читателя во внутренний мир того или иного персонажа, автор создает объемный образ каждого из них, позволяя лучше понять мотивы, которыми он руководствовался в своей деятельности. Книга знакомит с детством и отрочеством героев, рассказывает об их семьях, образовании, процессе формирования личности, политических взглядах и эстетических пристрастиях. Внимание уделено и личной жизни соратников генерала, в том числе вдохновлявшим их женщинам, разделявшим как успехи, так и тяготы жизни. Новые факты и цитаты, характеризующие сподвижников генерала, подобраны с большим тактом и мастерством, биографии героев изобилуют многими ранее неизвестными деталями. Читатель получает уникальную возможность близко познакомиться с политиками, творившими историю своей страны под руководством генерала де Голля.

Предложенное вниманию читателя исследование фактически служит своеобразным гидом по вопросам управления государством и организации политического процесса. Во «вселенной генерала» каждый его сподвижник выполнял определенные и важные для общего дела функции. Можно ли назвать соратников де Голля его командой или сплоченным единым коллективом, выполнявшим его указания? Скорее

нет, чем да, хотя, конечно же, они работали вместе. Сложно также утверждать, что между ними всегда царило полное согласие и взаимопонимание. Даже наоборот, некоторые члены этого своеобразного неформального политического кружка сильно недолюбливали друг друга. Однако все они, хотя и в разное время, стали ближайшими сподвижниками генерала. Возвышавшаяся над французами фигура этого выдающегося политика, его взгляды и политическая позиция, его харизма и темперамент объединили этих незаурядных людей. В этом взаимодействии генерала со своим окружением каждому сподвижнику отводилась определенная роль, что получило отражение в книге М.Ц.Арзаканян.

Открывает «картинную галерею» портрет выдающегося французского ученого-этнографа, специалиста по Латинской Америке Жака Сустеля. Долгое время являясь «правой рукой» генерала, он «с ходу мог предугадать намерения де Голля и с блеском воплотить в жизнь его замыслы» [с. 23]. Однако Сустель, единственный среди сподвижников, не побоялся бросить генералу вызов тогда, когда счел свои взгляды несовместимыми с точкой зрения де Голля.

Познакомившись с де Голлем в 1940 году после оккупации большей части Франции, Сустель по его поручению развернул широкую кампанию в поддержку «Свободной Франции» за пределами страны. В 1942 году генерал доверил ему значительный пост комиссара по информации, и Сустель готовил все знаменитые радиопередачи Би-би-си, во время которых де Голль регулярно обращался к французам с призывом бороться за освобождение Франции.

В 1943 году Сустель был назначен главой секретной разведывательной службы, развернувшей активную деятельность на оккупированной территории Франции. После освобождения молодому политику была поручена задача создания первой деголлевской политической партии - Объединение французского народа (РПФ). В 1958 году, когда генерал был призван к власти, Сустель сыграл в этом деле одну из ключевых ролей. Однако двух незаурядных личностей развел «по разные стороны баррикад» так называемый «Алжирский вопрос». Кризис в отношениях назревал постепенно, взаимное отчуждение начало проявляться задолго до острой фазы, что получило яркое отражение в книге М.Ц.Арзаканян. Повествование об этих событиях временами напоминает авантюрный роман - настолько талантливо автор рассказывает о драматических взаимоотношениях блестящих политиков, завершившихся их полным разрывом в 1960 году [с. 29-39]. Тем не менее очевидно, что роль Сустеля в политической эпопее де Голля сложно переоценить.

Другой сподвижник генерала времен Сопротивления Мишель Дебре, юрист по образованию, оставил яркий след прежде всего как выдающийся администратор, теоретик доктрины голлизма и создатель Конституции Пятой Республики. Дебре полностью разделял идеи де Голля о необходимости борьбы с так называемым «режимом партий» и усиления исполнительной власти. После избрания генерала президентом в декабре 1958 года Дебре был предложен пост премьера, который он занимал три года и три месяца. В центре его внимания находилась обширная программа реформ, реализация которой требовала от него полной самоотдачи и самоотверженного труда [с. 61].

Пока де Голль восстанавливал «национальное величие Франции» на международной арене, его премьер-министр делал все возможное, чтобы ситуация внутри страны говорила о том, что Франция - великая держава [с. 62]. Когда генерал взял твердый курс на предоставление Алжиру независимости, для Дебре «проблема Алжира» превратилась в личную драму, он несколько раз подавал прошение об отставке с поста премьер-министра, и в апреле 1962 года оно было удовлетворено [с. 64]. Однако в отличие от Сустеля, превратившегося в знамя ультраколониалистов, Дебре не стал публично выступать против линии президента, и в 1966 году де Голль вновь призвал своего верного, трудолюбивого, талантливого соратника в правительство.

Фигура Андре Мальро стоит особняком от всех других членов «команды» де Голля. Достаточно сказать, что в отличие от них этот «великий самоучка» [с. 75] не получил систематического образования, что не помешало ему стать выдающимся французским писателем. С детства приобщившись к чтению, в сознательном возрасте он самостоятельно освоил основные произведения французской и мировой литературы, в том числе торгуя книгами на набережной Сены, а также посещая Национальную библиотеку, театральные постановки, музеи, кинематограф. Выдающиеся литературные произведения, как и левая политическая позиция,

обусловили роль и место Мальро среди французских интеллектуалов тех лет. Все это резко отличало его как от самого де Голля, так и от остальных его ближайших соратников, по большей части придерживавшихся консервативных взглядов.

Казалось бы, восхищение в 1930-х годах Советским Союзом, дружба с Луи Арагоном, знакомство с Львом Троцким, участие на стороне республиканцев в Гражданской войне в Испании могли бы стать непреодолимыми препятствиями на пути сближения де Голля с Мальро. Однако можно предположить, что эти особенности Мальро в глазах генерала, скорее всего, стали не столько недостатками, сколько, наоборот, его достоинствами. Как выдающийся политический деятель, боровшийся за восстановление «величия» Франции, де Голль стремился быть «над схваткой», представлять интересы всей французской нации, а не ее отдельных частей. Для этого ему была необходима поддержка если не всех французских граждан то, по крайней мере, их подавляющего большинства.

На протяжении всего своего жизненного пути де Голль вынужден был бороться с оппозицией, сталкиваясь прежде всего с сопротивлением со стороны левых и крайне левых политических движений. И с этой точки зрения поддержка со стороны Андре Мальро и его полноценное включение в деголлевскую «команду» (ему были доверены высокие посты, в том числе пост министра культуры) - важная составляющая уникального успеха политической деятельности знаменитого генерала.

Мальро примирил консерваторов, окружавших де Голля, с культурной элитой страны, привел к нему многих интеллектуалов Франции. Нельзя не отметить большую личную взаимную симпатию, которая связывала этих двух незаурядных людей. Несмотря на «неугомонный нрав» Мальро, генерал высоко ценил его исключительную эрудицию, писательский дар, виртуозное владение ораторским искусством. Для де Голля «Мальро окажется, может быть, единственным другом, которому он будет полностью доверять и делиться с ним самым сокровенным», тогда как для Мальро, «такого сумасбродного, самовлюбленного, горделивого, который ставил себя превыше всего и вся, де Голль станет настоящим кумиром, единственным человеком, достойным преклонения» [с. 93].

«Картинная галерея» была бы неполной без портрета такого значительного для де Голля политика, как богато одаренный, трудолюбивый и преданный генералу Жорж Помпиду. Об исключительном значении этой фигуры во всей «голлистской эпопее» говорит хотя бы тот факт, что именно Помпиду стал в 1969 году преемником де Голля на посту Президента Пятой республики, хотя в отличие от большинства других соратников он не относился к «голлистам первого часа», поддержавшим генерала в трудное время оккупации Франции. Де Голль высоко ценил исключительные деловые качества Помпиду, привлекая его к партийному строительству, созданию доктрины голлизма, а после 1958 года доверяя ему важные правительственные посты [с. 112-114].

Практически всех соратников де Голля отличало умение осваивать новые знания на протяжении всего жизненного пути. Однако с этой точки зрения именно Помпиду стал наиболее выдающимся среди сподвижников знаменитого генерала. Не имея базового финансового образования и начав трудовой путь с преподавания в лицее латыни, французского и греческого языков [с. 110], выпускник престижной Эколь нормаль в 1950-х годах становится сотрудником банка Ротшильда, где не только быстро овладевает новой для него специальностью, но и делает блестящую карьеру [с. 115-116].

Его связи и деловые знакомства не только в политических, но и юридических и финансовых кругах [с. 118] очень пригодились Помпиду в дальнейшем, когда по предложению генерала он начал работать в правительстве, что, однако, не помешало ему через короткое время вновь вернуться в банк после назначения Дебре на пост премьер-министра. Только в апреле 1962 года де Голль вновь призывает Помпиду и назначает его премьер-министром, буквально «выдернув» его из банка Ротшильда, где он был уже генеральным директором. Помпиду долго колебался, выбирая между политикой и высоким постом в банке Ротшильда [с. 118]. Характеризуя личность самого Помпиду, данный факт вместе с тем косвенным образом показывает также значение этого банка в судьбе страны того времени и его влияние на политическую жизнь.

На плечи премьера легло решение сложнейших задач по завершению войны в Алжире, куда он тайно приезжает для переговоров с Времен-

ным алжирским правительством. После подписания в 1962 году Эвианских соглашений его основная многолетняя деятельность направлена на дальнейший подъем экономики Франции, переживавшей период так называемого «славного тридцатилетия». По Конституции Пятой республики премьер-министр, второе лицо в государстве, несет ответственность за внутреннюю политику страны, основные направления которой формулирует президент. Таким образом, именно премьер как бы оказывается главным «виновным» в тех промахах и ошибках, которые допускает правительство, принимая на себя «удар» недовольства граждан своим положением. Так, «1968 год стал самым драматическим в политической карьере Помпиду». Именно он, а не сам де Голль был вынужден взять на себя полную ответственность за нормализацию обстановки в стране, что получило яркое отражение на страницах рецензируемого издания [с. 124-126].

Еще один герой книги - Жак Шабан-Дельмас - по праву относился к «голлистам первого часа». Он активно участвовал в организации движения Сопротивления, в 1944 году был назначен де Голлем его официальным представителем в Северной Франции и в возрасте 29 лет стал самым молодым бригадным генералом. Шабан-Дельмасу удалось сделать исключительную политическую карьеру - в течение 47 лет он избирался мэром Бордо и 46 лет - депутатом Национального собрания от департамента Жиронда, три раза занимал пост председателя Национального собрания, а в 1969 году, после того как Помпиду стал президентом, три года руководил правительством страны. Этот успешный, обладавший добрым нравом и легким характером политик близко дружил с Аленом Делоном (новые интересные детали этой дружбы приведены в книге М.Ц.Арзаканян).

Шабан-Дельмас всегда восхищался де Голлем, хотя так и не смог войти в самый ближний круг генерала. Он активно участвовал в создании голлистских партий и в 1958 году вместе с другими соратниками генерала готовил новую Конституцию, в частности став соавтором такого понятия, как «зарезервированная область» (имеются в виду исключительные компетенции президента страны в сфере внешней политики и обороны) [с. 152].

Однако наибольшую известность он приобрел как «социальный голлист». Главной «специализацией» Шабан-Дельмаса в так называемой «команде» де Голля стала разработка идеи об «ассоциации труда и капитала». Попытка ее реализовать была предпринята Дельмасом уже после ухода де Голля с поста президента, когда он стал премьер-министром страны. Анализ приведенных в книге причин, по которым этот эксперимент потерпел неудачу, обоснован новыми фактами и представляет собой большой интерес [с. 158].

Итак, в новой книге М.Ц.Арзаканян представлены биографические новеллы, причем каждая из них - самостоятельное законченное произведение. Все они дополняют друг друга и помогают лучше понять и оценить деятельность самого знаменитого француза XX века, создателя Пятой республики генерала де Голля и его «команды». Рецензируемое издание дает представление о том, какое место занимал тот или иной сподвижник в когорте де Голля. Перед читателем предстают живые, яркие, незаурядные и не сводимые к жестким оценкам и схемам люди на фоне широкого, расцвеченного новыми, ранее не обнародованными фактами исторического полотна Франции XX века.

Источники и литература

1. *Арзаканян М.Ц.* Де Голль и голлисты на пути к власти. М.: Высшая школа, 1990. 240 с.

2. *Арзаканян М.Ц.* Политическая история Франции XX века. М.: Высшая школа, 2003.157 с.

3. *Арзаканян М.Ц.* Де Голль. М.: Молодая гвардия, 2017. 304 с.

4. *Арзаканян М.Ц.* Сподвижники де Голля. М.: Молодая гвардия, 2024. 255 с.

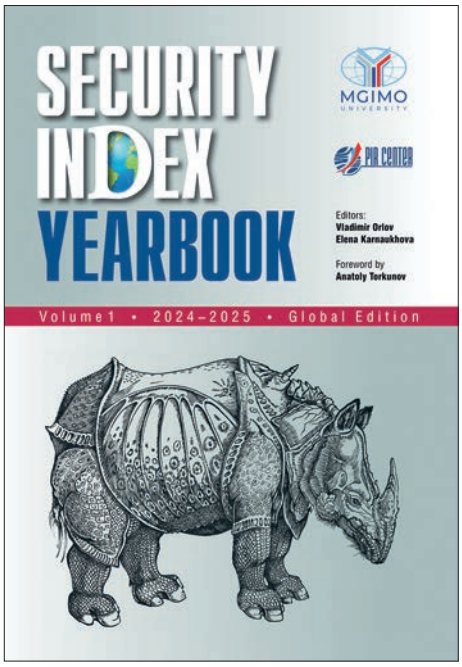
5. *Зверева Т.В.* «Бароны голлизма» на фоне портрета эпохи. Диалог со временем. Вып. 89. 2024 г. С. 434-440.

Евгений Бужинский

Генерал-лейтенант (в отставке), вице-президент Российского совета по международным делам, профессор НИУ ВШЭ, доцент факультета мировой политики МГУ им. М.В.Ломоносова, руководитель Центра прикладных политико-военных исследований

buzhinsky@pircenter.org

Индекс международной безопасности: российский взгляд, проницательный и уверенный



*Security Index Yearbook. Vol. 1: 2024-2025. Global Edition. Vladimir Orlov and Elena Karnaukhova (Editors). Foreword by Anatoly Torkunov. MGIMO University & PIR Center. Moscow: Aspect Press Ltd., 2024. 575 pp. Цифровое издание: https://pircenter.org/wp-content/uploads/2024/06/Security-Index-Yearbook-2024-2025-by-PIRMGIMO-Vol.1.pdf

Ключевые слова: *международная безопасность, ежегодник «Security Index Yearbook 2024-2025».*

Быстро изменяющаяся среда международной безопасности является одним из ключевых факторов, характеризующих современное состояние международных отношений. Формирование новых вызовов и угроз является одним из ключевых элементов для дальнейшего пересмотра архитектуры безопасности. Стандартное понимание безопасности и стратегической стабильности постепенно пересматривается в пользу развития дифференцированного подхода к определению безопасности как всеобъемлющей системы, включающей в себя не только контроль над вооружениями и ядерное нераспространение, но и такие ключевые тенденции, как милитаризация космического пространства, кибердипломатия, фактор международного терроризма, а также другие актуальные вопросы международной повестки дня.

Несомненно, что однополярный подход в контексте развития и пересмотра архитектуры глобальной безопасности теряет свою актуальность и многополярная модель меняющейся среды международных отношений представляет куда более приоритетную цель для стран Глобального Юга. Данная тенденция дополнительно подкрепляется за счет усиливающейся роли БРИКС в глобальном измерении.

Ежегодник «Security Index Yearbook 2024-2025»* - новый совместный продукт ПИР-Центра и МГИМО МИД России - включает наиболее актуальные аспекты и сюжеты развития системной глобальной безопасности, затрагивает вопросы развития института многополярности в контексте понимания текущей системы международной безопасности через призму российской внешнеполитической мысли. Авторский коллектив ежегодника (а это более двух десятков ведущих российских экспертов) справедливо выделяет следующие тенденции развития глобальной безопасности на современном этапе:

- распад ранее действующей системы контроля над вооружениями и стратегической стабильности, что привело к решению о возможности размещения ракет средней и меньшей дальности на территории стран - членов НАТО после денонсации Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности;

- украинский кризис как основополагающий аспект интенсификации неустойчивости системы глобальной безопасности;

- наращивание стратегических наступательных вооружений нового типа, в том числе гиперзвуковых вооружений и обычных вооружений нового типа, включая развитие неядерного стратегического оружия;

- фактор международного терроризма является ключевым аспектом дестабилизации современной архитектуры безопасности с учетом становления киберпространства в качестве потенциальной зоны активности радикальных террористических групп;

- попытки ряда стран осуществить всеобъемлющую милитаризацию космического пространства в обход норм международного космического права.

В ежегоднике подвергаются комплексной диагностике ключевые кризисы системы глобальной безопасности, связанные с реконцептуализацией стратегического порядка. Научный руководитель Российского совета по международным делам А.В.Кортунов отметил в одной из глав ежегодника, что возникший украинский кризис еще больше усугубил кризис преимущественно системы европейской безопасности. Очевидным сигналом интенсификации напряженности является заявление Президента России Владимира Путина в обращении к Федеральному Собранию в 2023 году о приостановке участия России в Договоре СНВ-3.

Автор справедливо замечает, что образовавшийся коллапс стратегической стабильности в Европе на фоне украинского кризиса повлиял на изменение подходов к определению европейской идентичности. Более того, явным преимуществом работы является вывод, что в настоящее время, в условиях существования де-факто однополярной модели международных отношений, наблюдается тенденция распада европейского единства и общности, что играет ключевую роль в политическом развитии стран Западной Европы.

Дифференциация европейских держав по принципу принадлежности к «старой» и «новой» Европе, происходившая с 2003 года, еще более усугубилась и отразилась на политической нестабильности внутри НАТО. Таким образом, можно говорить о том, что заключение о необходимости постепенного перехода к многополярной модели в качестве инструмента повышения стратегической стабильности и региональной безопасности полностью оправдано.

В ежегоднике подробно рассматриваются ретроспектива и современное состояние стратегических отношений России с ключевыми акторами международных отношений в целях содействия ключевой цели - поддержанию мира и безопасности. Авторы небезосновательно отмечают упадок конструктивных отношений России со странами Глобального Севера по вопросам развития стратегической стабильности, учитывая «гегемонистский» характер стратегического поведения США и их союзников на современном этапе.

Авторы ежегодника выделяют следующие перспективные направления развития стратегических отношений:

- развитие российско-китайских стратегических отношений в качестве ключевого фактора противостояния и сдерживания амбиций стран Запада, стремящихся к полной победе в российско-украинской «прокси-войне» и нанесению стратегического поражения России. Роль Китая в урегулировании украинского кризиса взаимозависима с усилиями по воссозданию эффективной системы управления рисками ядерной эскалации, что зафиксировано в Позиции Китая по урегулированию украинского кризиса от 24 февраля 2023 года;

- развитие российско-иранского стратегического диалога в целях содействия интересам обеих сторон в поддержании сотрудничества в области мирного атома. Развитие мирной атомной инфраструктуры Исламской Республики Иран является ключевым аспектом стратегических интересов Москвы и Тегерана в контексте противостояния западному давлению. Формирование стратегической оси «Москва - Тегеран» - важный фактор создания эффективной среды сотрудничества и выработки общих позиций по важнейшим приоритетным направлениям развития атомной отрасли (включая поставку ядерных топливных циклов, топлива, а также компонентов для развития АЭС);

- переосмысление африканскими странами оптимального внешнеполитического курса в контексте выработки стратегического диалога в последнее время трансформировалось в осознанное понимание необходимости российско-африканского сотрудничества для укрепления многополярности с учетом национальных интересов всех субъектов как суверенных акторов;

- на фоне украинского кризиса страны Латинской Америки придерживаются более прагматичного внешнеполитического курса, учитывая приоритетность стратегических отношений с Россией, в том числе в рамках пересмотренного курса Бразилии на развитие стратегической стабильности в составе БРИКС.

Развитие стратегического диалога в контексте выработки новых принципов глобальной безопасности является новым требованием адаптации к новой «нормальности» в международных отношениях. Высокая роль переосмысления действующей архитектуры безопасности определена новыми приоритетными направлениями внешнеполитического курса Российской Федерации на современном этапе. Определение украинского

кризиса как геостратегической кульминации, ведущей к изменению шагов по стабилизации глобальной безопасности, является оправданным шагом для внешнеполитического поворота ключевых африканских стран в сторону России.

Развитие искусственного интеллекта (ИИ) - ключевой аспект трансформации среды безопасности. Кибербезопасность стала основным фактором обеспечения устойчивости комплекса объектов стратегической и информационной инфраструктуры, включая технологические возможности для подрыва безопасности на современном этапе. Развитие информационных технологий активно используется многими субъектами международных отношений для создания кластеров безопасности с учетом трансформации обычных систем вооружения, а также для формирования эффективных систем мониторинга военно-политической активности ряда акторов глобальной безопасности, включая отслеживание современных типов вооружений. В связи с этим вопросы конфликтогенности в области глобальной безопасности переосмысливаются и поднимаются в контексте обозначения новых угроз, которые формируют современную международную повестку по управлению рисками и предотвращению кризисов стратегической стабильности.

Развитие новых факторов дестабилизации глобальной безопасности связано с эволюцией вооруженных конфликтов и использованием новых форм угроз, включая внедрение информационных технологий и развитие гибридных войн.

В ежегоднике справедливо охарактеризована текущая ситуация в сфере безопасности как хаотичная среда, для которой не характерно применение инструментов глобального управления. В нем представлены наиболее релевантные сценарии дальнейшего развития международно-политической обстановки в области стратегической стабильности, включая сценарии гибридизации международного режима безопасности, интенсификации американо-китайского соперничества в условиях новой гонки вооружений, сопровождающейся элементами хаотизации системы глобальной безопасности и геоэкономического противостояния между ключевыми полюсами международной системы.

Стоит отметить, что новые вызовы и угрозы, характерные для современного этапа развития глобальной безопасности, формируют своеобразный каскад, в котором элементы безопасности разделены на различные кластеры, не являющиеся однородными. Это точное определение современных тенденций в области глобальной безопасности наиболее полно отражает трансформацию геополитической среды, которая приобрела хаотичный характер за 30 лет существования однополярной модели.

Одним из значительных преимуществ ежегодника является использование инфографики и сопроводительных материалов, наглядно демонстрирующих взаимосвязь ключевых факторов безопасности и тенденций, а также их роль в отношении рассматриваемых проблем. Можно констатировать, что на сегодняшний день ежегодник является одним из ключевых коллективных исследований, направленных не только на определение основных вызовов и угроз современному состоянию глобальной безопасности, но и на их многовекторный анализ в контексте российской внешнеполитической и стратегической перспективы. Удачным представляется включение в ежегодник формата эксклюзивных интервью с заместителем министра иностранных дел РФ С.А.Рябковым, заместителем руководителя Россотрудничества Д.В.Поликановым, директором Института Африки РАН И.О.Абрамовой.

В ежегоднике подробно рассматривается характеристика однополярного режима и возможный переход к многополярному подходу в решении наиболее актуальных проблем глобальной безопасности, предлагаются новые способы реагирования как на традиционные, так и на новые угрозы и вызовы.

Высокое качество ежегодника обеспечено и составом авторского коллектива, подобранного главным редактором В.А.Орловым, и высокой планкой, которую поставила Международная редакционная коллегия ежегодника. О ней стоит сказать особо. Редколлегию возглавил академик РАН А.В.Торкунов. В ее составе - видные эксперты из различных государств. Достаточно назвать бывшего министра иностранных дел Египта Н.Фахми, бывшего посла Индии в России В.Варму, видного эксперта по ядерным проблемам Т.Рауфа.

Для непредвзятого зарубежного читателя (а именно ему прежде всего адресовано новое издание) этот ежегодник, безусловно, должен встать на полку, если не отстранив такие ставшие классическими, но страдающие изъянами «западного» угла зрения ежегодные издания, как, например, ежегодник СИПРИ, то заметно потеснив их. Но ему найдется достойное место также и на книжной полке российских специалистов и практиков в области международной безопасности. Как говорится, ждем продолжения.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор А.Г.ОГАНЕСЯН

Е.В.Ананьева,
обозреватель, кандидат философских наук

А.И.Давыденко,
первый заместитель главного редактора

М.Б.Куракин,
заместитель главного редактора

Ю.А.Минаев,
заместитель главного редактора

Е.Б.Пядышева,
заместитель главного редактора, кандидат исторических наук

Е.Ю.Студнева,
обозреватель

С.В.Филатов,
обозреватель

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ:

Заведующая отделом выпуска и контроля
И.Н.Знатнова

Редакторы:
О.Н.Ивлиева
Н.В.Карпычева
Л.А.Подчашинская

Научный редактор:
А.Д.Дубина

Технический редактор:
М.С.Тюрина

Ответственный редактор и составитель номера Е.Б.Пядышева

www.interaffairs.ru

Ежемесячный научно-политический журнал «Международная жизнь».

Материалы, публикуемые в журнале «Международная жизнь», не обязательно отражают точку зрения редакции.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК:
Основные специальности: 5.1 Юридические науки; 5.5 Политические науки; 5.6 Исторические науки. Тематика журнала: 5.1.5 Международно-правовые науки; 5.5.2 Политические институты, процессы, технологии; 5.5.4 Международные отношения; 5.6.1 Отечественная история; 5.6.2 Всеобщая история; 5.6.7 История международных отношений и внешней политики. Сведения об авторах (имя, отчество, фамилия, место работы, электронный адрес) и текстах (заглавие, аннотация, сам материал, ключевые слова, пристатейные ссылки или список литературы) публикуются в базе данных Научной электронной библиотеки (РИНЦ).

Учредитель МИД РФ и ФГБУ Редакция журнала «Международная жизнь».
Адрес: 105064, Москва, Гороховский переулок, 14.
Тел.: 8 (499) 265-37-81; факс: 8 (499) 265-37-71; E-mail: journal@interaffairs.ru

Издатель ФГБУ Редакция журнала «Международная жизнь».
Адрес: 105064, Москва, Гороховский переулок, 14.
Тел.: 8 (499) 265-37-81; факс: 8 (499) 265-37-71; E-mail: journal@interaffairs.ru

Адрес английского издания нашего журнала, выпускаемого в Миннеаполисе, США, фирмой East View Information Services: 10601 Wayzata Blvd, Minneapolis MN, 55305-1526 USA. Phone: 1-952-252-1201 (N.America); fax: 1-952-252-1202; toll-free: 1-800-477-1005; E-mail: periodicals@eastview.com

Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ №ФС 77-42508 от 01.11.2010 г.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Тираж 4300. Цена свободная.

Дата выхода в свет 29.04.2025. Формат 60x90 1/8. Офсетная печать. Заказ №251284

Отпечатано в типографии ООО «Андоба пресс»

105005, г. Москва, пер. Аптекарский, д. 4, стр. 2.

+7 (495) 225-25-78; zakaz@andoba.ru

Компьютерный набор, верстка и дизайн редакции.

ISSN 0130-9625

INTERNATIONAL AFFAIRS

A Monthly Journal of Foreign Policy, Diplomacy and National Security

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

С 2009 года журнал перешел на систему рецензирования. Статьи на рецензию представляются в электронном виде. Электронные версии статей следует направлять по электронной почте по адресу редакции: journal@interaffairs.ru с указанием фамилии, имени, отчества (полностью), должности, места работы, ученой степени и звания. Объем присылаемых в редакцию статей - не более 0,6 а.л. Редакция просит авторов прилагать к тексту статей краткую (8-10 строк) аннотацию на русском и английском языках, ключевые слова (не более 10), контактную информацию для переписки (адрес электронной почты). Примечания помещаются в постраничных сносках, источники помещаются в конце текста. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

РЕДАКЦИЯ РАССМАТРИВАЕТ ФАКТ НАПРАВЛЕНИЯ АВТОРСКИХ РУКОПИСЕЙ
ПО АДРЕСУ: journal@interaffairs.ru
КАК ПЕРЕДАЧУ ЕЙ АВТОРАМИ ПРАВ НА ИХ ПУБЛИКАЦИЮ.

Правила оформления сносок и библиографии в конце статьи:

[1]*Бердяев Н.А.* Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.
[2]*Putham H.* Mind, language and reality. Cambridge: Cambridge univ. press, 1979. P. 12.
[3]Инвестиции останутся сырьевыми//PROGNOSIS.RU: ежедн.интернет-изд. 2006. 25 янв. URL: http://www.prognosis.ru/print.html.id=6464 (дата обращения: 19.03.2007).
[4]*Ефимова Т.Н., Кусакин А.В.* Охрана и рациональное использование болот в Республике Марий Эл // Проблемы региональной экологии. 2007. №1. С. 80-86.

journal@interaffairs.ru

Индекс 70530. ISSN 0130-9625 «Международная жизнь». 2025. №4. 1-132

Оформление обложки Марины Гольтяевой.

ГлавУпДК - традиции гостеприимства: доходные дома как отражение времени и общества

ГлавУпДК при МИД России - крупнейший и наиболее опытный игрок на рынке аренды московской недвижимости. В ведении Предприятия находится более миллиона квадратных метров жилой и офисной недвижимости, в том числе около 7 тыс. квартир в престижных районах Москвы.

В новом цикле статей «ГлавУпДК - традиции гостеприимства», подготовленных специально для журнала «Международная жизнь», мы исследуем, как формировались отечественные традиции гостеприимства. В первых двух очерках мы рассказали о трансформации понятия собственности на недвижимость и этапах эволюции рынка жилых помещений в нашей стране, а сейчас речь пойдет об истории возникновения доходных домов, их назначении и использовании на протяжении последнего столетия.

Ответ урбанизации

Идея строительства доходных домов в России во многом была обусловлена активной урбанизацией в середине XIX века. С ростом населения крупных городов, в частности Москвы и Санкт-Петербурга, возникла острая потребность в жилье. Приток людей из деревень, стремившихся найти работу и лучшую жизнь в столице и промышленных центрах, привел к резкому увеличению спроса на аренду жилых помещений.

Доходные дома представляли собой многоквартирные здания, построенные с целью последующей сдачи квартир в аренду: чаще всего строительство проходило по заказу состоятельных предпринимателей, купцов или зажиточных дворян. Здания возводились с квартирами, разными по площади и уровню комфорта, чтобы охватить как можно более широкий круг потенциальных арендаторов.

Распространены были и случаи, когда состоятельные владельцы возводили роскошные особняки для собственных нужд, а рядом с ними проектировались дополнительные пристройки (часто - флигели), предназначенные для сдачи в аренду. Подобный подход зародился достаточно давно. Например, в ведении ГлавУпДК находится усадьба поручицы Щепочкиной (Спасопесковский пер. д. 8), спроектированная еще в начале XIX века именно таким образом. Адрес примечателен тем, что тогда там снимал жилье поэт - князь Петр Вяземский, близкий друг Пушкина, который часто бывал в гостях у собрата по перу.

Другим примером бизнес-подхода является особняк архитектора Льва Кекушева на улице Остоженка в Москве (также находится в ведении ГлавУпДК), для покрытия строительства которого рядом был возведен полноценный многоэтажный доходный дом.

Пик популярности доходных домов пришелся на рубеж XIX - XX веков. Свою роль в этом сыграла не только отмена крепостного права (миллионы крестьян получили свободу передвижения и начали массово переселяться в города), но и промышленная революция - развитие фабрик и заводов требовало большого количество рабочих. Крупные города стремительно росли, а потому возведение доходных домов стало выгодным как для владельцев, так и властей (частично решался вопрос нехватки жилья).

Городская усадьба А.Г.Щепочкиной - Н.А.Львова в Спасопесковском переулке, 8

В зависимости от местоположения здания и уровня комфорта его квартир жителями доходных домов могли быть студенты и ремесленники (обычно снимали самые дешевые помещения без удобств), мелкие служащие (клерки, учителя, чиновники низших рангов), представители среднего класса (врачи, инженеры, ученые предпочитали квартиры в центральных районах с хорошей планировкой) и состоятельные горожане (могли позволить себе роскошные квартиры с высокими потолками, лепниной и эркером).

Соответственно, варьировалась и цена на аренду помещений. Например, самые дешевые комнаты на окраинах города стоили всего несколько рублей в месяц, тогда как за просторную квартиру с дорогой мебелью нужно было отдать 100 и больше рублей.

Жилье для всех

После Октябрьской революции 1917 года судьба доходных домов, как и всей частной собственности в России, существенно изменилась. Новая власть провозгласила курс на национализацию недвижимости, что способствовало упразднению института частной аренды. Доходные дома, некогда символы «буржуазного успеха» и предпринимательской смекалки, стали объектами государственного имущества.

Революция и Гражданская война вызвали новый всплеск миграционной активности. Жители разоренных войной областей устремились в поисках спасения в города. В условиях острой нехватки жилья в крупных городах, таких как Москва, здания стали заселяться по принципу «уплотнения». Просторные помещения, ранее принадлежавшие обеспеченным гражданам, превратились в коммунальные квартиры: площадь делилась между несколькими семьями, а условия для жизни были далеки

от прежнего уровня комфорта. Примером такой трансформации является дом Перцовой в Курсовом переулке, д. 1. Один из ярчайших образцов русского стиля в столице стал использоваться как офицерское общежитие.

Дом Перцовой в Курсовом переулке, 1

В последующие два десятилетия архитектурное наследие многих доходных домов было утрачено: фасады перестраивались, интерьеры упрощались или вовсе разрушались. Впрочем, такая судьба миновала особняки, находящиеся в ведении ГлавУпДК.

Перестройка и последовавший за ней распад Советского Союза открыли новую главу в истории столичных доходных домов. Приватизация жилья способствовала массовой продаже исторических зданий частным лицам и компаниям. Так, многие прежние доходные дома начали превращаться в элитное жилье или офисы, тем самым вернувшись к своей первоначальной роли объектов коммерческой недвижимости, но уже в реалиях рыночной экономики.

Возвращаясь к истокам

Сегодня доходные дома продолжают оставаться важным элементом архитектурного ландшафта городов. Так, в Москве сохранилось большое количество таких зданий, многие из которых являются памятниками истории.

Яркий пример - доходный дом П.В.Лоськова в Мансуровском переулке, 4. «Замок» с высокой круглой остроконечной башней около входа был построен по проекту архитектора А.У.Зеленко в 1906 году. В дореволюционную эпоху владение принадлежало сколотившему состояние на торговле крестьянину Лоськову, а из известных жильцов можно выделить знаменитого генерала А.А.Брусилова, арендовывавшего там на

Доходный дом П.В.Лоськова в Мансуровском переулке, 4

протяжении десяти лет квартиру. После неоднократных перестроек в советское время здание было отреставрировано и отдано для размещения дипломатического представительства (ныне находится в ведение ГлавУпДК при МИД России).

В последние годы идея доходных домов получила развитие благодаря девелоперам. Формат арендного жилья становится все более популярным среди молодого поколения, а потому создание целых жилых комплексов, предназначенных для сдачи квартир в аренду, выглядит оптимальным решением. Подобные проекты называются «многофункциональные жилые комплексы». В отличие от традиционных доходных домов прошлого, они предлагают развитую инфраструктуру в составе самого комплекса (фитнес-центры, коворкинги, магазины, зоны отдыха).

ГлавУпДК при МИД России предлагает такой уникальный формат жизни сразу в пяти многофункциональных комплексах, расположенных в престижных районах столицы: МФК «Парк Плейс Москоу» (Ленинский проспект, 113/1), «Донской Посад» (улица Стасовой, 4), «Добрыня» (4-й Добрынинский пер., 8), «Пять прудов» (улица Новаторов, 1) и «Мосфильмовская 42» (ул. Мосфильмовская, д. 42, стр. 2). В зданиях предусмотрено все необходимое для комфортной жизни и продуктивной работы - от полностью меблированных квартир разной площади до офисных помещений, подземных парковок, ресторанов и даже детских садов.

Узнать больше о возможностях аренды недвижимости у Предприятия:

Мацкепладзе Максим